

ИСТОРИИ ЛЮБВИ ПРОПАГАНДА ГОМОСЕКСУАЛИЗМА В РОССИИ

НА ТЕРРИТОРИИ РФ РАСПРОСТРАНЯЕТСЯ БЕСПЛАТНО

ПОД РЕДАКЦИЕЙ МАШИ ГЕССЕН И ДЖОЗЕФА ХАФФ-ХЭННОНА
ПРЕДИСЛОВИЕ ГАРРИ КАСПАРОВА

**ПРОПАГАНДА
ГОМОСЕКСУАЛИЗМА
В РОССИИ**
ИСТОРИИ ЛЮБВИ

ПРОПАГАНДА ГОМОСЕКСУАЛИЗМА В РОССИИ

ИСТОРИИ ЛЮБВИ

**ПОД РЕДАКЦИЕЙ МАШИ ГЕССЕН
И ДЖОЗЕФА ХАФФ-ХЭННОНА**

ПРЕДИСЛОВИЕ ГАРРИ КАСПАРОВА

Перевод с русского на английский:
Бэла Шаевич

Переводы с английского на
русский: Андрей Бородин, Дмитрий
Карельский, Светлана Солодовник

OR Books
New York • London

© 2014 Маша Гессен и Джозеф Хафф-Хэннон

OR Books, New York and London
www.orbooks.com

Первый тираж: 2014

ISBN 978-1-939293-35-0 мягкий переплет
ISBN 978-1-939293-37-4 электронная книга

Электронную книгу “Пропаганда гомосексуализма в России” на русском языке можно скачать бесплатно: www.orbooks.com/lovestories

СОДЕРЖАНИЕ

	ПРЕДИСЛОВИЕ ГАРРИ КАСПАРОВА	8
	ОТ РЕДАКТОРОВ	11
МАРИНА* И ЕЛЕНА*	«Потом они сперли моего ребенка в первый раз»	19
ДЕНИС	«С этим человеком нас связывает канат»	27
ОЛЬГА И ИРИНА	«Мы так по-дурацки обошлись с нашими жизнями»	30
ОЛЕГ ДУСАЕВ И ДМИТРИЙ СТЕПАНОВ	«У меня такое ощущение, что мы убили наших матерей»	35
АНДРЕЙ ТАНИЧЕВ И РОМАН КОЧАГОВ	«Не только наши родители, но и городская администрация прекрасно знают, кто мы и как живем»	40
МАША И РУСЛАН	«А тут раз вдруг — хочу бороду»	46
ВОЛОДЯ И ДИМА	«Мы как ходили за руку, так и ходим»	52
КСЕНИЯ МЕЩЕРЯКОВА	«Софи — наш ребенок, им придется смириться»	54
СЕРГЕЙ	«Я с женщинами никогда не спал, но семья — это совсем другое»	58
ОЛЬГА И МАРИЯ	«Я увидела ее и подумала: «Терапия прошла хорошо!»»	63
АЛЕКСАНДР БЕРГАН И ИВАН САМСОНОВ	«Самое трудное на церемонии бракосочетания было поцеловаться»	67
ЭЛЬВИНА ЮВАКАЕВА И ЕЛЕНА НИКИТИНА	«Это моя семья, а семью менять нельзя»	70
УЭС ХЕРЛИ	«Моя жизнь превратилась в фильм Педро Альмодовара»	74
ОЛЬГЕРТА И ЛИЗА*	«У меня седая голова, а я себя чувствовала пятнадцатилетним мальчишкой»	78
АНТОН* И ГЕОРГИЙ*	«Мы не врем. Мы просто чуть-чуть не договариваем»	82

АЛЕНА И ОЛЬГА	«Медсестра посмотрела по сторонам и поняла, что отец здесь я»	87
ОЛЬГА КУРАЧЕВА	«Мы расстались, и я почувствовала, как уходит страх»	92
АЛЛА ГОРИК	«Я часто спрашиваю, как ей ее новая подруга, неужели лучше меня?»	95
ГЛЕБ ЛАТНИК	«Я мечтаю, чтобы была маленькая квартирка, любимый человек и чтобы к нам приходили гости»	98
АЛЕКСАНДР И МИХАИЛ	«Это было именно то, во что не верил каждый из нас. Это была любовь с первого взгляда»	102
ТАТЬЯНА ЕРМАКОВА	«В России у меня была карьера, хорошая квартира, друзья, семья. Я всем пожертвовала ради Аны»	107
АЛЕКСАНДР СМИРНОВ	«Но я ни о чем не жалею»	113
РУСЛАН САВОЛАЙНЕН	«Я стал стесняться говорить, что я гей»	119
ЛЕНА И НАСТЯ	«Родители сказали: Мы сделаем так, чтобы она исчезла»	122
ВИТАЛИЙ МАТВЕЕВ	«Реакция человека на камин-аут — отличный фильтр»	131
НАТАЛЬЯ УШАКОВА	«Если я буду переживать из-за правительства, у меня будет третий инфаркт»	134
МАКС* И САША*	«Разговор с журналистом о моей частной жизни кажется дикостью»	137
НИНА И КАТЯ	«Мама Катя, мама Нина, папа и много детей»	140
АНЯ И НАТА	«Когда наши отношения устаканились, нам захотелось научиться танцевать в паре»	144

* Имя изменено

ПРЕДИСЛОВИЕ

С тех пор как Владимир Путин пришел к власти в 2000 году, Россия неуклонно скатывалась в диктатуру. Одновременно с закручиванием гаек в родном отечестве путинский режим активно насаждал коррупцию и произвол в дальнем и ближнем зарубежье. Но когда дело доходит до необходимости противостоять Путину, лидеры и экспертное сообщество Запада демонстрируют то безразличие, то притворную беспомощность — и лишь в редких случаях этот цикл удается нарушить и спорный вопрос прорывается наружу.

Перефразируя первую строку из «Анны Карениной» Толстого, все диктатуры несчастливы по-своему. Путинская Россия — не СССР, но тот факт, что россияне могут свободно выезжать из страны, еще не означает, что они свободны. Путин — не Гитлер, но хотя с нацистским монстром Второй мировой войны никого нельзя сравнить, необходимо извлечь урок из того, что за Гитлера проголосовал его собственный народ и в 1930-х годах он был признанным мировым лидером. Наверное, такие уроки даются нелегко.

Вместе с тем все диктатуры во многом похожи — одни и те же модели повторяются от страны к стране и от эпохи к эпохе: всякий деспот стремится ограничить личную свободу граждан и удержаться у власти любой ценой. Отказываясь от положительных целей и задач и все больше сосредотачиваясь на отрицательных, такие режимы постепенно теряют свою эффективность. И причиной тому не только развращающая человека власть или неспособность тирана, пусть даже самого милосердного, идти навстречу нуждам и пожеланиям подданных. Причина, говоря кратко, в отсутствии живой связи с народом. Авторитарный режим может разработать вполне разумный план действий или наметить пути выхода из кризиса, но без обратной связи, которую дает реально функционирующая демократия, моральный и интеллектуальный застой неизбежен.

Другая общая черта авторитарных режимов — то, как они пытаются возместить отсутствие положительной повестки созданием образа врага, от которого они готовы храбро защищать население. Эти враги, внутренние и внешние, необходимы, чтобы свалить на них вину за многие беды страны, однако поиски козла отпущения не самоцель. Нагнетание страха и ненависти хорошо для затравки, но поиски врага, подкрепленные массовой пропагандистской кампанией, могут быть весьма эффективны для отвлечения людей от реальных экономических проблем, проблем безопасности, а также от борьбы за право голоса в условиях притеснений.

Самые подходящие враги — это те, с кем на протяжении истории случались конфликты, в которые теперь можно вдохнуть новую жизнь. Для сотрудников КГБ, вроде Путина и его клики, естественнее всего возродить антиамериканизм, питаясь объедками конфронтации времен холодной войны. Другая излюбленная мишень — те члены общества, которые лишены возможности дать отпор, мигранты и меньшинства, уже испытывающие огромное давление из-за разложения гражданского общества. Здесь Путин опять следует старым сценариям, развернув наступление против еще не окрепшего российского ЛГБТ-сообщества как официально, инициируя дискриминационные законы, так и неофициально, отказываясь защитить их от оскорблений и насилия.

По иронии судьбы один из любимейших путинских грандиозных проектов привлек к этим жалким нападкам внимание всего мира. Зимняя Олимпиада в Сочи 2014 года, этот праздник коррупции и протекционизма, который был призван продемонстрировать мощь и богатство путинского режима, вместо этого привлек внимание к легализованному ханжеству и наступлению на свободу слова, запущенным в России в результате законодательного запрета на «пропаганду гомосексуализма». Вся прелесть иронии в том, что две излюбленные диктаторами практики — устраивать помпезные международные мероприятия и преследовать меньшинства — таким образом опять столкнулись. Наиболее известный прецедент был на Олимпийских играх 1936 года в Германии, когда Джесси Оуэнс опроверг расовую теорию в самом сердце страны. Но персональные достижения Оуэнса не были подкреплены поддержкой мировых лидеров, которые, выслуживаясь перед Гитлером, восхищались устроенным им слаженным спектаклем. Берлинские игры стали витриной нацистской мощи, и их никем не оспариваемый успех только заставил Гитлера утвердиться в своих амбициозных планах.

Чтобы избежать повторения этого сценария в Сочи, свободный мир должен безоговорочно осудить противоправные действия

путинского режима. Права геев — неотъемлемая часть прав человека, и когда члены ЛГБТ-сообщества страдают от того только, что существуют, мы все страдаем. Всеобщая декларация прав человека, Конституция РФ и даже Олимпийская хартия запрещают дискриминацию, которой сегодня подвергаются российские геи. Атмосфера разделения и враждебности, созданная несправедливыми законами — так же как и циничное подыгрывание режиму в этих культурных войнах Русской православной церкви, — отравляет душу России.

Российские геи и лесбиянки, как и многие другие, при малейшей возможности покидают страну. Интеллектуалы, либералы, предприниматели, впавшие в немилость представители этносов и религий — все превращаются в мишень, и Путин рад избавиться от этих «врагов государства». Утечка мозгов и оскудение образованного креативного класса не считаются проблемой в сидящей на трубе экономике, которую создал Путин. И это, по сути, его главное преступление, которое настраивает Россию против россиян, любящих свою страну и желающих для нее большего, надеющихся на то, что Россия превратится в сильное и свободное государство, где можно достойно жить и воспитывать детей.

—Гарри Каспаров
Таллин, Эстония
14 декабря 2013 г.

ОТ РЕДАКТОРОВ

Маша Гессен и Джозеф Хафф-Хэннон

ДЖОЗЕФ

Все началось с совершенно невероятной любовной истории — ее в самых общих чертах рассказала мне этим летом тихая русская девушка Татьяна. С будущей женой Анной она познакомилась в интернете, девушки жили тогда на разных концах света, но несмотря на это между ними завязалась оживленная переписка. Несколько месяцев спустя они наконец встретились в Москве, это первое свидание было коротким, но абсолютно незабываемым. Они полюбили друг друга, поселились вместе в Нью-Йорке, завели дочь и, прожив почти что десять лет одной семьей, зарегистрировали брак вскоре после того, как Верховный суд США признал Закон о защите брака отчасти неконституционным. История Татьяны запала мне в душу — я вообще обожаю рассказы про любовь.

На пикнике в парке над Ист-Ривер в Квинсе было много холодного свекольника, русской выпечки и вина. Пикник устроила компания русских и русскоязычных ЛГБТ-активистов — среди них были и участники нашумевших акций против российской гомофобии, те, к примеру, кто в знак протеста выливали на землю русскую водку перед посольством РФ. К тому времени новостные медиа как раз начали уделять много внимания России как стране-организатору самой дорогой в истории и, как многие опасались, самой гомофобной Олимпиады. Меня сюжет с российской гомофобией заинтересовал главным образом постольку, поскольку она способствовала разрастанию сплоченного и все более заметного в Нью-Йорке и вообще в США сообщества эмигрировавших из России геев и лесбиянок.

Мы с Татьяной оба впервые оказались в компании этих людей, и я спросил, что ее сюда привело. «Я теперь жената и понимаю, как это здорово — пользоваться теми же правами, что и все остальные. Нельзя просто так сидеть сложа руки, когда у тебя дома время повернулось вспять».

За месяц или два до этого президент Путин подписал злосчастный закон о запрете «пропаганды нетрадиционного образа жизни», коряво составленный законодательный акт, по которому запрещено заявлять о социальной равноценности гетеро- и гомосексуальных отношений, распространять материалы в защиту прав сексуальных меньшинств, а также «пропагандировать» — а по сути, и освещать — в средствах массовой информации и в интернете жизнь, тем более жизнь интимную, лиц нетрадиционной сексуальной ориентации. То есть о любовных отношениях людей вроде Татьяны, чей межконтинентальный роман привел в итоге к созданию семьи, в России рассказывать противозаконно, особенно если рассказ могут услышать или прочитать в интернете несовершеннолетние. Например, собственная Татьянанина дочь.

Один-единственный росчерк пера поставил вне закона личную жизнь нескольких миллионов граждан огромной, раскинувшейся на девять часовых поясов страны со 140-миллионным населением. Ее снова выпихивают из правового поля, куда она медленно, но верно внедрялась в годы «оттепели» наступившей после крушения Советского Союза.

Чушь и дикость. Но в то же время и блестящий стратегический ход: это если сугубо прагматически посмотреть, какие цели ставила перед собой власть и каких результатов добилась. А хотела она в стране, где коррупция достигла поистине эпических масштабов, а начальству не терпится окоротить поднявшее было голову гражданское общество, посредством дешевого популизма настроить толпу против слабого меньшинства, которое не может постоять за себя в средствах массовой информации. Лишить российских геев и лесбиянок всякой возможности требовать равноправия, заявлять о себе в публичном пространстве. Запретить им открыто представлять ЛГБТ-сообщество на телевидении, в кино, изобразительном искусстве — и во всех других сферах, которые открывают доступ к массовой аудитории. Власть стремилась сделать так, чтобы в стране нельзя было издать книгу о российских мужчинах и женщинах, проживающих самую что ни на есть российскую жизнь, ищущих и обретающих любовь, которая кому-то приносит радость и наслаждение, а кому-то — страдание. После принятия гомофобного закона я понял, что такую книгу нужно непременно сделать, и чем быстрее, тем лучше.

Когда замысел начал более или менее оформляться и я задумался о практической стороне работы над книгой, герои которой живут за много тысяч миль от меня, первым, кого мне захотелось вовлечь в свой преступный замысел, была Маша: я внимательно следил за ее

деятельностью, ее репутация была мне хорошо известна. Меня выручил принцип шести рукопожатий: я припомнил, что мой кучерявый русский друг Борис состоит с Машей в отдаленном родстве, вытянул из него ее адрес, на который и отправил длинное письмо с описанием своего замысла — сборника современных российских любовных историй, рассказанных от первого лица. «Гей-пропаганда» — так должна была называться эта книга.

МАША

Не могу сказать, что предложение Джозефа меня обрадовало. У меня и без того было полно дел. И мне определенно не хотелось связываться с очередным американцем, который из самых добрых побуждений решил заняться просвещением российской публики, пребывая при этом в ужасном заблуждении, что если русских чаще знакомить с геями и лесбиянками и больше им о геях и лесбиянках рассказывать, то они со временем перестанут быть гомофобами. Большую чушь трудно себе представить.

Проблема ведь вообще не в гомофобии российского общества, а в Кремле, откуда была запущена кампания против нас, идеальных «иностранных агентов», таких Чужих, что дальше некуда.

Глава Русской православной церкви патриарх Кирилл объявил набирающую силу в мире тенденцию легализации однополых браков знамением апокалипсиса. Популярный ведущий Первого канала, передачи которого принимаются в 98% российских домохозяйств, пустил в эфир несколько сюжетов, объясняющих, что ЛГБТ-сообщество — это и есть Антихрист. Второй человек в иерархии государственного телевидения, выступая на одном из ток-шоу в качестве гостя, выразил мнение, что просто запретить «пропаганду гомосексуализма» недостаточно: геям надо вдобавок «пожизненно запретить донорство крови, спермы, а их сердца в случае автомобильной катастрофы зарывать в землю или сжигать, как непригодные для продолжения чьей-либо жизни».

Геев выставляют источником смертельной опасности и временно существами неполноценными в сравнении с гетеросексуалами. Это классическая риторика военного времени, которую непрерывно и огромными дозами скармливают населению. Идет это с самого верха, насаждается с использованием гигантского государственного ресурса, и никаким доморощенным просвещением делу не поможешь. Даже пробовать, по-моему, было бы неправильно: в самой попытке содержится согласие с официальной версией происходящего, что, мол, новые законы лишь отражают чаяния общества.

Я поздно обратила внимание на гомофобную кампанию в стране: телевизор я не смотрю уже много лет, и среди моих знакомых нет никого, кто бы его смотрел. Про антигейские законы в провинции я знала, но не принимала их всерьез. Но когда в марте 2012 запрет на «пропаганду гомосексуализма» ввели в Санкт-Петербурге, втором по величине городе страны, стало ясно, что скоро парламент продублирует его уже на общенациональном уровне.

«И что нам теперь делать? — спросила я у своей подруги. — Покупать новые машины или, наоборот, распродавать все, что можно, и быстрее сваливать?» Дарья как раз незадолго перед тем родила нашего третьего ребенка, и тут выяснилось, что в наших маленьких машинках некуда крепить детское кресло, а прогулочная коляска не влезает в багажник, поэтому я начала присматривать автомобили попросторнее. В то же время у нас было трое детей — трое несовершеннолетних, живущих с нами в одной квартире, — то есть мы нарушали закон о «пропаганде гомосексуализма» каждый раз, когда касались друг друга, целовались или уклонялись от обязанности напоминать детям, что наша семья хуже и неполноценнее соседской. Я была близка к панике, что на меня, в общем-то, непохоже. Но Дарья, обычно воплощенное благоразумие, сказала: «Да ну, на фиг. Остаемся. Такого просто не бывает». Подозреваю, что кормление грудью иногда внушает женщинам ложное ощущение безопасности.

Я отправилась на крупнейший независимый телеканал «Дождь» (чья аудитория уступает аудитории государственных каналов, по самым оптимистичным оценкам, в семь раз) и записала воззвание. Я показала фотографии своей семьи и объяснила, что новое законодательство лишает меня права воспитывать моих детей. Рассказала, что антигейский закон официально вводит разделение граждан на первый и второй сорт. Призвала всех людей доброй воли в знак протеста против надвигающегося фашизма надеть значки с розовым треугольником. Я заказала 6 000 таких значков и довольно быстро почти все раздала. При взгляде изнутри моего теплого московского круга начинало казаться, что жизнь должна вернуться в привычное русло.

Своим телеобращением я, помимо всего прочего, персонализировала борьбу. Тут я прибегла к проверенной тактике: кампании в защиту прав сексуальных меньшинств всегда приносили лучший результат, если ассоциировались с конкретным живым человеком. Однако на этот раз, впервые за долгие годы работы в оппозиционной журналистике и в защите прав ЛГБТ, я сделала мишенью для неприятеля не только себя, но и свою семью. Борьба перешла на личный уровень.

Петербургский депутат Виталий Милонов, один из главных сторонников запрета «пропаганды гомосексуализма», заявил в интервью самой тиражной в стране ежедневной газете, что несчастных российских сирот надо защищать «от извращенских семей, как у Маши Гессен» (наш старший сын — усыновленный). Кремлевское молодежное движение «Наши» обвинило меня в стремлении уничтожить институт русской православной семьи. Председатель думского комитета по делам семьи Елена Мизулина поклялась разработать механизм отъема детей у однополых пар. Вожак православных активистов-гомофобов Дмитрий Цорионов (Энтео) публично вызвался усыновить моих детей. Кроме того, в день принятия федеральными депутатами закона о «пропаганде гомосексуализма» он собственноручно бил меня на акции протеста у стен Думы.

В июне 2013 мы вынуждены были признать, что наша семья войну проиграла и что нам придется-таки покинуть Россию. Первоначально мы планировали дожидаться окончания 2013/2014 учебного года, но уже через месяц стало ясно, что закон, позволяющий лишать гомосексуальные пары родительских прав, скорее всего, примут весной 2014, поэтому мы перенесли отъезд на конец декабря. За осень нам предстояло избавиться от добра, скопившегося за двадцать лет жизни в России, среди прочего, мне надо было найти покупателя на мой желтый «Мини Купер» с красным салоном и пробегом на тот момент меньше 10 000 километров, а также понять, где мы будем в Нью-Йорке жить, где работать, в какие школы отдадим детей. За всем этим мне было уж точно не до нового книжного проекта.

Но когда Джозеф наконец настиг меня в скайпе, он, что было мило и неожиданно с его стороны, ни словом не обмолвился о просвещении российского народа. И вообще, произвел впечатление человека, который все понимает правильно. А когда Джозеф прислал историю Татьяны, до меня наконец дошел смысл его замысла: он придумал самиздатский проект, хотел поделиться житейскими историями с узким кругом читателей, с теми, кому это действительно было нужно. Я вспомнила, как в детстве в советские времена читала (а еще перепечатывала и переплетала) машинописные книжки, вспомнила, как важны они были для меня: эти книги служили доказательством того, что мы с родителями не единственные, кто думает не так, как большинство. Некоторые из этих книг рассказывали об иной, разумно устроенной действительности. Некоторые, наоборот, высмеивали или объясняли действительность, в которой жили мы. Самые, наверное, главные так или иначе говорили то, что хотелось бы сказать и мне. Посредством самиздата никто не пытался образумить общество в целом: четыре «эриковские» копии были нужны для того, чтобы

вести разговор с единомышленниками и чтобы этих единомышленников находить. В юности самиздатские книжки помогли мне сохранить здравый рассудок. Такая помощь нужна была мне и сейчас.

Работа над книгой шла тяжело и сумбурно, в процессе было допущено много грубых ошибок. Мы задались целью выпустить ее до начала Олимпиады, поэтому нам приходилось торопиться. Журналистам, которые брали для нас интервью, с трудом удавалось разговаривать тех, по кому больше всего били новые законы: неохотно рассказывали о себе пары с детьми, особенно мужские, и мало зарабатывающие провинциалы.

Я так и не убедила дать нам интервью никого из гомосексуалов в возрасте: они на себе испытали, каково было быть геем или лесбиянкой в СССР, и зачастую устраивали свою семейную жизнь так, как никто никогда не устраивал на Западе: со сложносочиненными отношениями, зачастую с довольно большими семьями. В какой-то момент я испугалась, что все героини-лесбиянки окажутся у нас исключительно юристами и психологами из Москвы. И все-таки мы записали интервью с молодыми лесбиянками, у которых едва не отобрали ребенка по суду; с двумя парами геев, воспитывающих детей совместно с гетеросексуальными женщинами; с безработным активистом ЛГБТ, который ценой огромных усилий худо-бедно держится на плаву; помимо москвичей и петербуржцев, в книге представлены жители Сочи, Екатеринбурга, маленьких городов, названий которых наши герои предпочли не упоминать, ну и, разумеется, Нью-Йорка, Вашингтона и Сиэтла.

Я готовила текст одновременно на двух языках, поэтому каждое интервью проходило через мои руки по нескольку раз: надо было отредактировать русский оригинальный текст, потом выправить его английский перевод и в завершение проверить, чтобы между разноязычными версиями не оказалось крупных расхождений. Эта работа шла в ноябре 2013 года. В этом месяце самый большой гей-клуб Москвы сначала подвергся налету вооруженных людей в масках, потом другие люди распылили в его помещении слезоточивый газ; администрация ЛГБТ-кинофестиваля в Санкт-Петербурге получила пять телефонных звонков о якобы заложенных в кинозалах бомбах; я оформляла продажу нашей квартиры, в которой тем временем шла непрерывная домашняя распродажа, приходили и уходили люди, уносили наши вещи — на этом прекрасном фоне каждый вечер, уложив спать детей, в наступившей наконец тишине я читала и читала любовные истории геев и лесбиянок. Это был мой личный самиздат, и он вновь помог мне сохранить здравый рассудок.

ДЖОЗЕФ

С самого начала мы с Машей остановились на формате, который лучше всего передает аромат любовных историй — на свободном рассказе от первого лица. Я всегда был большим поклонником Стадса Теркеля и отточенного им жанра устного рассказа, его лишь самую малость правленных интервью — они доносят до читателя голоса героев со всеми индивидуальными особенностями речи, создают ощущение, будто ты сидишь и слушаешь человека где-нибудь в кафе или в гостиной у него дома. Маша устраивала интервью в России, я гонялся за русскими, живущими за границей, которых, по мере ухудшения ситуации на родине, становится все больше.

Подавляющее большинство историй в этой книге представляют собой бережно отредактированные записи бесед с представителями сексуальных меньшинств, некоторая часть была передана в наше с Машей распоряжение в письменном виде, и еще несколько — это дополненные и исправленные версии интервью, первоначально напечатанных в журнале «Афиша» в феврале 2013 года.

На страницах этой книги вы познакомитесь с владельцем единственного на все олимпийские Сочи гей-бара; с двумя женщинами, которые воссоединились после десятилетней разлуки и вместе воспитывают детей; с журналистом, который лишился работы, после того как совершил каминг-аут, а несколько недель спустя зарегистрировал брак со своим партнером.

С подготовкой текста мы уложились в два месяца, нам очень в этом помогли талантливые журналисты, переводчики и команда издательства *OR Books*, а также разумеется, мой друг Артем — он вырос в Соединенных Штатах, но родился в Москве и прекрасно говорит по-русски. Он выступал моим переводчиком во время интервью — очных и по скайпу — с русскими, которые еще не вполне владеют английским.

Учитывая спешку, в какой делалась эта книга, иногда кажется, что истории, которые в нее не попали, не менее важны, чем те, что нам удалось собрать. Многие из тех, к кому мы обращались, не шли на откровенный разговор, опасаясь враждебной реакции со стороны родных, коллег или российских властей. Мне так и не удалось связаться ни с кем из российской ЛГБТ-диаспоры в таких крупных городах, как Лондон, Берлин, Барселона, Лос-Анджелес и Тель-Авив. Одна русская женщина из Питсбурга в последний момент отменила назначенное интервью, потому что поссорилась с партнершей и не была настроена на поэтичное повествование о своих с ней отношениях. Что ж, любовь бывает жестока.

Мы очень торопились выпустить книгу до начала зимних Олимпийских игр в Сочи, которые после разгоревшихся вокруг них споров рискуют войти в историю как самые гомосексуальные за все время проведения Олимпиад. Но Игры закончатся, и жизнь пойдет свои чередом: в России, точно так же как во все мире, миллионы мужчин и женщин будут любить и отстаивать свое право на любовь вне зависимости от того, запрещают им это или нет. Всем этим людям мы и посвящаем любовно изготовленный нами образец гей-пропаганды.

—Перевод Дмитрия Карельского

МАРИНА И ЕЛЕНА

«Потом они сперли моего ребенка в первый раз»

Вернувшись из своих офисов домой, в маленькую двухкомнатную квартиру в подмосковном городке, Марина и Елена переодеваются в почти одинаковые пижамы с рисунком в виде кошачьих лапок. Им обоим по 28 лет, вместе они живут меньше года — но их история началась гораздо раньше. В детском саду Марина была влюблена в мальчика Колю. Их чувства были настолько сильны, что они познакомили своих родителей, которые в результате очень подружились и продолжали общаться даже после того, как страсть детей угасла. Как это часто бывает в России, Марина вышла замуж в 20 — в том же возрасте женился и Коля. У Марины родился сын, и примерно в то же время забеременела Колина жена — Елена, спустя девять месяцев у них появилась дочь. Коля предложил Елене пойти в гости к Марине, которую он не видел много лет, но знал от своих родителей, что у нее маленький ребенок: «Пойдем, посмотрим, как это выглядит». Они сходили в гости, и уже на следующий день Елена родила. Марина и Елена могли бы сказать, что их свела судьба, хотя они не любят таких выражений.

МАРИНА

Какое-то время мы общались не очень много. Потом дети стали постарше и мы стали всюду вместе ездить. Мой муж особо никуда не ездил, поэтому обычно мы были с детьми втроем: я, Елена и Коля. Потом мы начали общаться в интернете.

ЕЛЕНА

В скайпе разговаривали, просто часто стали общаться. У Марины сложные отношения с родителями — она их очень тяжело переживала, — и отношения с Витей тоже. Марина систематически ко мне приходила, ревела, нервничала по этому поводу. Ты помнишь, как мы начали целоваться?

МАРИНА

Кажется, у меня была истерика.

ЕЛЕНА

Да, у нее была истерика. Мама ей там опять чего-то наговорила, и Марина все время повторяла: «Я такая нехорошая, никому не нужная». А я говорю: «Не беспокойся, ты хорошая», а еще говорю: «Заведи любовника». А потом мы начали целоваться.

У меня до этого были девушки, у меня с этим проблем не было никогда. Но у Марины я оказалась первой. Так что на следующий день я решила, что нам надо поговорить. Потому что у девочки в первый раз был поцелуй с девочкой — она, наверно, переживает.

МАРИНА

Она приехала, такая серьезная, разговаривать.

ЕЛЕНА

Стали разговаривать, и Марина такая: «Давай попробуем!». А я говорю: «Хорошо, но сразу мы с тобой спать не будем». Но мы, конечно, переспали через полчаса после этого.

МАРИНА

По поводу того, что она девочка, у меня переживаний не было. Я до этого еще думала, что мне надо бы загулять от Вити. И когда я об этом размышляла, я решила, что мне нужна, скорее, любовница. Потому что...

ЕЛЕНА

Не забеременеешь.

МАРИНА

Да, как минимум. У меня много знакомых лесбиянок — я с ними познакомилась в интернете через форум, посвященный вампирам Анны Райс, — так что для меня это не было проблемой.

ЕЛЕНА

А потом... Вообще-то, мы не собирались съезжаться, строить какие-то отношения.

МАРИНА

Но мы всем сказали. Коле ты сказала почти сразу.

ЕЛЕНА

У Коли на тот момент уже была Оля. До того, как у меня с Мариной началось, пришел ко мне мой муж и говорит: «Я влюбился в девушку в твиттере». Я такая: «Как это — в твиттере?!», а он: «Мы переписывались в твиттере, и я влюбился». А я: «Коля, я, конечно, все понимаю, но в твиттере?», а он сказал, что я просто не понимаю. Я говорю: «Я не против, хочешь любить кого-то — люби, в твиттере, не в твиттере». Мы с ним к тому времени были уже, скорее, друзьями, и я подумала: «Ну, влюбился человек, зачем я буду ему мешать». Мы с ним договорились, что еще какое-то время проживем вместе, пока ребенок в школу не пойдет, а там уж разберемся.

К тому же его девушка жила в другом городе, было непонятно, когда она приедет и приедет ли вообще. А у меня с Мариной начался роман, так что я подумала: «Тем более хорошо, что у него кто-то есть». На майские праздники он уезжал к Оле и мы его собирали, было очень весело: мы вместе отправляли Колю к его любовнице, Марина ему гладила рубашки.

МАРИНА

Про половину его вещей я сказала, что на встречу с девушкой их нельзя надевать.

ЕЛЕНА

Да, она ему говорит: «Трусы у тебя выцветшие. Представляешь, она тебя разденет — а там эти трусы». А Коля говорит: «Ты думаешь, мы будем раздеваться?», а я говорю: «Я уверена».

МАРИНА

Наш роман начался в марте. А потом мы с Леной взяли детей и поехали на месяц отдыхать в Болгарию.

ЕЛЕНА

Коля приехал к нам на неделю. Там он брал детей и шел с ними гулять, а когда возвращался, осторожно стучал в дверь, чтобы случайно не застать нас за чем-нибудь.

МАРИНА

Когда мы вернулись из Болгарии, я рассказала Вите. Елена и Коля пытались меня отговорить: «Не надо, он настучит твоей маме!». Но я все равно рассказала ему, а он ответил: «Ну, я догадывался. Разводиться не собираетесь, и хорошо. Живите, развлекайтесь».

ЕЛЕНА

Наши мужики отреагировали на новость одинаково: предложили подарить нам секс-игрушки. Я спрашиваю: «Это еще зачем?». А они говорят: «А как же вы...?». Коля все время пытался из меня вытянуть подробности, ему казалось очень интересным, что у его жены есть любовница. Но я ему сказала, что у нас еще не было секса и что мы только держимся за ручки.

МАРИНА

Витя провожал меня к Марине вечерами.

ЕЛЕНА

Витя человек очень инфантильный. И он быстро понял, что для него это очень удобно — все проблемы Марины сразу легли на мои плечи. Он мог позвонить мне и сказать: «Лена, Марине плохо, приезжай».

МАРИНА

Сначала я систематически бегала к Лене ночевать. Родственники начали говорить, что плохо так делать. Ребенку рассказывали, как нехорошо, что мама ночует у подружки.

ЕЛЕНА

Мы старались сделать так, чтобы все развивалось постепенно. У нас у обеих были дети и все такое, и мы не собирались жить вместе. То есть, может быть, и собирались, но в каком-то отдаленном будущем.

МАРИНА

Но было тяжело.

ЕЛЕНА

Получилось, что мы живем на два дома.

МАРИНА

Мы вместе закупаем продукты в один дом, вместе готовили, вместе убирались, а потом ехали в другую квартиру и там делали то же самое.

ЕЛЕНА

А меня Витя дико бесил, он все время бегал кругами вокруг Марины. В общем, было очень сложно. А в марте у них кончился срок аренды и хозяин квартиры захотел, чтобы они съехали. И я говорю: «Давай ты переедешь ко мне, а там решим? Если мы уживемся — то и хорошо,

а не уживемся — значит не уживемся». И она решила рассказать все родителям.

Я ей говорила: «Зачем тебе это делать?», а она все повторяла: «Надо, чтобы все было честно».

МАРИНА

Я считала, что мама у меня менее адекватная, чем папа, поэтому я пригласила отца в кафе и сказала: «У меня с Леной роман». А папа такой: «Я догадывался. Но ты должна принести жертву ради ребенка. Если тебе не нравятся мужчины, живи с мужем ради ребенка». А потом начался бег по потолку. Сначала родители попытались отправить меня на год на Кипр, чтобы я там пожила и «пришла в себя». Я сказала, что никуда не поеду. Тогда они пригрозили, что ребенка у меня отнимут. Сказали, что достаточно только объявить всем, что мы лесбиянки, и мы сразу потеряем детей. Что Витя и Коля, конечно же, у нас их отнимут.

Потом они сперли ребенка в первый раз. Он ночевал у моих родителей, и на следующий день они должны были отвести его в садик. Но они этого не сделали, сказав, что у них обоих сердечный приступ. Вечером я им позвонила, сказала, что зайду забрать ребенка, а они мне сказали: «Мы уезжаем на дачу. Попробуй, отними», — и уехали. Я помчалась к ним домой, но когда добралась, там уже никого не было. Я пошла в полицию, а там мне сказали: «Ну это же его бабушка и дедушка, что вы так переживаете?». Но я настаивала, и полицейские позвонили моим родителям. Моя мама сразу же настучала им, что я лесбиянка и что они спасают ребенка от меня. И полицейские сказали: ну, мол, девушка, вы же понимаете, почему они увезли ребенка.

Я сказала родителям, что если они не вернут сына до воскресенья, я напишу заявление в полицию. Они вернули его в воскресенье, но вернули не мне, а Вите. Витя тут же привел его нам. После этого мы с родителями месяц не общались. Потом они позвонили и предложили помириться. К родителям я ходила с ребенком раз в неделю: посидели и ушли. Кое-как общались.

Потом они нашли мне какого-то дикого психолога, который рассказывал, что нам с Еленой не повезло с мужиками и от этого все наши проблемы. Я перестала к нему ходить — я-то пошла к психологу в надежде наладить отношения с родителями.

ЕЛЕНА

Марине вечно всех жалко. Ей было жалко Витю, потому что он же ни в чем не виноват. Ей было очень жалко родителей — ну, это же родители! Она действительно надеялась, что сможет наладить с ними отношения, что ее там хоть как-то поймут.

МАРИНА

Потом ребенок их сильно любит. И я думала, что надо попробовать — все-таки родственники. Потом я сама нашла другого психолога, и мы ездили к нему вместе с родителями месяц или полтора.

ЕЛЕНА

Она возвращалась от этого психолога в истерике. Потому что там ей родители говорили какие-то жуткие вещи — какая она непутевая и как я ее использую, как это все печально и грустно, что мама умирает, а Марина никого не хочет спасти и понять, как она запуталась.

МАРИНА

Разошлись мы на том, что психолог сказал: «Отстаньте от нее наконец. Вопрос не в том, что она лесбиянка, а в том, что вы утратили контроль над ней и пытаетесь его вернуть. Не надо этого делать». Родители, видимо, решили, что пора начинать боевые действия.

ЕЛЕНА

Боевые действия начались, когда мы сказали, что переезжаем с Колиной квартиры на съемную. Они говорили: «Как же это у вас дети будут спать в одной комнате! Это же разврат!». А мы: «Им же всего по шесть лет!». А они: «Но вы же спите в одной кровати!». А мы: «И что?».

МАРИНА

Ага, и дети еще припираются к нам спать.

Накануне первого сентября, когда дети должны были идти в первый класс, Витя не привел сына Марины домой, как обещал. Выяснилось, что мальчик был у бабушки с дедушкой, и что на этот раз они не собираются его отдавать. Они даже забрали документы ребенка из школы, в которую он должен был ходить, и устроили его в другую, рядом со своим домом.

Через четыре дня Марина сама вместе с двумя друзьями забрала сына у родителей силой — полиция помочь отказалась. Марина и Витя подали встречные иски на развод, и теперь Витя требовал, чтобы сына оставили с ним. Родители Марины нашли психологов, готовых свидетельствовать, что жизнь с лесбиянками нанесет ребенку вред. Органы опеки также встали на сторону Вити: заявили, что хотя жилищные условия у Марины и Елены вполне подходят для детей, мальчику будет вредно расти с двумя женщинами.

Документы на развод Витя подал в тот же день, когда депутат от «Единой России» внес на рассмотрение в Думу проект закона, по которому власти получали право отбирать детей у родителей — геев и лесбиянок. Очевидно, что социальным службам не терпелось начать применять этот закон. Но пока он не был принят Думой, забрать детей они не могли. Все, что они могли сделать, — помогать отцу, то есть Вите, бороться за право на опеку над сыном. У Марининых родителей не было оснований пытаться оформить опеку на себя, поэтому они все лето обрабатывали Витю. Марина начала вести с ним переговоры, и после пяти очень тяжелых недель Витя пошел на попятный. Они подписали договор о раздельном проживании, по которому ребенок оставался жить с Мариной, и суд закрыл дело.

ЕЛЕНА

Мы не были уверены, что не разойдемся. У меня очень сложный характер, да и Марина не сахар. Когда мы съехались, мы думали, что попробуем, но «мы пока не уверены». А тут еще двое детей — я вообще детей не люблю. А потом еще вся эта ситуация. От меня ждали, что я ее брошу, когда начнется вся эта катавасия, считали, что она мне не нужна.

МАРИНА

И тогда мне было бы некуда деваться.

ЕЛЕНА

Моя мама сказала, что если эти отношения имеют смысл, то все это их только укрепит. Тут было бы умнее подождать, когда оно само развалится, а они, говорит, сейчас делают все, чтоб вы не разошлись.

Мы не романтичны. Не то что Коля и Оля, которые отмечали свой первый поцелуй.

МАРИНА

Первый почти поцелуй! Это было очень романтично. Надо хотя бы вспомнить, когда мы с тобой начали встречаться.

ЕЛЕНА

Я вспомнила. Я нашла у себя в дневнике запись и предположила, что в этот день мы впервые поцеловались. Там было что-то вроде: «Надо завтра поговорить с Мариной. Это же пиздец». Так что мы не очень романтичные, у нас на самом деле не было какой-то особой истории любви. Хотя сейчас, когда я оглядываюсь назад, я понимаю, что была

влюблена в Марину очень долго. Я ее к Вите ревновала. А она... ей все пофиг было.

МАРИНА

А я смотрела на нее и думала: «Нет, никогда она на меня внимания не обратит».

ЕЛЕНА

Хотя мы все время проводили вместе. Мы встречались каждый день, потом расходились, звонили друг другу и все остальное время разговаривали по телефону. А когда не звонили, то сидели в скайпе. Коля как-то мне сказал: «У меня такое ощущение, что у тебя кто-то есть, и я даже догадываюсь, кто это». Я спросила: «Кто?», и он сказал: «Марина».

—Записала Маша Гессен
Перевод Андрея Бородина

ДЕНИС

«С этим человеком нас связывает канат»

Денис, 28 лет, рекламщик и музыкант, прожил с Алексеем, диджеем и шоуменом, три года. Потом они расстались, Леша эмигрировал, но их связь, по словам Дениса, от этого не стала слабее. Теперь они встречаются в Европе, Великобритании и в Москве, когда ездят с гастрольями или попадают на одни и те же фестивали.

Я работаю в московском офисе международной корпорации уже пять лет, начинал ассистентом в пиар-департаменте и дорос до должности креативного директора. Мы занимаемся продвижением в интернете, и моя работа — придумывать кампании. На работе все знают, что я гей. Я не скрывал свою ориентацию со школы. Не афишировал, но если спрашивали, отвечал всегда честно.

Мое детство прошло в Тушино, а это не самое спокойное место. Но даже тамошние быдловатые парни с района не били меня из-за моей ориентации. Я не вижу почвы для претензий ко мне — я работаю, занимаюсь спортом, как все нормальные мужики, и точно знаю, что так же достоин уважения, как все остальные. Если для кого-то «гей» — это ругательство, то это его проблема. Как говорила Коко Шанель: «Мне все равно, что вы обо мне думаете, я вообще о вас не думаю». Это было моим девизом еще до того, как я узнал, кто такая Шанель. Больше скажу, у меня часто бывали разговоры в духе «Ты изменил наши представления о геях».

Про себя мне все стало ясно к тринадцати годам. Лет с девяти до двенадцати я был влюблен в девочку, но потом понял, что мне нравятся парни. И сразу объяснил ей это. Она расстроилась, но для девушки это, наверное, лучше, чем узнать, что ее бросают ради другой. Мы встречались после того и даже пробовали переспать, но ничего не вышло, и на этом с девушками я поставил точку.

В тринадцать лет нас с одним моим одноклассником потянуло друг к другу. Это не были отношения, просто такой дружеский секс. Когда

мы закончили школу, эти отношения тоже закончились. Несколько лет спустя мы говорили с ним по телефону. Он уже обзавелся женой и детьми. Я не спрашивал его, какой он сейчас ориентации, но на прощание он сказал: «Да, было круто!». Но в школе про нас никто не знал, тем более, что ничего серьезного между нами не было.

Первый настоящий роман у меня случился лет в двадцать, в университете. Это было для меня важно и очень серьезно, тогда я и рассказал всем и, главное, маме. С ней вообще была чудная ситуация. Тот парень работал диджеем на радио. Как-то раз я вышел от него, сел в такси и поехал домой. А он приехал на работу и признался мне в любви в прямом эфире. У него был творческий псевдоним, и он сказал, что такой-то парень — он назвал свое настоящее имя — просит передать Денису, что он его очень любит. Я слышал это, сидя в такси, пришел домой окрыленный от радости, что мне признались в любви на всю страну. А дома мама — она тоже это слышала. На тот момент она знала только, что мы друзья.

Это был кошмар, конечно, три дня она плакала, переживала, как будет смотреть соседям в глаза. Но я утешал ее, говорил, что ничего не изменилось, что я так же ее люблю, что у меня тот же характер, просто теперь она обо мне это знает и от этого мы стали только ближе. Ну, она все это осмыслила, и на четвертый день, когда перестала плакать, уже давала мне советы, как правильно клеить мужиков. Да, реально дала мне какой-то совет, как вести себя с моим парнем. С тех пор у нас с ней шикарные отношения, бесконечная взаимная любовь и уважение. Она поняла, что ничего действительно не изменилось, что у меня такие же проблемы, как у всех остальных. Для нее главное, чтобы я был счастлив. С отцом мы никогда об этом не говорили. Он моряк, очень суровый человек, но он довольно лоялен и не заговаривал со мной об этом. Только сестра у меня жуткий гомофоб, а конфликты у нас были с самого моего рождения. Может, это ревность, может, еще что-то. Сейчас мы мало общаемся.

Наверное, это редкий случай, может, я родился в рубашке, но проблем с окружающими из-за ориентации у меня никогда не было. И не было тени мысли, что моя ориентация — это неправильно. Меня никогда особенно не волновало, что кто-то не любит геев, называет пидорами. Я и сам пользуюсь этим словом, стебусь над собой. Но никогда я не относился к себе как к изгою, ненормальному. И никто другой никогда лишнее не относился ко мне так. Наверное, так это и работает: как ты сам к себе относишься, так и другие. Есть загнанные люди, которые считают себя неправильными и нездоровыми, к ним это и прилипает. Я всегда был уверен, что все ОК.

Через год после того признания маме мы расстались с моим первым парнем, но вскоре появился Леша — моя более серьезная и зрелая любовь. Теперь уже я сразу его познакомил с мамой, он ей очень понравился, она видела, что нам круто вместе, к тому же он дарил ей цветы, ухаживал за ней. Мы были вместе три года. Расстались, потому что он уехал за рубеж. Но мы по-прежнему близкие, родные люди. Некоторые говорят, что после расставания их связывает друг с другом «какая-то ниточка» — так вот, с этим человеком нас связывает канат. Все, что происходит в жизни, происходит на земле, но мое чувство к нему и его — ко мне, я уверен, находится где-то в стратосфере, и на это чувство ничто не влияет. Оно непоколебимо. Когда ты любишь человека — это не зависит от того, где он, с кем он и как.

—Записал Карен Шаинян

*Интервью впервые напечатано в журнале «Афиша»
№ 339 (25.02.2013). Публикуется с разрешения
журнала. Обновлено и дополнено автором*

ОЛЬГА И ИРИНА

«Мы так по-дурацки обошлись с нашими жизнями»

Ольга и Ирина встретились и полюбили друг друга, когда им было 19 лет. Через три года они расстались, потому что, как говорят сами, им не хватило смелости быть вместе. Сегодня, спустя 22 года, Ольга работает в организации, которая помогает беременным женщинам, оказавшимся в кризисной ситуации, а Ирина — свободный художник, занимается живописью и графикой. Они живут вместе со своими детьми и жалеют о том, что потеряли так много времени в разлуке.

ИРИНА

Я родилась в маленьком сибирском городе. Никогда не училась в художественной школе, но всю жизнь мечтала быть художником. Родители говорили: «Из тебя художника не получится». К 19 годам я решила, что раз уж я не могу быть художником, то буду учиться хоть чему-то, что мне близко, — литературе. И поехала поступать учиться на филолога в Ленинградский университет. Выяснилось, что туда нужно будет сдавать историю, и я сорвала со стены объявление о подготовительных курсах.

В один прекрасный день — это было в июне 1991 года — я шла по Лиговскому проспекту по адресу, обозначенному на объявлении, — и тут это случилось. Впереди я вдруг увидела розовое платье. Это было безумие: розовый цвет на фоне серой ЭсЭсЭсэрошной земли. Я увидела только ее фигуру — такую хрупкую и особенную. Все было серое, кроме солнца и этого розового платья. Я шла и думала: куда же она идет? Надо было что-то делать, но я не знала что и поэтому просто шла за ней следом.

Оказалось, что мы идем в один и тот же подъезд, на одни и те же курсы. Это была парадная старого питерского дома с пышной лестницей. Помню, как она, поднимаясь по этой лестнице, оглянулась и посмотрела на меня. В тот момент я поняла, что уже ее не потеряю.

Позже, когда я возвращалась домой на электричке, я вдруг с ужасом осознала, что не взяла ее номера телефона. Несколько занятий она не приходила.

ОЛЬГА

Однажды я иду по Лиговскому проспекту и вижу — навстречу мне идет Ира. Я издали смотрю и начинаю улыбаться, думаю: заметит или не заметит. Поняла, что нет, и мне пришлось встать у нее на пути. И только когда она в меня уткнулась, она меня заметила.

ИРИНА

Я очень обрадовалась, когда она меня встретила, и первое, что я сказала, было: «Дай телефон».

ОЛЬГА

Потом мы встретились еще раз на занятиях и, когда вышли, я подумала, что надо как-то ее охмурять, и сказала: «Пойдем съедим мороженое». Я не ем мороженое, но я думала, что когда охмуряешь, надо всегда предлагать мороженое. И мы купили мороженое и пошли гулять по городу.

ИРИНА

У нее были такие выразительные глаза. Это было что-то сногшибательное. Я была в нее так сильно влюблена. Но Ольга мне показалась женщиной, на которой надо обязательно жениться, которой нельзя делать больно. Я очень сильно переживала, что сделаю ей больно. Боялась сближаться.

ОЛЬГА

Ира была первой женщиной, в которую я влюбилась. Хотя в начале я и не думала, что это любовь. Просто чувствовала, что мне надо все время быть рядом с этим человеком. Мир менялся, когда я была вместе с Ирой.

Мы скрывали наши отношения от всех, кроме близких друзей. Наши родители догадывались, но пытались делать вид, что они ничего не замечают. С другой стороны, они очень сильно на нас давили, чтобы мы не общались. Мои родители говорили мне, что Ира плохая и ничему хорошему меня не научит.

ИРИНА

Все было очень непросто. Мои родители догадывались о моей жизни. Мама Ольгу ненавидела и откровенно заявляла об этом. Но, наверное, не стоит винить во всем родителей. Мы сами не справились.

ОЛЬГА

Мы не смогли идти своим путем. Нас так воспитывали, что мы всем были что-то должны, но больше всего — родителям. Мы не могли быть сами собой, а должны были соответствовать окружающему миру.

На втором курсе у Иры появился Даня. Ей был тогда 21 год. Мы были вместе, но никак не могли выяснить отношения. Ира уехала в отпуск и вернулась оттуда беременной. Наверное, это была ее попытка быть «нормальной», быть как все.

ИРИНА

Если бы не Ольга, Дани, наверное, вообще бы не было.

ОЛЬГА

Я из детского дома, удочеренная, и, видимо, дети для меня имеют какое-то особенное значение. Я все время была настроена на них. Мне пришлось бороться с Иринными родителями, которые выступали за аборт. Так что Ира родила, и мы прожили вместе еще год.

ИРИНА

Это было очень тяжело. Она очень хотела ребенка, и я не думала, что у нас это получится сделать совместно. Я боялась, что она будет несчастна, и в конечном итоге меня просто возненавидит. Я уехала, потому что боялась ответственности и решила, что ей надо понять себя, определиться.

Через полгода после того, как я уехала из Петербурга в Москву, я оказалась на подоконнике. В какой-то последний момент я оглянулась и увидела Даню, который тогда еще едва стоял на ногах, но ясно смотрел мне в лицо. В этот момент мне падать расхотелось, и я затащила себя обратно в комнату.

ОЛЬГА

Когда Ира уехала в Москву, я долго переживала. Но я очень хотела детей, а другого способа родить ребенка, кроме как выйти замуж, я не знала. Сейчас я уже понимаю, что есть масса вариантов это сделать иначе. Где-то через год, после того как она уехала, я вышла замуж за своего однокурсника и родила дочь. Но наш брак был довольно странным. Мы оба жили своей отдельной жизнью.

ИРИНА

Мне очень ее не хватало все то время, что мы жили порознь. К 32 годам я поняла, что она мне патологически снится: ее глаза и самые прекрасные руки на свете. Мои сны говорили мне о том, что я зашла в тупик, что я все сделала не так, что я ломаю свою жизнь.

В один прекрасный день, лет десять назад, я поняла, что должна увидеть ее. В Эрмитаже тогда проходила большая ретроспектива Рембрандта, и я приехала в Петербург.

Я позвонила ей рано утром и попросила ее выйти на улицу. Это было как будто возвращение в тот день, когда я впервые ее встретила.

Помню, потом мы шли где-то и поняли, что заблудились. Происходило что-то магическое, и я думаю, что мы обе понимали: это происходит с нами снова.

Вечером она проводила меня на поезд в Москву. Когда мы разговаривали у поезда, я поняла, что она, так же как я, жалеет, что все так вышло, что мы не жили вместе, а должны были. Но она была замужней женщиной и ничего от меня не ждала и не просила.

ОЛЬГА

К тому моменту, когда Ира позвонила, я уже и так понимала, что в моей супружеской жизни нет смысла. А когда мы встретились, мне стало окончательно ясно, что я не хочу жить этой странной жизнью. Но я не хотела говорить Ире о том, что развожусь. Мне казалось, что нужно сначала закончить т.е. отношения и только после этого пытаться налаживать новые.

После того как я окончательно развелась, я позвонила ей и рассказала об этом. Через пару месяцев мы встретились снова.

ИРИНА

Я боялась, что перестану рисовать, потому что она захватит меня целиком и я потеряю голову. Все оказалось наоборот. У меня случился прорыв. Как будто все пазлы сложились и все встало на свои места.

Но жить вместе мы не могли еще долго, потому что наши дети учились в разных городах. Каждые две-три недели мы были вынуждены мотаться между Москвой и Петербургом. Только после того, как Даня закончил школу в Москве и поступил учиться в Петербурге в 2010 году, мы смогли наконец-то начать жить вместе.

ОЛЬГА

Сейчас мы живем в Петербурге вдвоем с моей дочерью Кристиной. Даня живет в общежитии, но все время к нам приезжает. Наши дети очень хорошо ладят, считают себя братом и сестрой, все время друг друга защищают перед нами.

ИРИНА

Дети должны расти в любви. Очень жаль, что наши дети столько потеряли.

Мы так по-дурацки обошлись с нашими жизнями. Но все-таки очень счастливы, что смогли найти силы и рискнули это сделать со второй попытки.

ОЛЬГА

Ты не всегда готов к такому большому чувству. Это довольно серьезное испытание. Все мечтают о любви. Все мечтают встретить своего человека. Но когда такое большое чувство приходит, с ним бывает тяжело справиться.

ИРИНА

В этой стране давно произошло все необходимое, чтобы отсюда уехать. Страшно бывает ходить по улице. Агрессия зашкаливает. 29 июня мы были на согласованном гей-прайде на Марсовом поле и оказались в автозаке. В нас летели камни. Один попал мне в живот.

ОЛЬГА

Ира говорила мне: «Не смотри под ноги. Смотри в небо. Там видно, куда летят камни».

ИРИНА

В какой стране и в каком году мы живем, если священники благословляют полупьяных националистов, которые бросают в людей камнями, а полицейские тем временем на все это смотрят и грузят в автозак не их, а нас? О нас бьют стекла. Мы режем руки и закрываемся плакатами.

Мы как-то вышли из ОВД, сели в метро и у меня появилось четкое ощущение, что здесь мы инопланетяне.

ОЛЬГА

Надо выступать, бороться, но нет ощущения, что здесь когда-нибудь будет лучше. Иногда понимаешь, что жизнь одна, и хочется просто спокойно жить, ходить по улицам, радоваться, а не ожидать, что в тебя полетит камень.

—Записала Маша Чарная

ОЛЕГ ДУСАЕВ И ДМИТРИЙ СТЕПАНОВ

«У меня такое ощущение, что мы убили наших матерей»

Когда мы первый раз встретились, Олег показал мне роман журналиста Артура Соломонова, издание которого в России некоторое время назад, как он сказал, вызвало довольно много споров. Главный герой романа, актер, влюбляется в другого актера. Крупные издательства ни за что не соглашались публиковать книгу, в конце концов какое-то маленькое издательство решилось ее выпустить, разместив на задней обложке предупреждение: «Книга не содержит высказываний, пропагандирующих гомосексуализм и оскорбляющих чувства верующих». Олег говорит, что роман хорошо продается, несмотря на споры, а возможно, и благодаря им.

Олег Дусаев, 33 года, и Дмитрий Степанов, 30 лет, познакомились в Сети шесть лет назад и с тех пор вместе. Этой осенью они летали в Нью-Йорк, чтобы повидаться с друзьями и отдохнуть после тяжелого месяца в Москве, когда Олегу, руководителю группы итоговой информационно-аналитической программы на одном из главных телеканалов, отказались продлить договор после того как он написал в Фейсбуке, что он гей. Оказавшись в Нью-Йорке, они воспользовались и другой возможностью: взяли напрокат смокинги и завернули ненадолго в мэрию, чтобы расписаться. Поскольку и они сами, и их друзья выложили в Фейсбуке свадебные фотографии, новость разлетелась стремительно и, мягко говоря, потрясла их семьи в России.

ДМИТРИЙ

Моя мама плакала в телефон. Она сказала, что все это очень странно, была смущена, сбита с толку и по сути не знала, как на это реагировать. У нее был инсульт два года назад, поэтому я очень волновался. Мама до сих пор пытается понять, что это за отношения. Она образованный человек, но придерживается самых традиционных взглядов.

ОЛЕГ

Моя мама была дома, когда ей все стало известно, но на следующий день она пошла на работу и коллегам пришлось вызвать ей скорую помощь: очевидно, у нее был небольшой удар. У меня такое ощущение, что мы убили наших матерей. Мы понимаем, что проблема в них самих, но все равно переживаем. Я знаю, что моя мама меня очень любит, но она считает меня вроде как больным, похожим на человека с синдромом Дауна. Конечно, мне хотелось бы, чтобы она любила меня по-другому. У Димы дружная семья, у него есть сестра, отец. А мы с мамой вдвоем, только я и она, и она сейчас без всякой помощи. Меня мучили страхи: вдруг она умрет во сне? Такой вот свадебный подарок они нам преподнесли.

ДМИТРИЙ

Моя мама любит меня таким, какой я есть, но она до сих пор думает, что мы оба должны были жениться на женщинах и родить детей. Потому что такие люди, как мы, умные, образованные, должны иметь детей и воспитывать их соответствующим образом. У нее что-то вроде внутреннего конфликта: она понимает, что это невозможно, но продолжает мечтать о женах для нас. Мой отец пока ничего не знает, и я побаиваюсь его реакции. В общем, сумасшедший дом.

ОЛЕГ

С моей мамой всегда было трудно. Она, например, до сих пор не разговаривает с Димой. Когда мы начали вместе снимать квартиру, для нее это стало катастрофой. До этого я жил с ней, и когда я съехал, она вела себя как жена, которую бросил муж, причем бросил ради мужчины — ни больше ни меньше. Для меня это был страшный стресс, я превратился в настоящую развалину, меня замучили приступы паники. Дима заботился обо мне, он психолог, но странным образом толку от этого было мало, проблемы не уходили. Конечно, он не сам меня лечил, отправил к хорошим терапевтам. Сразу к троим.

ДМИТРИЙ

Я напугал Олега, когда первый раз сказал, что он мне всерьез нравится. Это было буквально через пару недель после нашего знакомства, и я нервничал, не знал, что он подумает. Я боялся, что он запаникует и это может всему положить конец. В глубине души я уже понимал, что люблю его. И вот через некоторое время после первого разговора — мы были тогда в ресторане, куда пускают только членов клуба, одном из тех мест, где тусуются журналисты и актеры, — я уже сказал, что его люблю. По-моему, я опять его напугал, но на этот раз

чуть меньше. А через несколько дней он сказал мне, что тоже меня любит.

В течение пяти лет Олег и Дмитрий вели тихую жизнь, не объявляя широко о своих отношениях. Они оба не любители ходить по барам, но часто приглашали на обед друзей, к ним в гости приходили и родители Димы. Мама Олега отказалась — она не разговаривает с Димой по сей день. Дмитрий занимался частной практикой как психолог, Олег продвигался по служебной лестнице на телеканале «Культура». В августе 2013 года все переменялось.

ОЛЕГ

Пять лет я работал волонтером в большой детской клинике в Москве, там лежат дети с самыми страшными заболеваниями, которые плохо поддаются лечению, наиболее сложные случаи, и дети туда приезжают со всей страны, поскольку в Москве самая квалифицированная помощь.

И вот как-то летом мой приятель, журналист, обратил мое внимание на сайт клиники, где было написано, что отныне они не будут принимать донорскую кровь от наркоманов, проституток и гомосексуалистов. В тот день во мне что-то оборвалось. Я это воспринял как предательство: это был мой дом, я пять лет работал здесь волонтером. Я знал, как хранится кровь: в течение шести месяцев ее тщательно проверяют. Это была большая, хорошо оснащенная московская клиника, и все-таки они ввели это правило, не имевшее никакого отношения ни к науке, ни к медицине.

После этого я решил встретиться с Антоном Красовским (*другой российский журналист, уволенный летом 2013 года за камин-аут* — прим. ред.), просто чтобы поговорить. На тот момент мы не были близкими друзьями, но знали друг друга. Антон выложил наше с ним фото в Инстаграме, и через 30 секунд буквально мне позвонил какой-то парень из сетевых структур, явно гей, и в сущности передал послание сверху, что, дескать, меня видели с «нежелательным лицом». Буквально через несколько секунд.

Немного позже у меня был разговор с этим самым парнем в кафе, очень похожий на бывшие встречи с кагэбэшниками. Он мне сказал, что, появляясь на людях с Антоном, я превращаю себя в персону нон грата — прямо в таких выражениях. Без всякого смущения он сказал, что меня могут уволить: я лицо публичное, работаю на телевидении руководителем. Для начальства я становился опасной фигурой.

Этот разговор меня по-настоящему взбесил. Собственно, он и заставил меня в конце концов написать пост в Фейсбуке. Новость

быстро распространялась, ее перепечатали некоторые новостные сайты. Коллеги на работе перестали со мной разговаривать. Но в то же время мне начали писать люди из провинции, которые называли меня героем, потому что я делаю легче жизнь геев в маленьких городах. Мне все это было странно. И до сих пор странно. Я не считаю, что сделал что-то особенное. Просто чувствую себя так, будто каждый, кто мог дотянуться, ударил меня по голове.

Но я ни о чем не жалею. У меня к этому времени уже крыша и так ехала. Помню, в мае кончился Каннский фестиваль, и одна из наших продюсеров говорит: «Все, о Каннах не можем говорить — главную премию получил фильм о лесбиянках». Я тогда подумал: почему я должен жить в этом театре абсурда? Я сказал ей: «Ты сошла с ума! Это же Каннский фестиваль, какая разница, какой фильм выиграл, это новость в любом случае». Но именно так работает этот закон — люди сами себя начинают цензурировать. Вскоре после этого меня уволили.

ДМИТРИЙ

Я не публичная фигура, поэтому не в такой степени попал в эпицентр шторма, но меня многое тревожило. Кроме психологических рисков, нам могли начать угрожать. Жизнь как-то сразу стала намного сложнее. Но, что бы ни случилось, у меня есть моя практика, есть средства к существованию, так что продержимся. Многие мои коллеги тоже геи. У меня, если честно, своя точка зрения на эту проблему. Мне кажется более правильным поэтапный выход из подполья, постепенный. Важно не раздваиваться, жить одной жизнью. Но можно добиваться этого по-разному.

ОЛЕГ

После того как меня уволили, мы решили ненадолго уехать, сменить обстановку. У нас были визы в США, так как мы планировали повидаться с подругой, которая живет в Канзас-Сити, она родила в прошлом году. И мы подумали: раз билеты дешевые, слетаем-ка мы сначала в Нью-Йорк, там поженимся, а потом поведемся со всеми друзьями в Штатах. Я сделал предложение Диме еще четыре года назад, и вот тут он наконец сказал да, «в принципе».

ДМИТРИЙ

Олег всегда хотел пожениться, а я всегда относился к этому весьма скептически. Зачем жениться? Мы и так живем душа в душу. Но в последнее время я стал думать об этом иначе. Летом я недолго лежал в больнице и мне не давала покоя мысль: а что, если они не разрешат ему приходить ко мне?

ОЛЕГ

Он меня достал своим занудством! Мы любим друг друга, мы понимаем друг друга — почему нет?

ДМИТРИЙ

Я все еще это перевариваю. Наши отношения меняются. Мы уже шесть лет вместе. Когда мы расписывались, у меня было чувство, что мы приближаемся к чему-то, что должно было случиться. Это само по себе обнадеживает.

ОЛЕГ

Должен сказать, что сейчас я совершенно не горжусь собой ни за выход из подполья, ни за женитьбу. Главный предмет моей гордости — первый длинный перелет. Я боюсь летать, и никогда не летал на большие расстояния. Поэтому чем я действительно горжусь, так это девятичасовым полетом через Атлантику в Нью-Йорк.

*—Записал Джозеф Хафф-Хэннон
Перевод Светланы Солодовник*

АНДРЕЙ ТАНИЧЕВ И РОМАН КОЧАГОВ

*«Не только наши родители, но и городская администрация
прекрасно знают, кто мы и как живем»*

Андрей Таничев, 35 лет, и Роман Кочагов, 42 года, вместе уже 13 лет, из которых последние восемь они держат единственный гей-клуб в олимпийском городе Сочи. Они охотно говорят о своем деле и скупно — о личной жизни. Впрочем, последняя неотделима от первого и складывается не менее благополучно. Трудно поверить, что история, которую рассказывают Андрей и Роман, происходит в стране, про одиозные гомофобные настроения которой говорит весь мир. Несмотря на идиллию, Андрей и Роман думают об эмиграции и уже предприняли первую неудачную попытку перебраться в Испанию.

АНДРЕЙ

Мы оба из Москвы. Я работал менеджером в «Центральной станции» (самый крупный гей-клуб Москвы — прим. ред.), а Рома пришел туда как посетитель. Познакомились, как обычно менеджеры знакомятся с гостями в клубах, завязался разговор. Кстати, это был мой последний день работы в ЦС. Мы начали жить вместе буквально на второй день после знакомства.

РОМАН

Я тогда работал в Шереметьево начальником службы организации пассажирских перевозок.

Это было весной и, хотя у меня было свое жилье, мы сразу сняли квартиру на двоих. А осенью поехали отдыхать в Сочи, и так нам тут все понравилось — погода, природа, люди, — что мы решили остаться и открыть гей-отель. Ничего подобного здесь в то время не было. Еще полгода мы мотались сюда каждую неделю, подыскивали место, строились, и следующей весной открыли неподалеку от гей-пляжа

гостиницу «Охота» на шесть номеров. Почти никаких расходов, никакого нанятого персонала — мы все делали вдвоем.

АНДРЕЙ

Да, такое двусмысленное название. Дом стоит в лесу неподалеку от города, там на самом деле много охотников. Но, конечно, имеется в виду и охота познакомиться с кем-то. Бизнес оказался настолько успешным, что вскоре у нас по соседству конкурент открыл гостиницу «Облака» — больше и роскошнее: он вложил в нее, кажется, миллион евро. Мы даже в Европе не видели таких роскошных гей-отелей: там две с половиной тысячи квадратных метров и всего пятнадцать номеров.

РОМАН

Мы построили отель с нуля, и не встречали никаких проблем со стороны властей или полиции. Только журналисты подняли шумиху. Писали, что местные жители устраивают акции протеста. А тут ближайшие соседи в двух километрах от нас, и никто из них не протестовал. Потом, в 2005 году, мы открыли еще и гей-клуб, совмещать два дела было невозможно, так что отель мы закрыли и переоборудовали под большой дом, где мы живем и куда к нам приезжают отдыхать друзья и родственники.

АНДРЕЙ

Запуститься было просто, потому что в таком отеле была огромная потребность. В городе на тот момент было только одно гей-заведение. Представь себе летнее кафе-мороженое — навес без окон и дверей, в котором днем бабушки с внуками пьют лимонад, а вечером приходят геи и начинается травести-шоу. Мы поняли, что тут все не так, как в Москве: никакой опасности, гомофобии или агрессии. Трансвеститы здесь — вообще самые популярные артисты на всяких вечеринках, на свадьбах.

РОМАН

Да, здесь люди на порядок толерантнее.

АНДРЕЙ

Это же туристический город, где все привыкли быть вежливыми и доброжелательными, даже в советские времена тут было много частного бизнеса, который зависит от гостей. Кроме того, Сочи — город очень мультинациональный, тут нет и никогда не было фашистов

или националистов, просто потому что тут слишком много разных национальностей.

РОМАН

Да, у нас на клубе сейчас нет вывески, но не потому что страшно, а чтобы отсеивать ненужных посетителей...

АНДРЕЙ

Когда была вывеска, к нам шли все подряд — туристы из провинции с детьми и внуками, которые не понимают, что это гей-кафе, да и вообще не понимают, кто такие геи. До принятия этого закона многие и слова «гей» не знали.

РОМАН

У нас первые четыре года была стеклянная дверь в клуб. И никаких проблем. Когда мы делали ремонт, то решили все же поставить что-то более основательное, но не для безопасности: просто у нас рядом гостиница, так что нужна дверь с шумоизоляцией.

АНДРЕЙ

С властями часто приходится сталкиваться, но никто ни разу не пытался ставить нам палки в колеса. Тем более сейчас, перед Олимпиадой, к нам даже особое внимание: звонят, спрашивают, перевели ли мы меню на английский, обучаем ли мы персонал иностранным языкам.

РОМАН

Сейчас тут очень много иностранцев, особенно журналистов. За последний месяц мы дали тридцать интервью. Одна американка вообще сказала, что была уверена, что наш клуб — это миф, что по этому адресу стоит жилой дом, а байку про гей-клуб придумали в «Единой России», чтобы Олимпиада прошла гладко. Она была в шоке, когда увидела, сколько людей набилось вечером посмотреть шоу.

АНДРЕЙ

В другой раз приезжали журналисты из Associated Press и очень хотели сделать сюжет о том, как в гей-клубе отдыхают мусульмане. Раньше у нас были такие тематические вечеринки, но сейчас у нас украинская тема, так что никакого мусульманского колорита мы им специально предложить не могли. Так вот, вечером было обычное травести-шоу

и ведущая спрашивает: «Есть в зале у кого день рождения?». И выходит молоденький парень, чеченец, и говорит: «У меня! Поздравлять меня особо не надо, но можно я лезгинку станцую?». И он начал танцевать, потом вышли его друзья и его парень, который ему сто роз подарил, и девушки — и все плясали.

Каждый день у нас бывает от ста до трехсот посетителей, хотя в зале всего сто пятьдесят посадочных мест. Мы пытались открыть еще танцпол с электронной музыкой, но он вообще не пользовался популярностью. В Сочи ведет всего одна дорога, горный серпантин, ее легко контролировать...

РОМАН

Поэтому в городе нет наркотиков. Совсем. И люди не идут на клубную музыку.

АНДРЕЙ

Нам-то от этого только лучше, потому что больше алкоголя продается. Многие пытались открывать в Сочи клубы с хаусом, и все прогорали. В прошлом году открылся клуб Racha, туда приходило за ночь десять человек — так и закрыли его.

РОМАН

Здесь люди любят вкусно поесть и сладко попить. Поэтому у нас кабаре и вся ставка на шоу-программу. К нам часто приезжает Лолита, недавно работала Ева Польна, рыжий «Иванушка» часто приезжает, «Чили», «Мираж», «А-Студио» — всех и не переберешь.

АНДРЕЙ

Бизнес очень прибыльный. Мы, вообще-то, лидеры по продаже алкоголя среди всех ночных заведений в городе. И единственный клуб, который открыт семь дней в неделю. В Испании, конечно, у нас бы такой бизнес вряд ли получился. Там столько клубов, да и культура другая: люди заходят в бар, выпивают по коктейлю и идут дальше.

РОМАН

А у нас все иначе: обязательно нужно, чтобы стол был накрыт, много разных блюд, зелень, мясо, чтобы посидеть хорошо. На нашей кухне даже в будни работают одновременно три повара. Спиртное не заказывают порциями, всегда ставят на стол бутылку, и желательно побольше. Даже дорогой коньяк — Cordon Blue, X.O. — обязательно берут бутылку. И еще колой его разбавляют.

АНДРЕЙ

Конечно, у нас бывают не только геи, девушек тоже очень много, а где-то пятая часть посетителей — мужчины-гетеросексуалы, которые приходят за компанию. В клубе есть зона только для парней, и раньше она была очень большая, с лаунджем, отдельным баром и темной комнатой. Но это оказалось никому не нужно, у нас молодежь не привыкла так отдыхать. Поэтому мы оставили небольшую темную комнату, а вместо лаунджа сделали караоке для всех, с кальяном. Пользуется бешеной популярностью.

АНДРЕЙ

Мы живем абсолютно открыто. Не только наши родители, но и в городской администрации прекрасно знают, кто мы. Моя мама живет с нами и очень нам помогает. О том, что я гей, я рассказал ей еще в 18 лет. И мой родной брат тоже в курсе, он работает у нас в клубе.

РОМАН

Я рассказал своим в тридцать. Когда мне было 18, еще существовала уголовная статья «за мужеложество». Мама давно умерла, но когда мы стали жить с Андреем, я рассказал об этом отцу, и он ответил: «Что выросло, то выросло, ты мой сын». Отец с женой и детьми часто приезжают к нам в гости отдыхать.

АНДРЕЙ

Все наши соседи тоже знают и прекрасно все понимают. Нам как-то всегда везло с окружением. Тем не менее в прошлом году мы подавали документы на вид на жительство в Испании. Это такая обычная дилемма для бизнесмена в России: зарабатываешь ты здесь, конечно, хорошо, но очень сложно строить планы. Вот это помещение мы арендуем, и вкладываться в него опасно: вдруг хозяин завтра передумает? Хочется что-то купить, построить что-то свое, более основательное, но нет уверенности, что завтра здесь не изменится все. И вообще, много бюрократических сложностей. А сейчас многие рестораны и магазины вообще закрываются на время Олимпиады.

РОМАН

Президент подписал указ, что в Сочи иногородний транспорт может попасть только по спецпропускам, с разрешения ФСБ, МВД и администрации. То есть и продукты, и алкоголь сюда завезти — огромная проблема. А своего в Сочи ничего нет. Оформлять все разрешения — такая головная боль, что многие просто решили не работать.

АНДРЕЙ

Мы хотим пожениться в Испании. И детей хотим, но, видимо, не в этой стране, если сейчас Мизулина примет этот закон. Мы уже подавали на вид на жительство в Испании, но там недавно изменили правила: раньше, чтобы его получить, достаточно было иметь недвижимость дороже 200 тысяч евро, теперь — не дешевле 400 тысяч, а такой у нас пока нет. Так что не вышло, и сейчас мы уже не уверены, что выйдет. Хочется получить вид на жительство в Европе, но жить нам пока нравится здесь.

РОМАН

Многие американские журналисты говорят, что мы легко можем просить политического убежища в Америке. Но пока не хочется.

АНДРЕЙ

Мы ориентируемся на европейские клубы, а не на местные. Я не очень часто езжу за границу, а хотелось бы бывать там почаще. В среднем, может, пять месяцев в году провожу в Европе.

РОМАН

Я езжу реже, чем Андрей, и еще Азию люблю. Мы никогда не отдыхаем вместе, потому что невозможно уехать обоим сразу и оставить бизнес. Если бы мы не работали вместе, то, может, и расстались бы. А так нам всегда есть, что обсудить, много общих тем. Нам не бывает скучно друг с другом.

АНДРЕЙ

И мы практически не ссоримся. Раньше еще бывало, когда все только начинали, строили — тогда спорили. А сейчас если и ругаемся, то только в шутку.

—Записал Карен Шаинян

МАША И РУСЛАН

«А тут раз вдруг — хочу бороду»

Руслану 29 лет, он журналист. Маше тоже 29, она бортпроводница. Они познакомились, когда Маше было 18, а Руслану — 17.

РУСЛАН

Я в 15 лет жестко заявил маме, что буду менять пол. Для нее это было катастрофой, хотя, конечно, не стало для нее новостью. Она всегда этого боялась: говорила мне, что есть такая категория людей, что я очень на них похож, что она не хотела бы, чтобы со мной произошло именно это, потому что это очень страшно и опасно. По телевизору говорили, что из-за гормонов ты проживешь максимум десять лет, умрешь молодым и больным. Это, естественно, очень далеко от правды. Как только я получил разрешение, я тут же сделал операцию. Мне тогда было 24 года. С тех пор прошло каких-то там пять лет. Жизнь кардинально поменялась. Я уже вообще не представляю себя другим человеком. Не представляю, что было бы со мной, если бы я этого не сделал, как бы я жил сейчас, как мне на самом деле было бы хреново, просто адово хреново.

МАША

Да, и на мне бы не женился. Что бы ты тогда делал?

РУСЛАН

Страдал бы. Плакал бы.

МАША

Ты бы, наверное, пошел в активисты и боролся за разрешение однополых браков.

РУСЛАН

Это да. Я себя лесбиянкой вообще не чувствовал. Я с детства чувствовал себя мальчиком. Хотя я не мог четко сказать, что я мальчик, потому что я знал, что я не мальчик. Я заглядывал себе в трусы и видел, что там не как у мальчиков. Это было моей тайной. Я не знал, что такие люди есть, но когда узнал — тут же себя обособил с этой группой людей. Я познакомился с ними в Уфе. До этого я жил в очень маленьком городе, интернета тогда не было, общаться на эту тему мне было не с кем. Наверное, я когда-то считал себя лесбиянкой, можно так сказать. Но мне не нравилось считать себя лесбиянкой. Я видел, что они совсем не такие, как я: им не хотелось менять пол, иметь бороду. Я же всегда об этом мечтал.

МАША

Я помню, как я в первый раз узнала. Для меня это вообще было просто откровением. У меня после этого была депрессия две недели. Я уезжала на каникулы к себе в деревню, и Руслан мне дал с собой письмо. Говорит: «Прочитаешь дома». Я открываю письмо, а там его фотография с бородой. Он нарисовал себе бороду. И написал: «Вот так я буду выглядеть», — как сейчас вот, ей-богу. Я посмотрела, у меня слезы. Я думаю: боже, что это? Что происходит? Я вообще не могла понять, что это все значит. Мы на тот момент встречались уже больше года — года полтора. Это был такой стресс, до сих пор помню. Я рыдала, у меня была депрессия, я просто не знала, что делать. Мне казалось, что это вообще ломает мне жизнь. Конечно, это из-за дефицита информации. Тем более что мы же были дети, нам по девятнадцать лет было. При этом я никогда себя лесбиянкой не ощущала. Где-то подсознательно я чувствовала, что я влюбилась не в девушку. В девушек я не влюблялась.

РУСЛАН

У нас не было такого — давай определим, кто ты. У нас просто были отношения.

МАША

У нас была любовь. Я рыдала, потому что боялась самого этого процесса. Что будет, что подумают люди, что подумает моя мама, что с ним будет в это время происходить? Мне было так хорошо эти полтора года. Все ровненько идет себе, мы живем, а тут вдруг раз — хочу бороду.

РУСЛАН

Очень важно представлять и видеть перед собой адекватный, красивый, успешный пример. Я знаю, что если сейчас посадить рядом со мной какого-нибудь пацана из провинции, я для него буду именно таким примером. Он посмотрит и скажет: «Я хочу быть как этот чувак. Он успешен, у него есть работа, квартира, машина, жена. У него все отлично!». У меня такого примера не было. Передо мной мелькали какие-то непонятные люди, которые то принимали гормоны, то не принимали — совершенно неадекватные. Фигачили гормоны, потому что считали себя мужиками, потом передумывали, страдали, обзаводились кучей каких-то проблем со здоровьем. А когда появился интернет, в моей жизни появился «FtM-переход» — самый известный российский форум на эту тему. Там были такие красивые мужчины. Причем был огромный контраст с их фотографиями до этого, которые они выкладывали.

МАША

Я на самом деле благодарна Руслану. Ему пришлось в эту среду влиться, а я полюбила его и влилась вместе с ним. Я узнала очень много людей, и это сделало меня очень терпимой. Я выросла в деревне. Дед у меня сталинист, бабушка — православная, и это такая дремучая смесь, мне казалось, что я одна такая, с кем это стряслось, что таких больше нет. Он тогда еще говорил о себе в женском роде. Я на самом деле перестроилась очень поздно, когда все уже обращались к нему в мужском роде, я все время ему писала что-то типа «Ты сделала», и он мне такой: «Я тебя прошу, бла-бла-бла», и я: «Ой, точно-точно». А сейчас уже, конечно, я даже плохо помню, как это все происходило — как будто всегда так и было.

Я долго не воспринимала его имя. Мне оно казалось каким-то дурацким; столько есть имен, зачем он выбрал именно это? Долго называла его студенческим прозвищем. Потом привыкла. Сейчас это уже, конечно, абсолютно родное имя.

РУСЛАН

Сами трансгендеры чаще всего пассивны в политическом смысле, потому что их активность заканчивается ровно тогда, когда они меняют все документы, социализируются в новом поле. Есть такая категория людей, которые, когда начинается разговор о транссексуалах, и они не знают, что ты сам транссексуал, высказываются об этом очень жестко: «Вот, эти трансы — они же ненормальные, психи, они поменяли пол». Очень часто такое слышу. Я спокойно к этому отношусь, потому что понимаю, что люди просто никогда с таким не сталкивались.

И если я им говорю, что я сам — человек, который поменял пол, они совершенно не обособляют меня с тем навязанным образом. Но бывает и другая реакция, когда человек узнает, что ты трансгендер, и начинает относиться к тебе хуже.

МАША

Некоторые думают, что это какие-то зомби, монстры.

РУСЛАН

Да, что это какие-то уроды, у которых куча всяких пришитых штук, что они ненормальные, больные. И когда они понимают, что ты — тот самый человек, трансгендер, то я, конечно, не спрашиваю, что они при этом чувствуют, но я вижу, что человек не может тебя сопоставить с тем образом. И у него начинается когнитивный диссонанс. Он видит по телевизору какого-то дядю, который надел парик, и этот образ совсем не увязывается с симпатичным парнем, с которым он так хорошо общается.

Мои бабушка с дедушкой приняли новость офигенно. У них камень с души упал. Они-то всегда меня считали неадекватным, потому что я летал, как Тарзан, по лианам в деревне и с братом на мотоцикле катался. Они всегда на меня смотрели как на ненормального, а тут сразу же успокоились. И даже лучше стали ко мне относиться.

МАША

Если бы это были мои бабушка с дедушкой, так дед воскресил бы Сталина и замочил бы и тебя, и меня, и всех вокруг. А мама знает еще со студенчества. Когда мы стали встречаться, она об этом знала и нормально это восприняла. Она к этому адаптировалась.

РУСЛАН

Просто она очень хорошая. Она меня любила по-человечески. Теперь вот — моя теща. А на работе не знают. Это закрытая страница моей жизни. Так проще.

Нужно ли говорить об этом детям — это сложный вопрос, на самом деле. Мы обдумывали, расскажем мы или не расскажем, стоит или не стоит. Склоняемся к тому, что стоит. То есть изначально воспитывать своих детей в позиции терпимости, ЛГБТ-френдли — это правильно.

МАША

Да, однозначно. Я бы в любом случае воспитывала их такими.

РУСЛАН

Есть очень много таких семей на самом деле, которые растят детей, и дети вообще ничего не знают.

МАША

Я думаю, что, наверное, надо говорить об этом не в раннем детстве, а когда ребенок будет уже осознанно ко всему относиться, когда почва будет подготовлена. Тогда он будет готов узнать о папе.

У нас будут дети, и это будут счастливые дети.

Маша с Русланом знают друг друга уже больше десяти лет, но не все это время они были вместе. Когда Руслану было 20, а Маше — 21, они расстались на шесть лет. Были друзьями. Несколько лет назад Руслан и его мама переехали в Москву. Два с половиной года назад Маша переехала к ним.

МАША

Первое время после расставания мы долго не виделись. Года три, может быть. Потом стабильно встречались раз или два в год. Нам всегда было о чем поговорить. Вполне возможно, что если бы мы тогда не расстались, то сейчас не были бы вместе. Вполне возможно, что тогда мы уже все изжили бы. Нужно было набраться какого-то опыта, принять что-то в себе и друг в друге.

РУСЛАН

У нас тогда все было очень болезненно. Мы постоянно конфликтовали.

МАША

Мы еще долгое время не могли расстаться. Вроде бы расстались, потом снова вместе, это тянулось достаточно долго — почти год. Я до сих пор болезненно воспринимаю эти расставания. Мне все равно было тяжело все это время. Года три у меня была ужасная депрессия. Я уже даже не думала, что мы когда-нибудь будем вместе. Мне было уже спокойно. Но как-то все стремительно произошло. Я надеюсь, мы умрем в старости в один день.

РУСЛАН

У нас свадьбы-то как таковой не было. Мы посидели с родными, выпили шампанского в ресторане.

МАША

У меня было панковское платье. Желтая пачка и корсет. Мне просто хотелось пачку желтую. Все началось с этой пачки. Мы сначала не хотели свадьбы, потом я говорю: «Хочу вот эту пачку». Соответственно, если есть пачка, то надо и гостей позвать. Все там напились. Руслан не пьет, а я что-то заболела. Прямо в разгар свадьбы меня начинает знобить, я ничего есть не могу. В итоге все напились, радовались и гуляли, а мы с Русланом были оба трезвые. Но довольные, конечно, счастливые. Это было очень весело. И платье было клевое. Прямо вообще — я так хотела эту пачку желтую! На самом деле я всегда была ненавистницей браков, всем доказывала, что брак мне не нужен, что мне и так хорошо, что это все какой-то отвратный бюрократический бред. Но когда Руслан мне написал: «Маруся, не хочешь ли ты стать моей женой?», — я, конечно, сказала, что нет, на фиг это мне нужно, но все равно не могла отказаться, конечно. У меня не было выбора.

—Записала Ольга Курачева

ВОЛОДЯ И ДИМА

«Мы как ходили за руку, так и ходим»

Володя и Дима познакомились год назад в группе психологической взаимопомощи, организованной Радужной ассоциацией в Москве. Как говорит Дима, одной из основных тем обсуждения была проблема камин-аута. На момент их первой встречи 19-летний Володя работал механиком, состоял в коммунистической партии, учился на втором курсе Московского государственного технического университета и активно участвовал в работе профсоюзов в Конфедерации труда России. А 25-летний Дима, решив поддержать московское ЛГБТ-движение после того, как узнал о погроме в клубе во время празднования Всемирного дня камин-аута, приехал в Москву из Благовещенска.

ДИМА

Я только приехал в Москву и был занят поиском жилья и работы. По специальности я инженер автоматизации, то есть проектирую автоматические системы управления, к примеру, на производстве или в офисных зданиях. Но в группе я не рассказал, что ищу работу. Мне казалось, что если скажу, то все подумают, что я пришел просить помощи, а я хотел справиться сам.

С Володей мы подружились сразу. Он дал мне свой телефон и пригласил на семинар для профсоюзов. Номер телефона я случайно потерял, но на мероприятие пришел. Володя подошел ко мне и сказал: «Ну что, пошли?». Мне было приятно, что он меня хотел ото всех оторвать, как будто мы сбегали. Потом мы гуляли по Москве. Помню, как в парке на лавочке сидел у него на коленях. Проходили какие-то люди, что-то говорили, а Володя мне сказал: «Не обращай внимания».

ВОЛОДЯ

Я сразу обратил внимание на Диму. Дал ему свой номер и позвал на семинар, который должен был состояться через две недели. Я тогда пришел на это мероприятие только с одной целью — найти его. Мы

быстро сбежали и пошли гулять. Сначала мы бродили по Садовому кольцу, потом по Тверской, а потом доехали до Петровского парка, где Дима меня поцеловал. Это был мой первый в жизни настоящий поцелуй. И все.

Я точно понял, что он мне нужен. Я его везде искал. Он мне мерещился. Мне казалось, что если долго тянуть, то он обязательно куда-то пропадет. Поэтому я довольно быстро уговорил его жить вместе. За этот год мы только дважды расставались больше, чем на день. Нам очень повезло, что мы встретились. Конечно, тут есть и моя заслуга — я умею добиваться своей цели.

ДИМА

Я раньше не верил, что все может произойти так быстро. Сначала я не относился к нашим отношениям так серьезно, как Володя. Сейчас, конечно, иначе. Скучаю, когда ему приходится ночевать где-то еще.

Мне нравится, как Володя заботится обо мне. Очень люблю смотреть, как он работает. Люблю чувствовать, как прижимается ко мне ночью. И люблю его длинные волосы. Раньше он еще носил очки, как у Гарри Поттера.

В первый раз Володины родители увидели меня во время разговора по скайпу. Они его отчитывали за то, что он был не пострижен и растолстел. И вдруг появился я в халате желтого цвета, который Володе подарила его бабушка. Они только рассмеялись и сказали, что мы — два сапога пара.

ВОЛОДЯ

Дима очень стеснительный. По началу он даже смущался проявлять свои чувства на людях. Но его стеснительность, скорее, придает ему какую-то изюминку, вызывает желание заботиться о нем.

Бывает, что мы сталкиваемся с той или иной формой гомофобии, но не сказать, что это нас сильно мучает. И «закон Милонова» нас тоже особо не коснулся. Мы как ходили за руку, так и ходим. В нашем районе нас уже каждая собака знает.

Наверное, какие-то гей-пары могли бы посчитать нашу жизнь странной. Для нас важнее провести вечер в обнимку, смотря какой-нибудь сериал или обсуждая дела, чем пойти в гей-клуб танцевать.

Конечно, мы хотели бы детей, но не сейчас. Мне только 20. Может быть, лет через 10.

—Записала Маша Чарная

КСЕНИЯ МЕЩЕРЯКОВА

«Софи — наш ребенок, им придется смириться»

Ксения прожила в США больше 10 лет, но грин-карту получила совсем недавно: только после того, как Верховный суд отменил Закон о защите брака и ее супруга Лиза, гражданка США, смогла поручиться за нее. Ксения работает на неполную ставку психотерапевтом, а остальное время сидит с их полуторагодовалой дочкой Софи, Лиза же работает юристом по иммиграционным делам. Уже живя в США, Ксения помогла запустить в Санкт-Петербурге в 2008 году ЛГБТ-кинофестиваль «Бок о бок». В 2013 без наращивания организаторам фестиваля удалось отбить атаку прокуратуры, обвинившей их в нарушении нового федерального закона об «иностранных агентах». Некоторые города отказались от проведения кинофестиваля, но в конце ноября десятки фильмов с ЛГБТ-тематикой, несмотря на трудности, были показаны в самом сердце Санкт-Петербурга.

Мы познакомились с Лизой в Санкт-Петербурге в 1999 году. Мне было 24 года, ей на год больше. В Петербурге она работала над диссертацией, ее специальность — история Кавказа. Лиза армянка, из Ирана, но выросла в США, куда ее семья переехала после революции 1979 года. Мы встретились в первую же неделю ее пребывания в городе, на дне рождения кого-то из друзей-художников в такой старой-старой мастерской.

Мы странно встретились, потому что мой друг-американец сказал мне, что Лиза лесбиянка. А я тогда еще не была готова к этому разговору, я сама себе еще ни в чем не призналась, не знала ни одной лесбиянки, поэтому немного избегала контактов с ними. Думаю, Лиза ушла с вечеринки с мыслью, что она мне не понравилась. А у меня было чувство, что что-то произошло. Вообще-то я вполне адекватный человек, но в тот вечер испугалась. Лиза была симпатичной, моего возраста, умница, и мне захотелось разобраться, что со мной происходит, что

это на меня нашло. Так что я позвонила ей, мы встретились и просидели в кафе на Невском до утра. Самое смешное, что она говорила на английском, а я по-русски, и мы друг друга понимали, язык у нас был на слуху, но ни одна из нас не могла бегло говорить на другом языке.

Лиза тогда приехала в Петербург всего на два месяца, и очень скоро мы стали парой; мы были очень счастливы. Потом она уехала в Армению, продолжать работу, а я все это время путешествовала по России — почти весь следующий год. Потом Лиза вернулась в США, и мы полтора года не виделись; Питер стал казаться мне куда скучнее. Мы продолжали поддерживать отношения, перезванивались, но тогда это было очень дорого, в России еще не было телефонных карточек, и иногда довольно неудобно: Лизе по телефону было трудно понимать мой русский и наоборот. Потом она приехала на Новый год, в 2001 без наращивания. Было так странно вдруг осознать: вот человек, который мне нужен.

Так у меня появилась идея (которую Лиза всячески поддерживала) продолжать учебу за границей. Я получила стипендию на изучение арт-терапии в Нью-Йорке. Отправилась в Нью-Йорк, а Лиза в это время была в Вашингтоне, заканчивала докторантуру, но потом она тоже приехала в Нью-Йорк и мы поселились вместе, сняли в Вест-Виллидж маленькую квартирку.

Тогда это еще не был такой фешенебельный район, бутиков было гораздо меньше. Мы жили совсем рядом с Marie's Crisis — это кафе с живой музыкой, и магазином Kim's Video, который теперь закрылся. До приезда в США я видела от силы пять фильмов про лесби, поэтому, пока мы там жили, я пересмотрела, наверное, все картины про ЛГБТ, которые были в Kim's Video, там можно было взять кассету на ночь за полтора доллара. Этот мой опыт очень помог мне в подготовке фестиваля «Бок о бок» — я смогла сама составить документальную программу. В 2008 году, в год запуска, мы привезли Джона Кэмерона Митчелла, он показал свой фильм «Хедвиг и злосчастный дюйм». Полиция пыталась сорвать фестиваль, но он все равно прошел, пусть и полуподпольно. Я в тот год не поехала в Петербург, но в 2009 была, работала на фестивале. Я пять лет не приезжала в Россию: боялась, что меня не выпустят назад в США, чтобы быть с Лизой.

Нашим семьям понадобилось много времени, чтобы понять нас. Много времени и много труда. Но они проделали большой путь, за последний год много всего случилось. Как только я узнала, что Лиза беременна, что все это всерьез, стало ясно, что с прятками пора кончать. Все изменилось, когда в июне 2012-го появилась Софи. Они поняли: мы те, кто мы есть, Софи — наш ребенок, им придется смириться.

Лизина мама приехала после родов и помогала нам, моя мама приехала через год, на первый день рождения Софи. Моя мама относится к ней как к внучке, хотя ей это нелегко дается, но она решила, что это важно — рассказать своим родственникам, братьям и сестрам обо мне и моей семье. Еще маме важно, что Софи говорит по-русски, так как мама не знает английского. Мы общаемся по скайпу несколько раз в неделю, по утрам. Насчет Софи мы договорились так: дома я говорю с ней по-русски, Лиза по-армянски, а на людях мы говорим по-английски.

Мы поженились за месяц до рождения Софи. Я уже давным-давно жила в США, каких только виз у меня не было — и студенческие, и рабочие. Но положение мое оставалось шатким, каждый раз, когда я хотела поменять работу, возникали трудности. Да и во время работы стало вылезать то одно, то другое. Теперь, благодаря решению Верховного суда, все иначе. У меня твердая почва под ногами. Все бумаги в порядке. Я получила вид на жительство. Значит, можно выходить из подполья.

Знаете, как иногда нравится какой-то запах, а почему, объяснить не можешь? Или как не можешь жить без каких-то произведений искусства. С Лизой у меня так же. Она интеллектуалка, всем интересуется, мы постоянно с ней что-то обсуждаем. Ей интересно, какая я, какая у меня семья. Это она меня сюда притащила, не только в физическом смысле, а по-настоящему, действительно помогла мне здесь освоиться. Она очень глубокий человек. И нас всего двое. У нас нет бебиситтера, нет бабушек-дедушек в Нью-Йорке, которые могли бы присмотреть за Софи. А еще она — мой товарищ, который не бросил меня во время всех этих моих иммиграционных мытарств.

Когда Лиза решила забеременеть, это заставило нас повзрослеть. У нас теперь есть маленький человечек, ребенок, новый фронт работ, так сказать. И мы чувствуем себя достаточно сильными, чтобы понимать: мы хорошие родители-геи. И что важно, не просто хорошие. Я лучшая мать для своего ребенка: вот спросите ее, согласна ли она меня на кого-нибудь променять. Но по закону я по-прежнему должна ее усыновлять — странный закон. Я отвозила Лизу в роддом, провожала ее в родильную палату, помогала рожать Софи. Я была вторым человеком, который держал ее в руках.

Что касается России, то я настроена не очень оптимистично. Плохо может быть еще довольно долгое время. Россия — это вечная драма, ее постоянно сотрясают коллапсы. Мое поколение русских знает, что такое голод, что такое бездомность, мы пережили все это после распада СССР, когда жили как в джунглях. Россия моя родина, место, где

я родилась. В России к этому серьезно относятся и не прощают предательства, но я бы не повезла сейчас туда Софи. Если бы мы поехали, нам бы пришлось быть крайне осторожными. С какой стати я буду подвергать мою дочь опасности? Я мечтаю жить с моей дочерью на родине, но моя родина ведет себя как последняя сука и с ненавистью относится к людям вроде меня. Из-за этого я не люблю ее меньше, но я не позволю ей завладеть моим ребенком.

—Записал Джозеф Хафф-Хэннон
Перевод Светланы Солодовник

СЕРГЕЙ

*«Я с женщинами никогда не спал,
но семья — это совсем другое»*

История жизни 40-летнего Сергея: от работы на военном заводе — к уличной проституции у Большого театра, от несчастной любви в техникуме — к семейной жизни с женщиной и названной тетусшкой, от фальшивого наблюдения в психушке — к реальной борьбе с ВИЧ. Спустя полгода после этого интервью Сергей уехал в деревню под Москвой, где ведет жизнь Константина Левина из «Анны Карениной»: своими руками строит дом, печет пироги с капустой, которую вырастил сам, и разводит кур, гусей и уток. Впрочем, фермер из него никудышный: цыплят он отдал многодетной семье, поселившейся по соседству, а гусей не смог резать, потому что «они интеллектуальные птицы оказались очень». В сентябре этого года он начал новый этап терапии, открыл группу в популярной русской социальной сети ВКонтакте под названием «ВИЧ+Я гей, мне незачем это скрывать» и подумывает об отъезде из России: «Совсем отсюда свалить, никого не слышать, никого не видеть. Новости не смотреть. Просто тихо жить».

Я сейчас больше люблю жить в деревне: надоело бороться за место под солнцем, тем более что этим местом в Москве оказывается даже свободная парковка. Дом в лесу, 120 км от Москвы, пейзаж довольно хмурый, зато есть пруд, а там караси, красные и белые. Рыбы эти хитрые, сытые. Их голыми руками не возьмешь; верши ставлю. Река тоже кормит: там и щука плавает, и голавль. Дом моей жене принадлежит, я ее тетусшкой зову. Она такая классическая Фаина Раневская — на пенсии, бойкая на язык, с папиросочкой, кинооператором работала. Мы с Егором с ней познакомились, когда в квартиру в центре переехали лет десять назад. А вообще с Егором мы 17 лет уже вместе. Нас общий приятель познакомил. Егор за мной год ухаживал: приглашал на ужины с шикарным вином, с семгой. По клубам ездили с

его друзьями: они все были успешные-хорошие, молодые-красивые. Ну вот и живем с тех пор вместе.

У тетушки был муж, мы с ними по-соседски задружились — на дачу вместе, на рыбалку. Сначала говорили, что мы с Егором братья, а потом — люди не дураки, разобрались. Муж ее раком заболел, тетушка мне через год после похорон говорит: «Давай, что ли, поженимся с тобой». Я говорю: «Ну давай». Все-таки ей хотелось, чтобы мужчина был в доме. Я с женщинами никогда не спал, но семья — это совсем другое. Вот мы с тетушкой на пятницу к врачу записались, я ее отвезу. А как иначе? Она жена моя.

Я умею почти все: готовить вкусно, сантехника, электрика, машину починить. Своими руками сделал в деревне систему «Умный дом». Хотите, могу прямо сейчас эсэмэской включить свет или там аэратор для рыб. У моей кошки есть ошейничек с сигналом, а в доме — специальная дверца, которая этот сигнал считывает. Так устроено, что из всех кошек только она может войти. А вот Егор машину водить так и не научился, гвоздь сам забить не сможет. Он уважаемый человек, наукой занимается. Мне страшно порой: случись что со мной, они с тетушкой сами даже на дачу поехать не смогут. Опасения эти неслучайны: у меня уже полтора года ВИЧ-статус. В этой ситуации на жизнь уже по-другому начинаешь смотреть.

В жизни ведь чего только не было. Изначально я слесарь-механик по радиоэлектронной аппаратуре. На улице Борисовские Пруды был военный завод, я там собирал гетеродины для спутников. Еще в школе получил разряд. Деньги на одежду тратил, покупал кроссовки модные. А потом кем я только не работал — в трудовой книжке место кончилось. На крайней работе 60 тысяч в месяц получал. Хорошая, честная зарплата. Завхозом был, отвечал за прозрачные закупки, боролся с откатами на фирме. Про меня даже статью в деловом издании написали, называлась она «Завхоз, который не ворует». А в молодости, когда совсем худо было, расклеивал объявления: «Муж на час». Ездил по квартирам, все чинил. Но это днем, а так-то я был мальчик-весельчак, симпатичный беленький заяц, который по Москве скакал.

Вырос я в Бирюлево. Бабушка была моя владычица морская: сильная, всю семью тянула. Мама — мышка серенькая, трудяга, работяга, умница. Сестра старшая — ну, с ней почти не общаемся. Открыться им пришлось, когда от армии стал косить по этой теме. С удовольствием бы послужил, но не мог сжиться с мыслью: как они там без меня? Лег в «Бехтеревку» на 2 недели на комиссию. Подготовился: взял у сестры тональный крем «Балет», велосипедки нацепил. Ну, там вся палата таких была, которые играли. На самом деле геев среди них

не было. По соседству лежали взрослые мужики: и «белка», и шизофрения. Тогда я понял, что безумие — очень заразная болезнь. Мало того, и доктора все слегка не в себе, о санитарках я уж молчу: такие лахудры-тетки, таблеток нажрут и ржут ночью — га-га-га! На третьи сутки нахождения в этой обстановке в голове тоже начинается какой-то ветерок.

Но в остальном там очень хорошо было. Вкусная еда, здоровый сон. Спать хорошо помогала трудовая терапия. На столах расставляли чайники с клейстером и коричневую бумагу. Надо было клеить пакеты для шприцев — одноразовых тогда еще толком не было, стерилизовали стеклянные. Ставили нас и на фасовку лаврушки. Дома потом этой лаврушки на три года было. Вернулся отдохнувшим, как после пансионата.

В техникуме я влюбился в начальника своей лаборатории. Офигенный красавец, таких просто не бывает. Я в лаборатории трудился по полной — только чтоб его порадовать. Делал ремонт, варил железо, клал паркет, стекла ставил. Он придет, обнимет: «Заяц, молодец ты!». Жена у него была, она мне нравилась, и еще любовница-фото модель. Он, конечно, эту фишку просек и временами вел себя со мной как монстр, чудовище. Доводил до белого каления. Как-то я у него остался ночевать, он вышел из душа голым. Поцеловал однажды. У меня от него начинались форменные истерики. А он это все видел и, видимо, удовольствие получал какое-то. Но я умею забывать плохое.

Каждый вечер после техникума не мог с собой ничего поделать — тянуло в центр, и все. Садился в метро, вылезал и бродил. Неделями искал вот это все — ну и нашел ее, Плешку. Со всеми вытекающими последствиями. Я там и зарабатывал, но не часто. Был один мужичок из Красноярска, вот он меня всегда находил. Прямо удивительно. Он гостиницу снимал, а наутро мне говорил: «Это, там баул стоит, открывай, бери, что надо». И этот баул просто полон был кирпичами из купюр, шпагатом все связано. Какой-то у него тут бизнес был. Звездой Плешки был совершенно лютый чувак, кличка у него была Катька, что ли. Сейчас он звезда сериалов, играет ментов. Не буду говорить, кто. Знаменитую Шлеп-ногу я видел — бабушку советской проституции. Совсем уже старушечка, но всегда там паслась. Ее таксисты уважали, просто так денег ей давали. Гопники приезжали стабильно. Но я бегал хорошо, КМС по легкой атлетике. Они пристанут — я наутек. А куда бежать? К Мавзолею, конечно, там всегда менты. Сяду на бордюр и сижу под охраной почетного караула до утра.

Были в этой среде свои бандиты — билетная мафия Большого, гейская, прожженная. Нет, они не приглашали нас на премьеру «Сильфиды», вопрос иначе стоял: «Сегодня ты пойдешь ко мне в гости». Ну а ругаться, драться смысла не было, лучше мирно все решить.

Потом в Плешке надобность отпала, потому что интернет появился. Я впервые компьютер включил в 1996 году, Егор купил дорожный ноутбук Texas Instruments. Он у меня в гараже лежит как раритет. По молодости у меня был ник Торнадо. Сейчас другой, больше возрасту соответствует.

Свободные ли отношения в нашей семье? Нельзя нагло сказать, что всем все дозволено. Егор довольно ревнивый человек. А я недавно научился прощать. Еще три года назад сходил с ума, ставил компьютерных шпионов, смотрел все скриншоты. Понимал, что изменяет, и бесился. Потом сказал себе — нет, у самого рыло в пуху, надо прощать. И удалил всех шпионов. Но бывают ситуации — вот я уезжаю на дачу, на всякий случай кидаю под кровать диктофон. Потом возвращаюсь: «Значит, просто кофе вместе попили?!».

Сейчас из-за болезни своей я его берегу. Наоборот, говорю: вот я уезжаю на неделю, ты встреться с кем-нибудь, только будь осторожен. Сейчас ведь беда. Эпидемия жутчайшая, статистика врет. Залететь можно, предохраняясь, — это мой опыт. У меня никогда не было незащищенного секса. Я в 14 лет от сифилиса лечился, и с тех пор урок усвоил. Знаю массу людей, у которых тоже положительный анализ, но при этом у них в анкетах написано, что отрицательный. Эти люди живут и разносят заразу. Страшно. Возраст у меня уже не тот, прыгать уже не хочется. Хочется тишины и покоя. Книги читаю: всю Улицкую недавно перечитал, и пьесы, и романы. Нравится ее слог, к тому же она за демократию.

У меня был хороший друг, натурал бирюлевский. А я возьми и скажи ему: «У меня ВИЧ». И больше он не проявлялся. Сказал я это назло врагам, а получается, что назло себе. Я сам прежде очень плохо поступил с одним человеком. Мы дружили, общались, он приезжал ко мне в деревню. Он мне однажды позвонил и сказал: «У меня вот плюс». И я тогда сказал: «Сочувствую». Но сам тут же удалил из телефона его контакты и больше с ним не связывался. А спустя год получил свой диагноз и решил ему сказать. Почему я себя так повел? Наверное, это страх смерти как чего-то неизвестного. Того, от чего ты стараешься держаться подальше.

Я свой диагноз довольно быстро принял. С этим можно жить — сейчас уже не 90-е, когда люди от этого буквально сгорали. Главное — мониториться постоянно. Лет десять-пятнадцать — нормально. Иногда я жалею, что не уехал в Европу, когда была возможность. Тем более, что Россия в последнее время только расстраивает. Но, с другой стороны, от судьбы не уйдешь. В 17 лет мне казалось, что 22 года — уже старик. А сейчас мне под сорок, но в душе я мальчик. Моя любимая поговорка — не спеши жить. Чем взрослее ты становишься, тем быстрее дни бегут. По молодости день тянулся, как год. А сейчас страшно хочется побегать еще подольше.

—Записала Екатерина Дементьева

*Интервью впервые напечатано в журнале «Афиша»
№ 339 (25.02.2013). Публикуется с разрешения
журнала. Обновлено и дополнено автором*

ОЛЬГА И МАРИЯ

«Я увидела ее и подумала: “Терапия прошла хорошо!”»

Семь лет назад психотерапевт Ольга приехала в Крым на летний выездной курс по гештальттерапии. Ольге было 27 лет. Она была замужем и растила четырехлетнюю дочь. Собрались более ста человек, большинство из которых составляли пациенты. Среди них была 28-летняя Мария — художник по образованию, дизайнер по профессии. В Москве ее мучала безответная любовь к несвободной женщине, и в Крым она приехала, чтобы постараться изменить свою жизнь.

ОЛЬГА

На интенсив я приехала, как говорил Владимир Ильич Ленин, «учиться, учиться и только учиться».

Я приехала на день раньше всех остальных участников и заселилась в отель первой. Нас расселяли по двое, и у меня должна была появиться соседка. На следующий день я возвращалась с моря, когда из Москвы приехали остальные участники. Люди очень шумно заселялись, и, находясь в своем номере, я слышала за стеной голос. А поскольку у меня есть еще музыкальное образование — я закончила вокальное отделение Российской академии музыки им. Гнесиных, — то мне важно, какой у человека голос. Я не видела, кто говорит, а только слышала этот голос, и мне было все равно, мужчина это или женщина. У меня все внутри перевернулось. Мне очень хотелось посмотреть, кто там. Оказалось, что у нас с соседним номером общий балкон.

МАРИЯ

Он стал местом наших встреч.

ОЛЬГА

Вечером мы с моей соседкой купили крымского вина и решили познакомиться с соседями, выйдя на балкон. И тут я впервые увидела Машу.

МАРИЯ

Первое впечатление об Оле было как об очень холодном человеке. Я, скорее, отнеслась к ней с опаской. У меня не было никакого желания с ней сблизиться. Особенно когда я узнала, что она замужем и у нее есть ребенок. Я приехала на это мероприятие для того, чтобы понять, почему я все время выбираю женщин, с которыми невозможно быть вместе. И я понимала, что это совсем не то, что мне нужно.

ОЛЬГА

На следующий день, когда всех клиентов распределяли по терапевтам, я узнала, что Маша должна быть моим клиентом. Я была в ужасе. Я пошла к нашему организатору и сказала, что не могу быть Машиным терапевтом на том основании, что я влюблена. Она спросила, когда мы познакомились. Я сказала: «Вчера». Тогда она спросила, было ли между нами что-то, и я сказала: «Нет, но будет». Она попыталась найти какой-то другой вариант, но у нее ничего не получилось, и я была вынуждена пойти и исполнять свои обязанности терапевта.

МАРИЯ

Мне очень нравилось, как Оля работает. Я, прежде всего, увидела в ней сильного терапевта. Она мне очень много давала полезного. Но когда мы встречались вне терапии, то она могла подойти и дотронуться до моих волос, и я видела, что она заинтересована во мне. Она могла спеть какую-то песню, которая оказывалась моей любимой. Ей нравились мои седые волосы на висках. Мы играли в две жизни: одна происходила между нами как между терапевтом и клиентом, а другая за пределами терапии.

ОЛЬГА

А потом интенсив закончился. И после того, как все договорные обязательства были выполнены, она пришла ко мне.

МАРИЯ

Я решила, что, может быть, с семьей мне повезет в другой раз, а в этот раз я не стану упускать то, что ко мне пришло. И перелезла на ее часть балкона, села перед открытой дверью и стала смотреть, как она переодевается. Я не скрывала своего присутствия, а, скорее, делала вызов.

ОЛЬГА

Я увидела ее и подумала: «Терапия прошла хорошо!». И ответила на ее вызов. В ту ночь мы впервые были вместе.

МАРИЯ

Потом мы вернулись в Москву и снова увиделись. А несколько дней спустя, когда Оля была на дне рождения у своего папы, она написала мне сообщение о том, что сказала родителям, что хочет развода.

ОЛЬГА

У нас с мужем были довольно плохие отношения. В течение последних двух лет я пыталась сохранить брак ради ребенка. Если бы дочери не было, то мы бы уже давно расстались.

Мы стали делить имущество, а дочь я перевезла к родителям. Мне пришлось очень много работать, чтобы выкупить у него его долю квартиры. Маша меня очень поддерживала. Но годы шли, и пять лет я жила на два дома: между Машей и дочерью. Я долго не могла перевезти дочь к нам с Машей, потому что хотела быть уверена, что перевезу ее во что-то очень стабильное.

МАРИЯ

У нас не было возможности перевезти ее раньше, так как мы обе много работали. Я зарабатывала на то, чтобы сделать собственного ребенка. Я очень хотела детей и знала, что сделаю все, чтобы они у меня были. Мы начали делать ребенка на следующее лето после нашего знакомства. Через три года я забеременела, и два с половиной года назад у меня родился сын. Когда он появился, для Оли стало очевидно, что дочь надо перевозить.

ОЛЬГА

К этому моменту ей надо было переходить из начальной школы в среднюю. И я решила, что поскольку она все равно будет менять школу, это самое логичное время и для того, чтобы ее перевезти. С тех пор мы живем все вместе.

МАРИЯ

Когда встал вопрос о принятии закона о лишении родительских прав, у меня возник большой страх. Я не понимала, как защитить себя и своих детей. Мы звонили знакомому юристу, пытались узнать, чем нам грозит такой закон, рассматривали возможность эмиграции.

Мы так много сделали, чтобы быть вместе и иметь право на это. Мы долго проверяли нашу любовь заботой и терпением. И теперь нам кто-то говорит, что это может быть наказуемо или опасно.

У моего ребенка не будет папы. Мне и так от этого больно. Но я такая, и я не могу дать ему ничего другого. Это мой выбор. Мой крест.

Я обязательно попрошу у него прощения за то, что не оставила ему выбора. Но я не хочу, чтобы меня ругал за это кто-то еще.

ОЛЬГА

Поскольку нам в нашей стране нельзя пожениться, то мы устраиваем «несанкционированные» свадьбы. Они спонтанные и могут происходить без подготовки. У нас была свадьба в Вероне, где мы повесили наш замочек возле дома Джульетты. Нам все хлопали и кричали «Ура!». Еще мы праздновали нашу свадьбу в Рязани и в Суздале. А в Москве у нас была свадьба с лимузином и голубями.

МАРИЯ

Для такой женщины, как Оля, хочется срывать звезды с неба. Наша семья — это самое важное в моей жизни. Она постоянно меняется: наши планы, количество детей. Но я точно знаю, что обожаю Олю.

ОЛЬГА

Я раньше думала, что семья и сильные чувства несовместимы. Благодаря Маше я наконец-то живу так, как мечтала.

—Записала Маша Чарная

АЛЕКСАНДР БЕРГАН И ИВАН САМСОНОВ

«Самое трудное на церемонии бракосочетания было поцеловаться»

Прожив шесть лет вместе, Александр Берган, 27 лет, и Иван Самсонов, 32 года, покинули Россию и спустя несколько месяцев поженились в Нью-Йорке. Это произошло 10 октября 2013 года. На следующий день после бракосочетания Александр выложил фотографии свадьбы в Фейсбук и их перепостил блогер из Мурманска, родного города Александра. Сам пост был вполне доброжелательный, но 95% комментариев, как водится, переполняла ненависть, некоторые блогеры даже призывали убить молодоженов.

И Александр, и Иван, как они сами считают, были неплохо устроены в России: Александр работал морским агентом в Мурманском порту, помогал судовладельцам проходить портовые формальности, Иван был менеджером по маркетингу в телекоммуникационной компании. В феврале на Александра прямо перед домом напал какой-то человек, который бессвязно выкрикивал что-то гомофобное и ударил его ножом в руку, оставив длинный, глубокий шрам. Спустя несколько недель в их машине выбили стекла. В июле они уволились каждый со своей работы, продали квартиру и переехали в США, чтобы начать все с начала. «Многие думают, что мы решили уехать по финансовым причинам, — говорит Александр. — Но мы и в Мурманске жили совсем неплохо. Мы приехали сюда не в поисках лучшей жизни, мы просто хотим безопасности».

ИВАН

Александр был популярен в Мурманске как фотограф, его имя хорошо известно. У него даже в музее была выставка, устроенная при поддержке местной власти. Это и подтолкнуло его выйти из подполья: он решил, раз людям нравится то, что он делает, значит, они нормально отнесутся к тому, что он гей. Оказалось, это так не работает.

АЛЕКСАНДР

Я совершил камин-аут в твиттере в феврале. Написал: «Я гей, но давайте не будем об этом говорить». Многие это перепостили, некоторые местные газеты написали об этом, и скоро начались нападки. Мурманская администрация меня в тот же день в твиттере «расфолловила». Стоило мне только выйти из подполья — и все очень быстро изменилось.

Тогда мы переехали в Санкт-Петербург, остановились у друзей. Но они мне понарасказали такого, что я понял: и там не безопаснее, чем в Мурманске. Я думаю о будущем. Не хочется жить, все время прячась. Хочется жить открыто и честно. Многим россиянам, возможно, кажется, что это легко — все время прятаться. Но ты вынужден врать семье, своим друзьям.

Здесь мне не нужно прятаться, и это все, о чем я мечтаю. Мы можем вместе сидеть, можем обниматься, мне не нужно волноваться о том, что подумают люди вокруг. Такое впечатление, что мы из средних веков перешагнули в сегодняшний день. Я только сейчас начинаю осознавать, насколько тяжело было там.

ИВАН

Мы познакомились в гостях. Поначалу он показался мне довольно нахальным. Оттеснил меня в угол и говорит: «Ты мне нравишься, хочу, чтоб у нас с тобой что-то было». Но я подумал, почему нет: он молодой, симпатичный, спортивный. Ну и, как это обычно бывает, мы немного выпили и завалились ко мне. Он провел у меня ночь. Потом вторую ночь. Потом третью. А потом появился со своими чемоданами.

В первый год, по правде говоря, было тяжело, мы привыкали друг к другу. Но потом все пошло просто замечательно. О том, чтобы пожениться, мы думали еще в Мурманске, два или три года назад. Хотели поехать для этого в Швецию или в Норвегию, а потом вернуться. Так нам казалось правильнее. Нам было трудно прятать наши отношения: квартирка маленькая, приходилось всем говорить, что мы студенты, типа, снимаем вместе, только наши самые близкие друзья знали правду. Когда нас навещали родители, одному приходилось часами гулять, а вещи друг друга мы прятали.

Когда я наконец рассказал родителям, они, конечно, не пришли в восторг. В этой безумной России никто, я думаю, не придет в восторг, узнав, что его сын — гей. Но мои родители — очень мудрые люди. Мама однажды сказала мне, что она рада тому, что я встретил Александра, но горюет, что родила меня в стране, где я не могу быть счастливым.

В одиночку я бы никогда на это не решился. Так и продолжал бы жить во лжи, как живет большинство российских геев. У тебя есть

работа, есть какие-то друзья, есть другие друзья, которые не знают правды о тебе. Но когда у тебя есть партнер, проще взять и уехать куда-то, где ты никого не знаешь.

АЛЕКСАНДР

Во время церемонии я заплакал, Иван тоже. Я даже не мог произнести «Да», когда она спросила: «Ты берешь Ивана...», только через какое-то время сумел выговорить. Потом мы с одним нашим другом, который был свидетелем, отметили это дело, ели суши и пили шампанское. Самое трудное на церемонии бракосочетания было поцеловаться. Когда ты вынужден так долго прятаться, почти всю свою жизнь, не так-то легко вдруг перестать это делать.

ИВАН

Свадьба сама по себе — большое событие в жизни каждого человека. Наши родственники и друзья не могли на ней присутствовать, чтобы нас поддержать. Я был счастлив, конечно, но расстраивался, что не было моих родителей. После церемонии, когда мы получили свидетельство о браке и пошли фотографироваться, мы слышали, как некоторые люди говорили что-то вроде: «Как мило, посмотрите на них». Я не верил своим ушам. Позже мы послали родителям несколько фотографий и они нам прислали свои поздравления. Моя сестра была вынуждена разглядывать наши свадебные фото по ночам, когда дети спали. Теперь нельзя показывать такое детям — в России это запрещено законом.

Мы надеемся, что в будущем в России станет легче. Может быть, когда Путин уйдет. Не все россияне гомофобы, но когда это идет сверху... Все изменится, может быть, лет через 200.

АЛЕКСАНДР

Нет, пораньше. Лет через 100, думаю.

—Записал Джозеф Хафф-Хэннон
Перевод Светланы Солодовник

ЭЛЬВИНА ЮВАКАЕВА И ЕЛЕНА НИКИТИНА

«Это моя семья, а семью менять нельзя»

Эльвина работает менеджером по маркетингу в инженерной компании. Кроме того, она — сопрезидент Федерации ЛГБТ-спорта России. Елена — архитектор по образованию, занимается интерьерным дизайном. Еще она кандидат в мастера спорта по дзюдо. В 1998 году она собрала команду из девушек-дзюдоисток, готовых играть в баскетбол, и повезла их в Амстердам на всемирные Гей-игры. Эльвина и Елена познакомились в 2008 году в канун Нового года.

ЕЛЕНА

Эльвина сдавала квартиру моей приятельнице, а я помогала переезжать. Зашла в квартиру, увидела фотографию Эльвины и влюбилась.

ЭЛЬВИНА

Я знала Лену заочно, потому что тогда был популярен ЖЖ и много кто там сидел. Я у нее не была во френдах, но время от времени заходила к ней на страницу. Казус в том, что мы обе из Питера, но никогда не пересекались. В Москве у нас тоже достаточно много общих знакомых, но и тут мы тоже никогда не пересекались — до первой нашей встречи.

ЕЛЕНА

Потом, перед Новым годом, мы случайно поужинали втроем: Эльвина, я и подруга — она, можно сказать, была свахой. Это все произошло за очень короткое время. Стремительно и без сомнений. Конфетно-букетного периода у нас не было. Мы сразу начали налаживать быт.

ЭЛЬВИНА

То есть первый раз мы увиделись за две недели до Нового года, а сразу после Нового года мы уже фактически жили вместе. Для меня это была, скорее, любовь со второго взгляда. Но я доверилась Лене раз и навсегда, что очень серьезно для меня. Это моя семья, а семью менять нельзя.

ЕЛЕНА

Я веду довольно открытый образ жизни — в семье и на работе. Если меня не спрашивают о моей ориентации, то я не говорю, но мой руководитель знает, и еще несколько сотрудников. С родителями никаких конфликтов нет — Эльвина стала членом семьи. Она даже приезжает без меня в Питер и может остановиться у моих родителей.

ЭЛЬВИНА

Более того, Ленина мама говорит: «Давайте уже, рожайте детей». Мы везем собаку в ближайшую течку вязать в Швецию, и мама пошутила, мол, даже собаке уже нашли заграничного жениха, а себе не можете.

ЕЛЕНА

Так как я старше, то я хочу рожать первой. У нас нет жесткого критерия отбора папы, но нам нужно, чтобы донор был нам известен. Мне важно, как выглядят его родители, нет ли каких-то патологий, в каком психологическом состоянии его семья и т. д. Я не против, чтобы папа принимал участие в воспитании ребенка. Мы бы хотели сделать это в России.

ЭЛЬВИНА

Но с тех пор, как начали обсуждать следующий этап антигейского закона — возможность изъятия детей из однополых семей — мы не понимаем, что делать. Посмотрим, что случится после Сочи, и тогда уже примем какое-то решение. Вообще, конечно, страшно.

Но мы не будем вуалировать это какими-то фиктивными браками. Если у нас появятся дети и такой закон примут, нам придется как-то очень аккуратно себя вести.

ЕЛЕНА

Я не хочу уезжать. Мне нравится жить и работать в России. Мне не 25 лет, чтобы с нуля начинать карьеру в Европе.

ЭЛЬВИНА

Недавно я ездила в Штаты, и первые две недели я провела там по программе Государственного департамента, которая была посвящена спортивному маркетингу. Нас было шесть человек, и остальные пятеро были представителями организационного комитета Сочи-2014. Они все друг друга знали, потому что работали в одном департаменте. Когда мы прилетели в Вашингтон, в первый вечер у них было много вопросов ко мне: Кто я? Что делаю? и т. д. Я им объяснила, и они практически все восприняли адекватно. Под конец, когда мы уже прощались, они сказали: «Эльвина, ты нам открыла глаза, и наш мир и понимание стали шире, потому что мы никогда не задумывались о том, что у однополых пар могут быть какие-то социальные сложности. Теперь мы понимаем, за что вы боретесь». Эти пять человек были моей личной маленькой победой.

ЕЛЕНА

Не то, что наше общество морально не готово к принятию гей-парадов, просто у нас в стране и так достаточно других неразвитых социальных сфер. Но когда ты вокруг себя развиваешь толерантную культуру — мнения меняются. У меня есть такие примеры: люди говорят мне: «Вот мы с тобой общаемся, и ты нормальная».

Сейчас у меня есть заказчики — мусульмане, чеченцы. С одной стороны, мне достаточно комфортно с ними общаться, потому что они высокоинтеллектуальные, современные люди, но, с другой стороны, я не представляю, как бы я им сказала.

ЭЛЬВИНА

В 2011 году мы организовывали зимний спортивный фестиваль и были, видимо, не очень аккуратны — написали в группе ВКонтакте название пансионата в Солнечногорске, где должно было проходить мероприятие. Накануне фестиваля на местный Солнечногорский портал пришли анонимные письма с угрозами: «Мы не дадим устроить гей-парад на нашей земле. Мы собираем отряд и приедем его громить» и т. д.

Параллельно мне позвонил менеджер пансионата и сказал, что их руководство запретило пускать нас на территорию, потому что они «не хотят проблем». Мы связывались с директором управляющей компании этого пансионата, и он сказал: «Поймите, мне все равно, но мне поступил звонок из администрации Московской области». Было два варианта: либо все отменять, либо искать другой пансионат. Мы его нашли.

ЕЛЕНА

ЛГБТ-активизмом я начала заниматься в 1997 году. У нас в Петербурге была некоммерческая организация, которая называлась «Лабрис». На тот момент это была единственная такая организация в Питере. Занимались в том числе и правозащитной работой, но тогда не было таких сильных гонений.

Интернета тогда не было и мы писали письма, отвечали на звонки, проводили общественные акции. Все, что попадалось нам, мы переводили, перепечатывали. Устраивали показы ЛГБТ-фильмов.

Сейчас ситуация стала гораздо хуже.

—Записала Маша Чарная

УЭС ХЕРЛИ

«Моя жизнь превратилась в фильм Педро Альмодовара»

Уэс переехал из России в Сиэтл еще подростком. В 2005 году он сменил имя на более американизированное и из Василия Науменко превратился в Уэса Харли, взяв фамилию своего партнера. Уэс — независимый кинорежиссер, сейчас он работает над художественным фильмом, посвященным его иммигрантской юности в США.

Я переехал в США в 1997 году, мне тогда было 16 лет. Мы приехали в Сиэтл и влюбились в него, так до сих пор здесь и живем. Мы — это я и мама, мы не очень близки с остальными нашими родственниками. Я вырос во Владивостоке, это большой город, но очень провинциальный. В России я не мог даже рассчитывать кого-нибудь встретить — я даже не думал, что там вообще есть люди вроде меня. Разве что какие-нибудь выродки, извращенцы, про которых ходили слухи, вот и все. Я смирился с тем, что я единственный гей в городе. Почти так же плохо, как быть геем во Владивостоке, во всяком случае, в те времена, было быть евреем. Я не еврей, но у меня был друг-еврей, и он тоже в каком-то смысле сидел в подполье. Нельзя было признаваться в том, что ты еврей.

Идея уехать в Штаты появилась не одномоментно, она вызревала постепенно. После того, как распался Советский Союз, мы начали смотреть американские фильмы, начали понимать, что где-то есть другая жизнь. Моя бабушка пугала маму всякими страшными историями, говорила, что в США совсем не так хорошо, как показывают в фильмах, но мама только и думала, как бы выбраться. Она подала документы на участие в лотерее, чтобы выиграть вид на жительство в США, и все время смотрела объявления о работе в больницах по всему миру: она врач.

В результате мы оказались в США, потому что мама нашла себе жениха по переписке. Она вышла замуж за моего отчима, но стоило нам приехать сюда, как обнаружилось, что он сумасшедший

христианский фундаменталист, республиканец, заядлый консерватор. Так что, пока мы жили с ним, я по-прежнему сидел в подполье. Потом он начал потихоньку меняться, мы сначала не могли понять, что с ним. Помню первый случай, который нас очень удивил: я уже тогда жил отдельно, и мама с отчимом зашли, проходя мимо, и отчим принес мне тикву — это было перед Хэллоуином. Нам тогда это показалось очень странным, ведь он всегда говорил, что Хэллоуин — сатанинский праздник. Так что мы с мамой подумали: вау, что-то происходит!

А потом он признался маме, что он транссексуал. И со временем поменял пол. И моя мама, это чтобы вы поняли, что она за человек, еще несколько лет после этого продолжала с ним жить как друг, и ходила с ним и его приятелями-трансвеститами петь песни в караоке. Так моя жизнь в каком-то смысле превратилась в фильм Педро Альмодовара. Теперь я снимаю обо всем этом фильм, полуавтобиографический. Не знаю, удастся ли пробиться с ним в большой прокат, но у меня есть продюсеры и какие-то деньги, и мы сейчас ведем переговоры с Кэрри Фишер, чтобы она сыграла роль моей бабушки.

Все это случилось где-то через два года после маминого замужества, примерно в это же время я встретил Шона. Мне уже тогда отчаянно хотелось завести бойфренда, хотелось понять, на что это похоже. Но у меня не было никакого опыта. В 18 лет я не мог ходить по барам, и у меня не было приятелей-геев моего возраста. Еще я ужасно стеснялся своего акцента. Я тогда еще говорил с сильным акцентом, если честно, люди иногда просто притворялись, что понимают меня. Я был счастлив жить в Америке, мне нравились американцы, но языковой барьер приводил меня в отчаяние.

С Шоном мы познакомились в Сети, я ответил на его письмо на сайте Gay Seattle. Я был суперстеснительным в то время и из-за своего акцента чувствовал себя очень неуверенно. В Сети было не так страшно — более комфортно, что ли. Мне было 18, ему 34. Я соврал в своем первом письме: он запостил в своем профайле цитату из какой-то книжки и спросил, знает ли кто-нибудь, откуда она. И я начал пудрить ему мозги, что где-то видел эту цитату, мол, просто вертится на языке. Примерно с неделю мы болтали с ним по телефону, потом он уехал на рождественские каникулы. На Новый год мы наконец встретились, провели вместе ночь, а утром он предложил мне переехать к нему. Формально я не переехал, продолжал платить за свое жилье, но почти все время проводил у него.

Я был совсем желторотый, поэтому испытывал восторг просто от того, что у меня кто-то появился. А Шон был сложившийся человек, добропорядочный и основательный. Он не пил, не употреблял наркотики, вел размеренный образ жизни. Думаю, именно этим он меня

и привлек. Кроме того, мы принимали друг друга такими, какие мы есть. Тогда я еще остро ощущал свою «инакость». Большинство людей меня сторонились, а когда парни проявляли ко мне интерес, всегда оказывалось, что они просто западают на русских и вообще на иностранцев. Шон — черный, поэтому у него был похожий опыт: большинство геев не хотели с ним отношений, потому что он черный, а остальные хотели только потому, что он черный. Было приятно встретить кого-то, кого не волнует, иностранец я или нет, русский или нет.

Моя мама была рада за меня. Ну, может, она и считала, что я немного поторопился, но ей нравился Шон. Когда мы съехались с Шоном, я перестал писать бабушке, которая еще оставалась в России. Она всегда здорово поддерживала меня в жизни, но она не знала, что я гей. Хотя я ей не писал, но однажды послал фотографию, на которой я был вместе с Шоном, и что смешно — она ответила, причем обращалась в основном к Шону, написала: «Вы украли моего внука, но, кто бы вы ни были, не запрещайте ему читать мои письма!». Так что я в конце концов ей ответил и все рассказал: что собираюсь в университете изучать искусство, а для нее это было, наверное, не лучше, чем узнать, что я гей. И что я гей. И что мой бойфренд черный. Написал, что отлично ее пойму, если она меня не поддержит, но что это моя жизнь, и ей выбирать — стать ли ей ее частью или нет. Бабушка ответила, что хочет, как и раньше, быть частью моей жизни.

В последний свой приезд она жила у нас с Шоном. Мы отлично ладили, Шон ей очень понравился. Он пытался немного учить русский когда-то в школе и знает пару фраз. И вот он сделал глупость — сказал ей эти фразы, а она решила, что он говорит по-русски, и стала приходить к нему и говорить, говорить, говорить с ним часами. Я ей втолковывал: «Шон не понимает ни слова из того, что ты говоришь», а она: «Нет, ты не знаешь, он немного говорит по-русски». Она недавно уехала из Владивостока и вернулась в город, откуда она родом, это рядом с Сочи, где сейчас будет Олимпиада.

Мы с бабушкой старомодные люди, по-прежнему пишем друг другу письма от руки. Самое смешное, что она теперь все время рассказывает мне, какие в России есть нетерпимые люди и как она старается их перевоспитать. А сама всю жизнь была страшно зашоренной.

До того, как мы с Шоном расстались, я поменял имя и взял его фамилию. Я знал, что рано или поздно сменю фамилию, отец никогда не играл особенной роли в моей жизни, и мне всегда казалось какой-то глупой условностью носить его фамилию, но я ждал американского гражданства. Сначала я хотел что-нибудь придумать, но мы прожили с Шоном восемь лет, и я решил официально взять его фамилию, Харли. Американцам трудно выговорить «Василий», поэтому

многие давно звали меня Уэс или Уэсли, так это и стало моим именем. Сейчас у меня новый партнер, он живет со мной здесь, вместе со своей собакой. Его тоже зовут Шон — моего нового бойфренда, не собаку. Собаку зовут Арчи.

—Записал Джозеф Хафф-Хэннон
Перевод Светланы Солодовник

ОЛЬГЕРТА И ЛИЗА

«У меня седая голова, а я себя чувствовала пятнадцатилетним мальчишкой»

Ольгерта и Лиза познакомились пять лет назад в московском Архиве лесбиянок и геев. Архив был создан в начале 1990-х годов и представляет собой коллекцию из нескольких тысяч материалов, посвященных истории ЛГБТ-движения в Советском Союзе и России. Ольгерта почти пятнадцать лет назад основала радикально-феминистский журнал «Остров», который выходит раз в три месяца тиражом 200 экземпляров. В архиве она частый гость. Лиза приехала в Россию из Европы 30 лет назад и работала переводчиком и преподавателем. В архив она пришла по приглашению друзей, чтобы «поговорить о книгах»; за некоторое время до этого она пережила тяжелый разрыв после длительных отношений.

ЛИЗА

Мне сказали, что все приходящие приносят с собой какое-нибудь угощение — вот и я пришла с гостинцем, прошла на кухню и первое, что я увидела, — это были ее руки. Меня пронзило. Я смотрела, как они держат чашку, и думала: «Попасть бы в такие руки!». Пронзило до мурашек.

ОЛЬГЕРТА

Мне тогда было почти 50 — солидная дама. Я жила в паре с женщиной уже семь с половиной лет и мне казалось, что все нормально. В тот вечер я сидела на кухне и пила чай. И, как всегда, когда я пью чай, я переминала кружку в руках. Тут заходит знакомая девушка и приводит с собой рыжеволосую женщину.

На меня произвело большое впечатление, как хорошо Лиза знает русский язык. Между нами завязался разговор, и я поняла, что она, кроме того, интересный человек. Не часто встречаешь таких самодостаточных женщин. А у меня в то время была знакомая, которая

страдала от одиночества и просила меня найти ей подругу. И Лиза мне показалась подходящей кандидатурой.

ЛИЗА

В ходе вечера выяснилось, что Ольгерта живет недалеко от меня. Она вызвалась меня проводить, что было очень приятно, потому что не хотелось проделывать всю эту длинную дорогу домой от архива в одиночку.

ОЛЬГЕРТА

Мы обе жили в Подмосковье, примерно на одной железнодорожной ветке, поэтому до вокзала мы шли вместе. Мы сели в одну электричку, проехали вместе полчаса, а потом я вышла и пересела на свою электричку.

ЛИЗА

Я в то время была одна. Мои предыдущие отношения закончились очень неприятно, я потеряла почти всех друзей — а многих я потеряла, еще пока отношения продолжались. После разрыва я ходила в самые разные места, но все это было неинтересно. А когда меня пригласили в архив, я была рада, потому что наконец могла вернуться в общество, что-то почитать и поговорить о книгах. Но о новых отношениях я совсем не думала.

ОЛЬГЕРТА

Я действительно хотела сосватать Лизу своей подруге, но почему-то никак не получалось устроить им встречу, и получалось, что я сватаю подругу, а на свидания хожу сама. С ней было весело. Я увлеклась, и в какой-то момент даже начала писать ей письма каждый день.

ЛИЗА

Она угадывала в этих письмах все мои интересы и настроения. Они приводили меня в полное изумление. Мне нравилось читать их первым делом, приходя на работу.

ОЛЬГЕРТА

Я окончательно запуталась в своих отношениях. Я не могла уйти от той женщины, с которой я жила, потому что она действительно ни в чем не была виновата. Мы жили в моей квартире. У нас были определенные обязательства друг перед другом, и я не могла просто ее выгнать. А самой мне уйти было некуда. У меня седая голова, но

я была в таком смятении, что чувствовала себя пятнадцатилетним мальчишкой.

Приближалось Рождество, и я очень хотела сделать Лизе подарок. Я оббегала пол-Москвы в поисках нефрита, потому что у нее глаза совершенно нефритового цвета. Я нашла бусы. 25-го декабря приехала в архив, чтобы ей их вручить. И когда я вошла, то увидела, что какие-то другие женщины уже ухаживают за Лизой. Я почувствовала, что все рушится.

ЛИЗА

Это было настоящее кино. Я сидела на диване и с кем-то разговаривала, кто-то принес мне кусок торта и чашку чая, и Ольгерта очень рассердилась из-за того, что ее кто-то опередил. Я заметила это краем глаза, но не поняла, что происходит.

ОЛЬГЕРТА

Тем временем мы с моей подругой решили устроить у себя дома вечеринку: посидеть с друзьями, поиграть на гитаре, попеть. И мне было важно, чтобы Лиза пришла, потому что я затевала весь этот предновогодний вечер ради того, чтобы она посмотрела, как я живу, и чтобы побыть с ней. Но Лиза мне написала, что она в этот день будет заседать в жюри на каком-то кинофестивале и освободится поздно.

Я очень расстроилась, вечеринка потеряла для меня всякий смысл. Я написала Лизе в ответ, что наше общение следует прекратить. Это письмо я отправила в пятницу вечером, а друзей мы пригласили на воскресенье. Я знала, что почта она проверяет только на работе, и в пятницу уже не успеет получить письмо. Поэтому я уже ничего не ждала.

ЛИЗА

А в субботу я пошла с подружками в парк Горького кататься на коньках. После этого мы засиделись в кафе и я опоздала на электричку. С момента моего разрыва прошел год, и у меня наконец появились новые друзья. В результате я осталась в гостях у подруги. Она принялась украшать квартиру к Новому году: расставляла во всех комнатах маленькие елочки. Но я так устала после катка, что не принимала участия в веселье. Вместо этого я решила проверить почту. Я надеялась на письмо от Ольгерты, потому что знала, что письма, которые я получала в понедельник утром, она должна была писать вечером в пятницу. И тут я читаю письмо, где она пишет, что она расстроена, потому что вечер без меня потерял для нее смысл, и в таком случае наше общение лучше прекратить.

Я была совершенно ошарашена. Я не знала, что так много для нее значу. Я жить не могла без ее писем. От них я чувствовала себя как семечко, которое поливают, я чувствовала, что расту и потихоньку начинаю расцветать. Невозможно было даже представить себе, что я могу это потерять.

Я позвонила Ольгерте и сказала, что постараюсь приехать. На следующий день после работы в жюри я убежала. Мне было неудобно прийти с пустыми руками, но мне как члену жюри подарили красивую розу. И я подумала, что за неимением лучшего, это тоже хороший подарок. Это была роза необычного цвета, на длинном стебле. А было 28 декабря, на улице -10, поэтому я спрятала цветок под пальто. Так я и поехала: не нагибаясь и никуда не садясь, чтобы не поломать стебель. Но дальше вставала другая проблема: кому подарить эту розу? Я понимала, что должна подарить ее другой хозяйке, так как, если я подарю ее Ольгерте, выйдет неловкость.

ОЛЬГЕРТА

На вечеринке стало ясно, что мы не можем больше расстаться. Я провозжала ее до электрички и взяла за руку, когда надо было переходить через дорогу. В тот вечер мы впервые поцеловались, в щеку.

Новый год мы встречали врозь. У нас с женой были куплены билеты в Италию. Мы провели ночь в аэропорту. Когда мы взлетали, Маша все-таки спросила: «Что с тобой?». Вместо ответа я расплакалась. И она тоже.

Мы путешествовали по Италии неделю. Она поняла, что это сильнее меня. Но было очень тяжело. 10-го января мы вернулись в Москву, и Маша уехала ночевать к своей подруге. Я позвонила Лизе и спросила, не хочет ли она приехать. С тех пор мы вместе.

ЛИЗА

И уже пять лет 10-го числа каждого месяца она задает мне один и тот же вопрос: «Не хочешь приехать?».

ОЛЬГЕРТА

И уже пять лет каждый месяц 28-го числа я получаю розу.

—Записала Маша Чарная

АНТОН И ГЕОРГИЙ

«Мы не врем. Мы просто чуть-чуть не договариваем»

Антон и Георгий познакомились в Москве в 1995 году. Антон только закончил университет по специальности «экономика и финансы» и устроился на свою первую работу в торговую компанию. Георгий работал в этой же компании завскладом. За десять лет до этого он приехал в Москву учиться из Батуми. Сегодня Антону 41 год и он работает финансовым менеджером в строительной компании. А Георгий руководит отделом логистики в торговой компании; ему 42. Три года назад у них родились близнецы — два мальчика.

АНТОН

Меня привел в эту компанию мой знакомый. Георгий попал туда тоже по рекомендации чуть раньше. Мне приходилось с ним сталкиваться по работе. Ребята кавказского типажа никогда не были в моем вкусе, но Георгий мне показался интересным. Правда, сам он на меня не обратил никакого внимания.

ГЕОРГИЙ

Я старался на работе вести себя осторожно. У меня в подчинении были сотни людей, а это не тот случай, когда можно проявлять чувства.

АНТОН

Знакомый рассказал мне, что Георгию тоже нравятся мужчины. И я начал гадать, как к нему подойти. Выбрал момент, когда он остался один, подошел и спросил, не хочет ли он сходить со мной в клуб. Он сказал: «Нет, не хочу». На этом наше первое знакомство закончилось.

ГЕОРГИЙ

Его ко мне все время присылали из другого отдела. Я понял и почувствовал, что он из «темы», раньше, чем он это понял про меня. Мне Антон очень понравился: как он разговаривает, как выглядит, и то,

как он наивно подошел со своим приглашением на дискотеку. Но я не принял приглашение, потому что на тот момент встречался с другим парнем.

АНТОН

Как-то раз я собирался с работы домой, и он подошел ко мне и предложил пойти вместе. Жили мы недалеко друг от друга. У нас завязался разговор. Так мы начали ездить домой вместе. Однажды мы ехали в метро и во всем составе отключили свет. В этот момент я почувствовал, что он меня слегка обнял и прижал к себе. После этого мы постепенно начали встречаться. Мои чувства укреплялись. Но Георгию было сложно уйти от своего парня. Он сильно за него переживал.

ГЕОРГИЙ

Потом я все-таки ушел и мы с Антоном начали жить вместе. Мне казалось, что я очень плохо поступаю. Но к моему прежнему парню я уже ничего не испытывал — осталось только чувство долга. К Антону же я испытывал настоящие чувства.

АНТОН

Одно время мы ходили в клуб на дискотеку. А денег на выпивку у нас не было. Поэтому мы заранее покупали выпивку в магазине, прятали ее и интеллигентно выходили из клуба на улицу, чтобы выпить. Самое интересное общение происходило именно на улице. Однажды мы разговорились там с девушками, и одна из них — Наташа — попросила меня прийти к ее родителям и сказать, что я ее молодой человек. Тогда я попросил ее сделать то же самое с моими родителями. После этого мои родители стали думать, что я с Наташей живу.

Бывали случаи, когда родители вдруг звонили и говорили, что заедут в гости. Тогда нам с Георгием приходилось срочно вызывать Наташу. Она прибегала и мы разбрасывали ее одежду по квартире. А когда родители приходили, мы встречали их втроем. Георгий был другом, который просто зашел в гости.

ГЕОРГИЙ

Мои родители тоже ничего не знали. У папы произошел инсульт, и всем было не до этого. Восемь лет все силы и время уходили на его реабилитацию. Им было просто не до моей личной жизни. Папа скончался в 2005 году. С мамой я разговариваю каждые два дня, езжу домой в Грузию раз в год. Но за последние 15-17 лет мама в первый раз приехала в Москву в прошлом году. Я не затрагиваю с ней эту тему. Периодически я говорю, что у меня есть девушка. Родные очень

настаивают на том, чтобы я женился, предлагают познакомить с подругами друзей и родственников. Они, конечно, очень переживают. Но я ни при каких обстоятельствах не расскажу маме о том, как живу. Я так решил. Я знаю, что это будет для нее ударом.

АНТОН

Мы просто бережем наших родителей. У меня очень тесная связь с ними, но я им никогда не говорил про свою сексуальную ориентацию. Мои родители очень меня любят, и я знаю, что они простят и поймут. Но они будут очень переживать и винить себя: я не смогу им объяснить, что дело не в воспитании. Пусть лучше это будет причиной мне неприятности, и грех вранья я возьму на себя, но зато они будут в неведении и хорошо себя чувствовать.

ГЕОРГИЙ

Мы не врем. Мы просто чуть-чуть не договариваем. Когда-то мы очень переживали об этом, а потом перестали.

АНТОН

Мы долго так жили, играя в эту игру, пока Наташа не предложила мне пожениться. И я согласился. Мы познакомили наших родителей, все прошло очень хорошо — и у нее, и у меня родители очень тактичные, никаких лишних вопросов не задавали. Когда мы решили расписаться, родители сначала попросили нас посидеть узким кругом, чтобы отметить свадьбу. А потом они попросили пригласить бабушку, дедушку, тетю, дядю и так далее. Кончилось тем, что мы ехали в ресторан в пяти машинах. Георгий был нашим свидетелем. Те наши друзья, которые знали правду, подходили к нам с Георгием, дарили деньги и поздравляли, как будто это была наша с ним свадьба.

ГЕОРГИЙ

Друзья невесты тоже все понимали. Не знали только родственники.

АНТОН

Но когда мы начали думать о детях, Наташа сказала, что она пока не готова к этому. На этой ноте мы решили развестись. Были еще некоторые юридические причины: мы с Георгием хотели покупать квартиру и брать кредит. Так было проще.

ГЕОРГИЙ

Наташа остается для нас очень близким человеком и по сей день. Мы все остались в хороших отношениях.

АНТОН

Спустя какое-то время у нас снова зашел разговор о детях. На тот момент мы были вместе уже 13 лет и решили, что созрели для отцовства. На сайте Gay.ru мы нашли объявление девушки, которая хотела познакомиться с мужчинами, чтобы завести детей. Мы начали переписываться, а потом встретились. Она оказалась очень интересным человеком — писала стихи.

ГЕОРГИЙ

Она объяснила, что очень хочет детей, что любит их и чувствует себя готовой к материнству. Она хотела полноценную семью, чтобы у ребенка был отец.

АНТОН

В какой-то момент, когда потребовалось принять решение, я немного испугался, хотел дать задний ход. А потом мы встретились еще раз. Она бросилась к нам на шею и сказала: «Не надо сомневаться. Других пап нам не нужно».

Мы продолжили общаться, проводить вместе время и сближаться. В результате чего она однажды позвонила и сказала: «У меня будет двойня». Мы были безумно рады.

Вскоре у нас родились два мальчика.

Но потом выяснилось, что у одного из них инвалидность. Врачи поставили диагноз «ахондроплазия». На какой-то период меня это сильно подорвало. У меня опустились руки. Я впал в депрессию. Для их мамы это тоже было тяжело.

ГЕОРГИЙ

Первые три месяца мы были почти все время с ними. Как только заканчивалась работа, мы ехали к ним. Я их купал. Потом мы по очереди их заворачивали, и только когда они засыпали, мы уходили домой. Сейчас им три с половиной года. Они замечательные.

АНТОН

Они ходят в детский сад, и поэтому на неделе живут со своей мамой. Из садика их часто забирает моя мама. Мы их видим после работы, когда приезжаем к ним домой, ужинаем вместе и укладываем спать. Всю субботу они проводят у нас дома.

Мои родители считают, что я встречался с этой девушкой, и в результате появились дети. Но они знают, что я с ней не живу, а живу с Георгием. Мне кажется, что сейчас они уже о чем-то догадываются, но не спрашивают. Получается что-то вроде: «не спрашивай, не говори».

ГЕОРГИЙ

Мне кажется, что мы так воспитаем наших детей, что им не будет сложно понять, как устроена наша семья. Они уже очень умные. И мы сделаем все, чтобы они были свободными, нормальными ребятами. Но пока я не хочу об этом думать, потому что у ребенка серьезная проблема и ему предстоит целая серия тяжелых операций. Он потрясающий мальчик. Яркий, артистичный, остроумный. Самая большая проблема для нас — это его здоровье.

АНТОН

Если бы этой проблемы не было, мы были бы самыми счастливыми людьми на свете.

ГЕОРГИЙ

Сейчас, может быть, еще рано говорить об этом, но я очень часто мечтаю о девочке — еду в машине и представляю, как было бы здорово, если бы у них была сестренка. Я был бы просто счастлив.

АНТОН

За все 18 лет, что мы вместе, у нас не было ни одной серьезной ссоры. Бывало раньше, что мы могли повздорить, и я выбегал из дома на улицу. Тогда Георгий сразу выбегал вслед за мной и отыскивал меня. Но у меня никогда не было даже мысли, что он может не побежать за мной или что я захочу действительно куда-то убежать от него.

Меня всегда поражало, насколько Георгий великодушный человек. Как красиво и широко он видит мир.

ГЕОРГИЙ

Наверное, это и есть настоящие чувства. Мы с самого начала поняли, что подошли друг другу. Думаю, именно благодаря этому наши чувства по-прежнему так же сильны. Иногда мы даже стесняемся говорить о том, сколько лет мы вместе.

—Записала Маша Чарная

АЛЕНА И ОЛЬГА

*«Медсестра посмотрела по сторонам и поняла,
что отец здесь я»*

Свою историю Алена и Ольга решили рассказать в честь восьмилетия совместной жизни. Они познакомились в Екатеринбурге, где живут и по сей день, когда Ольге было 21, а Алене — 23 года. Обе тогда заканчивали учиться. Алена по специальности «инженер по качеству», а Ольга училась на факультете связей с общественностью. Сегодня они развивают совместный бизнес — интернет-магазин детских игрушек. Вдобавок к этому Оля руководит отделом рекламы в сети фитнес-центров. А два года назад у них родился сын.

АЛЕНА

Мы познакомились в интернете на сайте Lesbi.ru. Тогда еще не было ни ВКонтакте, ни Одноклассников. Там не было наших фотографий, но других способов знакомиться тогда не было. Я несколько раз предлагала Оле встретиться, даже втроем, но она все время отказывалась.

ОЛЬГА

Я в то время была в увядающих отношениях с девушкой, с которой мы встречались около трех лет. Мы с Аленой всего несколько раз обменялись сообщениями. А потом мои отношения стали совсем грустными. И я подумала: а не написать ли мне той прекрасной незнакомке?

Мы запланировали встречу возле одного популярного кафе. Я приехала раньше назначенного времени. Подошла к кафе и увидела девушку-буч низкого роста. В одной руке у нее была сигарета, в другой — бутылка пива. Я подошла, и она сказала: «Здрóво. Сейчас мы одну мою знакомую проводим». Я была в шоке, но согласилась. Когда мы провожали ее знакомую до метро, я судорожно думала, как сбежать с этого страшного свидания. Потом мы решили вернуться назад к кафе.

АЛЕНА

В это время я подхожу к кафе и вижу, как на встречу мне идут две девушки. Та, которая буч, была моей знакомой, а вторую я видела впервые, но сразу поняла, что это Оля, с которой я пришла встретиться.

ОЛЬГА

Я прекрасно помню Аленины глаза и улыбку в этот момент. Она посмотрела сначала на меня, потом на нее. Девушка с пивом тоже поняла, что произошла ошибка, и засмеялась. Я вздохнула с огромным облегчением — поняла, что сбегать мне никуда не придется.

АЛЕНА

Как выяснилось, та девушка тоже кого-то ждала, но мы не стали выяснять подробности. Пошли в кафе, посидели там немного и разошлись.

ОЛЬГА

И стали встречаться практически каждый день под разными предложениями. Обменивались книгами, фильмами. Однажды я пригласила Алёну в кафе и там произошла романтическая сцена: она впервые ко мне прикоснулась. Я была в утепленных брюках, и Алёна дотронулась до моего бедра.

АЛЕНА

У меня были точно такие же брюки, только из другой ткани. И я захотела попробовать ткань на ощупь. Но это, конечно, был предлог.

ОЛЬГА

Через пару недель у меня произошел окончательный разрыв с моей девушкой. В этот же день я позвонила Алёне и предложила ей приехать. Она приехала. И с тех пор мы стали вместе жить.

Три года мы прожили без разногласий, пока Алёна не влюбилась в другого человека. Это было для меня большим ударом. От переживаний я ослепла на один глаз. Видимо, не хотела этого всего видеть.

АЛЕНА

Я просто влюбилась и улетела. Но наши отношения продлились недолго. Мои чувства довольно быстро прошли. Я чувствовала себя очень виноватой перед Ольгой.

ОЛЬГА

Алёна приехала за мной на работу, и мы поговорили, сидя в машине. Но точных деталей примирения я не помню. Это было пять лет назад.

Пару лет спустя, когда меня повысили на работе, мы начали говорить о детях. Мы подумали, что по старшинству мамой должна быть Алена. В клинике никто особо не интересовался, кем мы друг другу приходимся. К эмбриологу мы пошли вдвоем. Пришла чудесная тетенька с ежедневником. Никаких анкет или вопросов. Она на нас посмотрела и сказала: «Наверное, надо, чтобы ребеночек походил на вас обеих. У меня есть такой симпатичный! Вам точно подойдет». И осенью этого же года у нас была первая попытка искусственной инсеминации спермой донора, которая увенчалась успехом.

АЛЕНА

Мы не рассматривали вариант с отцом, потому что не хотели, чтобы в нашей жизни был приходящий человек. До беременности у меня было много страха по поводу ответственности. Но когда я уже забеременела, то он прошел. Я сразу знала, что у нас будет мальчик. Мне приснился сон, где я дотрагиваюсь до живота и чувствую там малыша, а потом вижу, как он взрослеет, и ему уже годик, а потом — последний образ, где он уже взрослый сын, студент.

ОЛЬГА

Вся беременность была на мне. Я вела дневники, фотографировала живот. На все УЗИ мы ходили вместе. Мы решили, что хотим совместные роды, и пошли на курсы обучения для пар в Институт охраны материнства и младенчества. Мы были единственной парой из двух девочек. Никто нам не задавал никаких вопросов. Если бы не Аленин живот, никто бы и не понял, кто из нас беременная.

АЛЕНА

По поводу медицинских аспектов я не волновалась вообще, потому что знала, что Оля обо всем позаботится, и я была всегда абсолютно спокойна. Мои родители нас тоже очень поддерживали. Мама вязала детскую одежду.

ОЛЬГА

Когда пришло время рожать, мы привезли Алену в больницу. К ней в палату зашла врач и попросила меня выйти.

АЛЕНА

У меня отошли воды, и у врача началась паника, она начала кричать: «Ручка выпала». Я очень испугалась. Было очень больно. Потом выяснилось, что это выпала пуповина. Меня срочно повезли на операционный стол.

ОЛЬГА

Я слышала все эти крики. Мне было безумно страшно. Я видела, как врачи несколько раз ввозили в палату аппарат КТГ (*кардиотокография* — прим. ред.) и понимала, что происходит что-то не то. Потом Алену вывезли на каталке из палаты и провезли мимо меня. Мы обе плакали.

АЛЕНА

Я очень обрадовалась, когда увидела Олю. Я сначала испугалась, не могла понять, куда она делась. Мне стало легче от того, что она знает, куда меня везут.

ОЛЬГА

Я села у дверей операционной. А через десять минут раздался крик новорожденного. Когда я зашла, он лежал на столике и медсестра его обрабатывала. Я достала телефон и начала снимать видео. Она завернула его и дала мне в руки. И минут пять, когда все ушли, я была с ним вдвоем. Этого никогда не забыть. Я хорошо помню его глаза и как он плакал. Я целовала его, рассказывала, как мы его ждали и как любим.

Потом его у меня забрали, и мне надо было уходить. Я оставила Алене телефон с видео и сообщение, чтобы она его посмотрела, как проснется. Я вышла из больницы в совершенно невменяемом состоянии: не знала куда идти. Позвонила Алениной маме, а потом просто бродила по городу.

АЛЕНА

Я пришла в себя где-то через пару часов. Сначала ничего не понимала, а потом врачи сказали мне, что с ребенком все хорошо, и дали мне мой телефон. Я посмотрела это видео раз пятьсот. Сына мы называли Георгий.

ОЛЬГА

Потом Алену и Гошу перевели в отдельную палату на первом этаже. И на протяжении следующих дней я приходила к их окну и Алена мне показывала его через стекло. На шестой день их выписали. Я приехала за ними с подарками и тортами для всех врачей. Вышла медсестра, посмотрела по сторонам и поняла, что отец здесь я, и вручила мне ребенка. Мы сели в машину и поехали домой.

АЛЕНА

Мы никогда не сталкивались с гомофобией или какими-то неловкими вопросами. Наш бизнес находится у нас дома. И все приходят к нам

в гости и видят, что у нас одна кровать. Все всё знают. В садике воспитательницы тоже все понимают.

ОЛЬГА

На моей работе абсолютно все знают, как я живу. С родителями сложнее. Они в разводе. С мамой мы редко общаемся. В первый раз она увидела Гошу, когда ему было два года. А с папой я не общалась около десяти лет, пока он не узнал, что я живу с женщиной и у нас есть ребенок. Для него это было большое потрясение, потому что он консерватор. Но как ни странно, он очень захотел поучаствовать в нашей жизни и поддержать. И с тех пор мы стали общаться.

АЛЕНА

Теперь мы думаем о втором ребенке. На этот раз рожать будет Оля. Но я опять очень волнуюсь. Наша квартира слишком маленькая для четырех человек. Надо будет что-то решать до рождения ребенка, брать ипотеку.

ОЛЬГА

У меня уже было две попытки инсеминации. Пока без результата. Но я сразу сказала, что не буду делать перерывов. Мы очень настроены идти дальше и хотим троих детей. Мы оптимисты и верим, что все будет хорошо.

—Записала Маша Чарная

ОЛЬГА КУРАЧЕВА

«Мы расстались, и я почувствовала, как уходит страх»

Мы с Галией познакомились в мае 2010 года. В июле стали жить вместе. А в августе сыграли свадьбу на Казантипе.

На фестивале «Казантип», который проходит каждое лето в Крыму, иногда проводят свадьбы. В афишах, расклеенных на территории фестиваля, указывают, что в такой-то день для всех желающих будет проводиться свадьба в таком-то стиле. Надо прийти заранее и записаться. Ограничений нет, никаких документов предъявлять не надо, достаточно просто назвать настоящие или вымышленные имена. Во время регистрации брачующихся объявляют супругами, просят поцеловаться и выдают шуточные казантипские свидетельства.

В каком-то смысле это была, конечно, игрушечная свадьба. Но так как возможности пойти в загс у нас не было, для нас это было вполне настоящее торжественное событие.

Однажды, еще до свадьбы, и даже до того, как мы начали жить вместе, глядя на Галию пристальным влюбленным взглядом, я внезапно для себя самой подумала, что хочу от нее детей. Ничего ей об этом не сказала и шарахнулась сама от этой своей мысли, которая тогда показалась совершенно нелепой. Понятно, что две девочки, как бы они ни старались, не могут зачать ребенка без посторонней помощи. О банке спермы, дружеском донорстве, удочерениях и усыновлениях я тогда вообще не думала. Это были мои вторые гомосексуальные отношения. Первый гомосексуальный опыт был страшной тайной, о которой знали только самые близкие друзья, но про отношения с Галией сразу было понятно, что все совсем всерьез.

Я, кстати, искренне рада, что мы встретились, когда нам было по 23 года, а не по 13, например. У меня было несколько стадий преодоления внутренней гомофобии, и на это ушли месяцы. Сначала я рассказывала о своей новой семье только близким друзьям, потом разным случайным знакомым, потом, наконец, рассказала родителям, потом начала писать об этом в соцсетях и стала ЛГБТ-активисткой.

Неизвестно, как я справлялась бы с этим в подростковом возрасте. У Галии, кстати, отношения с девушками начались именно в подростковом возрасте, но, только встретившись со мной, она рассказала маме правду о себе, обо мне и о том, кем на самом деле были все эти «подруги».

В какой-то момент мы начали говорить о детях. Планировали по меньшей мере троих — родить каждой по одному и взять ребенка из детского дома. Поначалу мы не представляли себе, как растить детей в гомофобном государстве, и время от времени заводи́ли разговоры о переезде в какую-нибудь уютную цивилизованную страну. Но думать об этом было горько. Я все время спрашивала себя: почему мы должны уезжать только из-за того, что правительство тупое?

Когда после думских выборов 2011 года начались массовые протесты, появилась надежда. Совершив публичный камин-аут, мы сразу же почувствовали себя в безопасности. И летом 2012 года я говорила, что мне не страшно рожать даже в этой фашистской стране. Потому что мы живем в прекрасном огромном гей-френдли пузыре, и он нас, конечно, защитит.

На рубеже 2012/2013 годов это бесстрашие стало улетучиваться. Закон о запрете «пропаганды гомосексуализма» уже привел к жутким последствиям: в разных городах России при разных обстоятельствах происходят нападения на бисексуалок и бисексуалов, лесбиянок, геев, трансгендеров, гендерквиров — вообще, всех, чья ориентация или гендерная идентичность не вписывается в условные стандарты. Инициатива внести в Семейный кодекс поправки о лишении родительских прав всех, кто, как говорят депутаты, «исповедует нетрадиционную сексуальную ориентацию», настолько чудовищна, что страшно даже думать о возможных последствиях.

Летом 2013 года я оказалась в плену у сильнейшего страха. Меня трясло. Меня охватила паника. Я не понимала, что делать. Собрать чемоданы и оформлять визы? Остаться в России и бороться? А как же дети, когда и где?

Мы, кстати, сказали одному нашему другу, что хотим от него ребенка. Он даже согласился. Это еще не было окончательным решением, но мы уже начали обсуждать, как будем вдвоем растить малыша. А всего год спустя я поняла, что совершенно не готова думать о зачатии ребенка в нынешней России.

Я говорила об этом с друзьями, и они спрашивали: «Оля, ну неужели ты думаешь, что могут прийти к двум женщинам, которые даже не зарегистрированы как семья, а просто живут вместе, и отнять детей?». А я отвечала: «Неужели год назад мы с вами могли

предположить, что люди год будут сидеть в СИЗО только потому, что так же, как и мы с вами, пришли 6 мая на Болотную площадь?».

В июле 2013 мы с Галией внезапно расстались. Сначала это совершенно не укладывалось в голове. Я была в адской растерянности. И в это же время неожиданно для себя самой я почувствовала, как уходит страх. Мне не надо больше в данный момент моей жизни думать о проблеме появления детей в однополый семье в этой фашистской реальности. Мне больно об этом писать, говорить и даже думать, но тогда я действительно вздохнула с облегчением.

Я по-прежнему ужасно переживаю за все российские однополые семьи с детьми. Мне очень страшно за ЛГБТ-подростков. Но беспокоиться о других и трястись от страха за собственную семью — это совсем не одно и то же.

Сейчас мы с Галией, кстати, отлично общаемся и, как оказалось, прекрасные друзья. Поддерживаем друг друга и советуемся по самым разным вопросам. Ни о чем не жалею и знаю, что все к лучшему.

Я квир. Я влюбляюсь в душу, и мне совершенно все равно, какая у человека гендерная идентичность.

Я по-прежнему хочу троих детей. Не знаю, в какой семье они появятся — в гомосексуальной или в гетеросексуальной или, может быть, я буду их воспитывать одна. Но при этом я понимаю, что если у меня будет муж, нашей семье ничто не будет угрожать. Одной, возможно, будет тяжело, но все же не страшно. А если у меня будет жена, я опять окажусь в этом жутком уязвимом положении. И тогда, видимо, чемодан — вокзал — переезд.

АЛЛА ГОРИК

«Я часто спрашиваю, как ей ее новая подруга, неужели лучше меня?»

У 27-летней Аллы Горик короткие светлые волосы, привычка рубить с плеча и вечная ироническая усмешка на губах. Мы познакомились на одной из встреч, которые периодически устраивает Rusa LGBT — ассоциация русских и русскоговорящих представителей секс-меньшинств — для неформального общения или, в зависимости от обстоятельств, для подготовки пикетов у российского посольства. Алла в первый раз была на такой встрече и пришла в восторг от того, как много в Нью-Йорке русских геев и лесбиянок.

Я перебралась в Нью-Йорк в мае 2012 года, но уже была здесь однажды, в 2009 без наращения. Я из Хабаровска, города на Дальнем Востоке. Прожила там целую вечность, и мне все надоело. В наших краях, если тебе 25 и у тебя нет ни мужа, ни детей, все считают тебя старой девой. Когда я решила, что пора уезжать, мы жили вместе с Ирой, но она не захотела ехать. Мы обе подавали на американскую визу — мне давали, а ей нет. Так было уже трижды. Теперь я тут, она там, и все пытается уговорить меня вернуться, но я не готова.

Мы были вместе два года, а теперь я не знаю, кто мы и что мы. Вроде бы мы вместе, но одновременно врозь, я продолжаю настаивать, чтобы она ехала сюда, но она этого не делает. Правда, теперь она наконец-то получила хотя бы паспорт, так что, может быть, мы чуть-чуть приблизились друг к другу. Но, думаю, она приедет, только если я вернусь и заберу ее оттуда — она такая, ей нужно, чтобы ее кто-то подталкивал.

Мы познакомились на дне рождения. Тогда еще я была тихоней, мало где бывала, сидела в основном дома, за компьютером. На вечеринке Ира подошла ко мне, такая уверенная в себе, настоящий боец, положила ноги мне на колени и заставила остаться у нее ночевать. Но

потом все изменилось: когда мы съехались, именно я стала тем человеком, который принимал решения.

Мы с ней купили двух котов, гладкошерстных. Для Иры они были как дети. У нас была своя квартира, но теперь Ира живет с моей мамой и котами. Мама у меня клевая, она говорит: «Если тебе хорошо, то и нам хорошо». Когда мне исполнилось 23, мама потребовала от меня ответа, не лесбиянка ли я. Вместо ответа я дня через три привела домой Иру. Мама иногда подшучивала над нами, что мы встретились в тюрьме, особенно после того, как я сделала себе татуировку. Я, кстати, никогда не была в тюрьме. А с мамой мне повезло — двух моих коллег в России выгнали с работы, когда пошли слухи, что они гомосексуалы, и от одной из них мать после этого отреклась.

Здесь в Нью-Йорке я работаю в службе технической поддержки веб-компании, компания принадлежит русским. Я здесь уже чуть больше года. На работе у нас полно русских, но никто из них не знает, что я лесбиянка. Все они приехали сюда еще в советские времена, и взгляды у них соответствующие. Иногда мне хочется сказать им, кто я, только чтобы их позлить.

У меня здесь была другая подруга, но недолго, всего три месяца. А с Ирой я по-прежнему разговариваю почти каждый день, поэтому давайте я расскажу вам о ней. Она стройная, это самое главное. Любит компьютерные игры, просто как настоящий маньяк. Еще она любит автомобили: берет старую классическую машину и реставрирует ее. Вот только что купила себе вторую. Еще она стилист, стрижет мужчин. И обожает ходить в тренажерный зал, вечно посылает мне фотографии своего живота в кубиках. Я ей говорю: «Остановись, женщины не должны иметь такие мускулы».

Она была когда-то замужем, еще совсем девочкой, в 17 лет. Она жила в маленькой деревне и призналась парню, за которого выходила, что она лесбиянка, но он сказал, что ему наплевать. Но когда они уже жили вместе, у нее всегда кто-то был, девица какая-нибудь, и он страшно скандалил. А что скандалил — его же предупреждали, он все заранее знал.

Я часто спрашиваю, как ей ее новая подруга, неужели лучше меня? Но она не отвечает, просто продолжает разговор. Я через фразу ей говорю: «Почему ты все еще там? Приезжай сюда, мы будем вместе!». Она просит, чтобы я прекратила, говорит, что она обдумывает вопрос, но она уже два года его обдумывает! Когда я уезжала, она плакала и просила меня остаться и подождать, пока она снова подаст документы. Но я сказала ей: «Мне уже 26, сколько я еще могу ждать?».

Я попросила политического убежища, но мое дело еще в течение двух лет не будут рассматривать, потому что в Нью-Йорке огромная

очередь. Но если я получу политическое убежище, я поеду в Россию и попробую уговорить Иру приехать сюда, а может быть, поеду на Украину и встречу с ней там, если у меня не будет возможности въехать в Россию. Мой адвокат сказал, что сейчас самое время подавать документы, потому что в России все так плохо, и это дает шанс на более быстрое решение. Не знаю — мне кажется, в ближайшем будущем ситуация не улучшится.

Дома у меня остались хорошие друзья — семейная пара, две женщины с маленьким сыном. Они боятся, что мальчика отберут, поэтому не водят его в детский сад, опасаясь, что он расскажет воспитателям, что у него две мамы. Многие мои друзья, у кого есть возможность, переезжают в Санкт-Петербург — по крайней мере, это большой город, более культурный, чем Хабаровск.

Другого моего друга — парня, по которому видно, что он гей, — постоянно избивают. Когда я уезжала, у него вся физиономия была в швах. Он работал в телекоммуникационной компании и хотел попросить повышения, а его коллега претендовал на ту же позицию. Так вот, коллега сказал боссу, что мой приятель гей, и вместо повышения его попросили подать заявление об уходе.

Я спросила его, почему он не уезжает, почему не попросит политического убежища в Европе. А он говорит: «Не хочу учить язык». Это чисто русская манера — жаловаться и жаловаться без конца, но ничего не делать. Но это не про меня, я-то выбралась.

—Записал Джозеф Хафф-Хэннон
Перевод Светланы Солодовник

ГЛЕБ ЛАТНИК

*«Я мечтаю, чтобы была маленькая квартирка,
любимый человек и чтобы к нам приходили гости»*

Глеб Латник, 30 лет, переехал в Москву прошлым летом. Его пригласил к себе пожить соратник по ЛГБТ-акциям Алексей Давыдов, поскольку в родном городе оставаться было небезопасно. Вскоре Алексей скоропостижно скончался. За несколько дней до нашего разговора Глеб вернулся из трехнедельной поездки по США, организованной Госдепартаментом для российских ЛГБТ-активистов. Остаться в Америке, несмотря на уговоры друзей, он даже не попытался. Первое, что бросилось в глаза, когда мы встретились, — небольшой шрам на его не по возрасту юношеском лице. Это след от столкновения с хулиганами. К ремню его потрепанной сумки приколот радужный флажок, от него пахнет спиртным и несвежей одеждой. Это запах тяжелой жизни, наполненной в последние полгода одиночными пикетами, бегством от преследований, больницами, а в перерывах — поисками средств к существованию.

Я родом из Первоуральска — это маленький город, всего 125 тысяч человек, недалеко от Екатеринбурга. Там я и занимался ЛГБТ-активизмом. Когда 11 июня Госдума принимала закон о гей-пропаганде, я вышел на главную городскую площадь, развернул плакат «Я против закона подлецов-2» (Первым «законом подлецов» называют запрет на усыновление российских сирот американскими гражданами — прим. ред.), там было нарисовано радужное солнце. Кстати, в типографии отказались печатать мой плакат, сказали, что это экстремистский материал. Ну, я его сделал сам в итоге. Вышел на площадь и простоял около часа. Больше всего я привлек внимание журналистов, они даже мешали мне общаться с горожанами. Было человек пять, которые задавали вопросы, но по большей части люди шарахались.

В Первоуральске в тот день выступил хотя бы я один, в Екатеринбурге вообще никто не вышел. Но потом я расшевелил

местных ЛГБТ-активистов, говорю: «Какой смысл сидеть и обсуждать свои проблемы друг с другом?». И мы делали серию одиночных пикетов. Правда, никакого внимания и реакции СМИ не последовало. Тогда я понял, что нужно резонансное место. И мы его нашли, это международная промышленная выставка Иннопром. Мы готовились сделать перед входом кровавый перформанс. И я писал об этом на своих страницах в соцсетях. И вот тогда ко мне домой пришел человек, ему открыла мама, меня не было. Он назвался полицейским, но не показал документов и стал расспрашивать, где я и когда бываю дома. Несколько дней у нас под окнами дежурила машина, я не появлялся дома и ни с кем по телефону не договаривался о конкретных встречах, понимал, что могут прослушивать и поймать.

А потом я все же договорился с товарищем о встрече, пришел, и там меня задержали люди из Центра противодействия экстремизму, отвезли в отделение. Мы долго говорили, они показали, что знают обо мне даже то, чего я сам уже не помнил. И вежливо объясняли, что если государство ведет такую политику, то не нужно сопротивляться, иначе будут проблемы: и родственники отвернутся, и работу будет трудно найти.

Потом меня отпустили. И через несколько дней, 13 июля, мы провели акцию у входа на выставку. Это были одиночные пикеты с плакатом: «Гомофобная политика развязывает руки убийцам», и был нарисован человек с радужными слезами на лице. Как только мы развернули плакат, полиция попыталась задержать нас, но вовремя вмешались правозащитники, они там были с нами.

Люди, возившие меня в отделение, оказались правы: мама в итоге сказала, что хочет жить спокойно, и попросила меня уехать из дома. Брат перестал со мной разговаривать. Он и раньше знал, что я гей, это не было проблемой. Отношения испортились из-за моего активизма.

А через несколько дней после акции у меня резко заболела голова, начали неметь рука и вся левая половина тела. Я вызвал скорую — и правильно сделал: врач сказал, что это микроинсульт. Наверное, от нервного напряжения. Я пролежал в больнице несколько дней. Из больницы я ездил к подруге, у которой жил и держал свои вещи, и вот, возвращаясь вечером обратно, я наткнулся на двух парней. Они узнали меня — видели по телевизору, наверное. Они явно были пьяные, начали оскорблять меня, повалили на землю, ударили ногой по лицу, разбили очки. Мне удалось убежать от них, и еще две недели я пролежал в больнице. Знакомая журналистка сказала, что мной интересуются националисты. А это уже серьезнее, чем хулиганы. Мне как раз позвонил Алексей Давыдов, московский ЛГБТ-активист, с которым мы были знакомы по соцсетям. Он предложил мне пожить у него.

Так что когда я выписался из больницы, я сразу уехал из города и 27 августа приехал в Москву.

Втроем с Алексеем и еще одним его другом Романом, которого тоже выгнали из дома, мы снимали однокомнатную квартиру в Новогиреево. Алексей страдал почечной недостаточностью и сидел на диализе. Я работал, продавал сим-карты, Рома расшифровывал записи заседаний по Болотному делу, Леша был на пенсии, так что на жизнь нам хватало.

Мы делали этой осенью еще несколько акций. Когда обсуждался закон, по которому геев можно будет лишать родительских прав, мы стояли у Госдумы в медицинских халатах с плакатом «Психиатрическая помощь депутатам». 25 сентября проводили акцию у олимпийского комитета, требуя, чтобы в Олимпийской деревне в Сочи был организован прайд-хаус, как это бывает в других странах. Правда, на эту акцию я опоздал, а когда пришел, там уже были автозаки и всех задержали. После задержания всегда происходит одно и то же: нас привозят в отделение, оформляют административное правонарушение, держат несколько часов и отпускают.

Ровно через месяц, 27 сентября, у Леша началось резкое ухудшение, он пришел с диализа и потерял сознание. Мы отвезли его в больницу, и через три дня он скончался в реанимации. Судя по анализам, я думаю, его убили врачи, которые на самом деле не сделали гемодиализ. После смерти Леша мы не смогли продлить аренду квартиры в Новогиреево, пришлось съехать. Сейчас мы с подругой снимаем маленький однокомнатный дом в поселке Дроздово, это всего в 20 минутах от Москвы на электричке.

С Лешей и с Ромой у нас были чисто дружеские отношения. У меня никого нет. Три года назад у меня был роман с парнем, который до этого 12 лет прожил с женщиной. Я с самого начала понимал, что если люди были вместе столько лет, то разошлись они временно и рано или поздно помирятся. Это и произошло через шесть месяцев, Сергей вернулся к своему мужчине. С тех пор у меня не было ничего серьезного. В Москве очень просто найти секс, но я не понимаю секс с незнакомыми людьми; некоторые ходят по темным комнатам в клубах, но это не для меня. У меня есть много знакомых по соцсетям, но настоящих друзей только двое, они тоже с Урала.

Больше всего мне хотелось бы, чтобы у меня был партнер и чтобы я мог с ним идти по улице, взявшись за руки, и ничего не бояться. В Америке я понял, что проблема не в гомофобии, а в самих геях. Нужно работать не с населением, а с самим ЛГБТ-сообществом. Нужно, чтобы люди выходили из шкафа, чтобы было как можно больше открытых геев, иначе ничего не изменится.

Очень сложно найти работу. Я учился на повара, много лет работал в общепите и знаю всю кухню, от мытья посуды до управления учреждением. Но по специальности найти работу не получается. Видимо, в отделе кадров гуглят меня, видят, что я занимаюсь активизмом, и отказывают. В одном месте мне прямо сказали: вдруг вас задержит полиция и вы не сможете выйти на работу? Раньше я подрабатывал в фирме, которая торгует расходными материалами для принтеров, потом торговал сим-картами. Я получаю отказы по работе и уже начинаю думать, что, может, следовало бы послушать друзей, которые говорили, что надо уезжать. Но пока что, мне кажется, здесь еще не критически опасно, чтобы сбегать. Вот после Олимпиады может стать хуже. Уже поговаривают об уголовной ответственности за гей-пропаганду. Деньги подходят к концу, и я не очень понимаю, что делать дальше.

Если станет совсем плохо, если у моего дома будут собираться националисты или что-то еще такое, я могу уехать в Польшу. У меня папа поляк, и я могу подать на репатриацию. Это лучше, чем просить статус беженца в Америке. Тем более польская культура и язык мне ближе. В идеале я мечтаю открыть свое кафе. И чтобы над ним у меня была маленькая квартирка, мне не нужна большая. И чтобы у меня был партнер, любимый человек. Чтобы к нам приходили гости, и мы сидели, пили вино. Про детей я тоже думал, но что-то я не представляю пока себя отцом. Может быть, потому что я уже привык к мысли, что детей у меня не будет.

—Записал Карен Шаинян

АЛЕКСАНДР И МИХАИЛ

*«Это было именно то, во что не верил каждый из нас.
Это была любовь с первого взгляда»*

Александр, 38 лет, и Михаил, 30 лет, провели в США всего несколько месяцев, но надеются, что им никогда больше не придется возвращаться в Россию. Они попросили политического убежища, и теперь им предстоит долго ждать решения: дадут ли им вид на жительство или нет.

АЛЕКСАНДР

Мы познакомились на сайте знакомств 26 ноября 2010 года.

Михаил тогда честно признался, что он несвободен и не готов заводить новые отношения — и вообще что-либо серьезное. Для меня это тоже было просто знакомство чтобы провести время, пообщаться, без всяких серьезных планов. Я увидел его фото с его собаками. Я люблю собак, но не знал, что это за порода, — я задал вопрос, так и завязалась наша переписка. Я на тот момент работал в офисе, мне хватало переписки по работе, да и вообще я не люблю все эти долгие сообщения ни о чем, так что предложил ему встретиться.

На следующий день было холодно, шел снег. Мы договорились о времени, и вдруг, чуть ли не в последний момент, он мне заявляет, что не придет, но не объясняет, почему. После долгой переписки в течение всего дня мне удалось его убедить не отменять встречу. Уже потом выяснилось, что у него не было денег, а он, будучи очень независимым, не хотел чтобы за него кто-то платил, не хотел чувствовать себя обязанным. В конце концов мы встретились у метро «Тверская». Я сел к нему в машину, и сразу появилось ощущение, что мы знаем друг друга много лет. Не было никакой скованности, никакого дискомфорта, ничего такого, что обычно бывает при первой встрече двух только что познакомившихся людей. Мы поехали в ресторан недалеко от его работы. Там мы незаметно для себя просидели до закрытия заведения, потом поехали в круглосуточное кафе. За это время мы

успели узнать друг о друге все, никто ничего не скрывал, не приукрашивал. Время летело незаметно. Никто не хотел расставаться — ни в тот момент, ни потом, ни всю жизнь.

Расставаться мы не хотели, но все было не так просто, как бывает в сказках. У Миши не было своего жилья, у меня тоже. Я снимал маленькую комнату с соседом. У Миши были отношения. Нас обоих категорически не устраивала перспектива жить раздельно и обманывать его партнера, отношения с которым у Миши уже давно сошли на нет. Мы созвонились утром следующего дня и решили, что сегодня он переезжает ко мне. Я заехал за ним вечером, и с тех пор мы живем вместе, не расставаясь даже на день. Это и есть любовь, как мы ее понимаем.

На тот момент у меня уже был куплен билет в Вашингтон на 8 декабря, я собирался к другу. Конечно, Миша должен был ехать со мной, это даже не обсуждалось. Для нас обоих это была первая поездка в США. Кто знает — поймет, чего нам стоило в такие сроки получить ему визу, купить билет. Мой друг сказал, чтобы мы взяли с собой костюмы, так как нас ожидает особенное мероприятие. На следующий день после прилета мы пошли туда, куда ни один из нас и не предполагал попасть. Это была свадьба — одна из первых однополых свадеб в округе Колумбия.

Сказать, что это произвело на нас впечатление — значит ничего не сказать. Это было потрясюще. Один из парней был русским, а его супруг — из Техаса, такой типичный американец, здоровый, крепкий парень. Свадьба была как в кино — с лимузинами, клятвами, гостями и счастливыми родителями американского супруга, — пышная, с продолжением в Вашингтонском кафедральном соборе и ужином в одном из шикарных отелей города. Ни я, ни Миша никогда не были женаты. Как оказалось, это с детства было его мечтой, но он был уверен, что этого никогда не произойдет, потому что это невозможно в нашем обществе и с российскими законами. Увидеть, что такое событие в принципе возможно, было настоящим потрясением. Не меньшим потрясением оказалась реакция людей на это событие. Обычные прохожие улыбались, некоторые даже подходили поздравить молодоженов. Ни одного осуждающего, злобного взгляда или жеста. Люди вели себя именно так, как ведут себя люди, увидев влюбленных, вступающих в брак, — улыбались и радовались за них! Именно тогда Миша и спросил меня, соглашусь ли я быть его супругом. Я ответил согласием.

На следующий день, 10 декабря, мы пошли подавать заявление на бракосочетание. Его приняли, Миша в который раз удивлялся отсутствию какого-либо негатива со стороны окружающих. Для нас это было настолько необычно. Ближайшая из возможных дат была

17 декабря — никаких месяцев на ожидание, «чтобы проверить чувства». Так что 17 декабря мы празднуем годовщину нашей свадьбы. Друзья отговаривали нас со всех сторон, объясняя, что это нерационально, необдуманно и может нам даже навредить в будущем, но мы не послушались. Знаете, как иногда бывает: есть чувство, что это нужно сделать, и все. На медовый месяц мы поехали на неделю в Майами, на машине, туда и обратно — безумцы! Это была очень длинная дорога, а на обратном пути еще начался снегопад, настоящая метель. Приехали мы в Вашингтон, и тут Михаил получает известие, что он уволен. Мы до сих пор не знаем, кто из его коллег узнал, что он женился, может, тут сыграл свою роль Фейсбук, да это уже и неважно. Кто-то из его коллег каким-то образом узнал, что он женился. Михаил работал в отделе маркетинга на крупном телеканале. В полученном электронном письме ему коротко сообщали, что в его услугах больше не нуждаются, хотя у него в январе запускался новый объемный и дорогой проект.

Возвращение в Москву было ужасным. Выяснилось, что нам негде жить по некоторым причинам. У Миши не было работы. Мы в срочном порядке сняли квартиру и познакомились с замечательным человеком, который стал нашим соседом по квартире. Замечательный парень, которого любили все, кто его знал. Мы прожили вместе почти год — вплоть до его гибели, обстоятельства которой до сих пор неизвестны. Это было как вчера. Он поехал на выходных навестить родителей в небольшой провинциальный городок. В понедельник мы должны были идти в гости к его парню, с которым они собирались расписаться в Европе осенью. Но в воскресенье утром его нашли на дороге недалеко от его дома с проломленной головой. Что произошло — так до сих пор никто и не знает. Говорили, что он кому-то что-то рассказал про себя. Милиция не расследовала этот случай. Мы не смогли больше жить там, где все напоминало об этом прекрасном человеке; это было слишком тяжело.

В феврале 2011 года Миша начал собственный бизнес, дела у него шли отлично — вплоть до последних событий. В июле 2013 года деятельность организации, в которой я работал, была запрещена, таким образом я стал временно неработающим. Через некоторое время после этого мной заинтересовались сотрудники ФСБ: я был им интересен по роду своей предыдущей деятельности, и они хотели от меня вполне определенных услуг в будущем.

В то время когда я работал, проблемы такого рода решали сотрудники нашей службы безопасности. Теперь все оказалось намного сложнее. Меня пытались уговорить вернуться на старую работу и в то же время работать на них. Как можно понять, я занервничал. Неделей

позже они пришли к Мише, пытаюсь его запугать и повлиять на меня, демонстрируя свою полную осведомленность о нашей жизни, наших отношениях, о свадьбе. Потом они опять подкараулили меня, запугивали, описывали проблемы, которые могут возникнуть у нас обоих, если я не соглашусь занять другую должность и работать на них. Очень доходчиво объяснили, что благодаря «новым веяниям» и новым законам арестовать нас «вообще не проблема». Ну, а там уже и до суда недалеко, тем более, что «таких, как мы, вообще стоит расстреливать».

Кто же мог подумать, что они от слов перейдут к действиям. Через несколько дней после того разговора Михаила похитили. Его пугали, били, угрожали пистолетом. Они бросили его в парке. Это были не грабители — у Миши не забрали ни кошелька, ни телефон. Напавшие требовали от него одного: чтобы он уговорил меня сделать, что я должен сделать. Тогда мы и решили делать ноги так быстро, как только можно. Теперь мы в США и несмотря ни на что надеемся на лучшее.

Что касается нового закона «о запрете пропаганды», до последних событий нам казалось, что это просто абсурд. Он не работает. Он не может работать. Но, как очень доходчиво объяснил мне человек из ФСБ, они могут использовать его против нас. Ведь мы, как гей-пара, являемся ходячим нарушением закона и сами собой пропагандируем так называемые нетрадиционные отношения. Как ни странно, оказывается, что для нынешней власти и общества любить друг друга — это нетрадиционно. Единственное, чего хочет добиться и добивается власть этим антигейским законом — это настроить общество против геев и лесбиянок как социальной группы.

Но я не уверен, что он на что-то влияет в обычной жизни. Мы с мужем не активисты, мы не ходим на гей-парады. Не знаю, хорошо это или плохо, но это факт. Жизнь нам портит не столько этот закон, сколько другие вещи. Например: я пытался завести на Мишу дополнительную банковскую карточку, даже не кредитную карту, а дебетовую, с моего же счета, то есть мои деньги. Так мы имели с этим столько проблем! В банке непременно хотели знать, почему я собираюсь разрешить этому человеку пользоваться своим счетом. Какое им дело, как я распоряжаюсь своими деньгами? Почему я должен им что-то объяснять? Даже если у тебя есть деньги, в этой стране ты не можешь жить по-человечески. Безумие какое-то.

В современной России действительно очень много проблем. И одна из главных — отсутствие прав человека. Сегодня Россия — это страна, в которой только власть имеет права. Многие группы людей не имеют никаких прав. У пожилых людей нет никаких прав. У детей в детских домах нет никаких прав. У заключенных. Кроме этого, данный закон

— это такой инструмент манипуляции: он должен заставить людей думать, что геи требуют чего-то особенного — особых прав, особого отношения, особых браков. Его используют, чтобы отвлечь внимание от множества других проблем России.

До случая с ФСБ мы жили себе спокойно и жили. Как и все семейные пары, со своими проблемами, к которым прибавлялись сложности с владельцами съемной квартиры, которые выгнали нас, узнав, что у нас на двоих одна кровать. Миша по большей части работал, иногда на выходные мы ходили в бары. Друзей у нас немного: в каком-то смысле мы оставили за бортом нашу прошлую жизнь, ту, что была до нашей встречи, поэтому с друзьями у нас сейчас не густо. Но мы часто куда-то ходили, смотрели кино, любили ездить за город. Нормальная семейная жизнь.

Часто говорят, что на сайте знакомств невозможно завязать серьезные отношения. Это неправда. Мы познакомились в Сети. И мы даже не искали пару, ни один из нас. И таких случаев немало. Пробежит какая-то искра... Если ты встретил человека, с которым хочешь жить, которого ты любишь, — борись, старайся и делай все, чтобы быть счастливым.

—Записал Джозеф Хафф-Хэннон
Перевод Светланы Солодовник

ТАТЬЯНА ЕРМАКОВА

«В России у меня была карьера, хорошая квартира, друзья, семья. Я всем пожертвовала ради Аны»

Я родилась и выросла в Саратове. Это провинциальный русский город, где во взглядах людей перемешались какие-то старомодные православные ценности (которые осуждают гомосексуализм как грех) и советские представления (многие считали, что людей с «нетрадиционной ориентацией» в Советском Союзе нет вообще).

Мои родители оба работали, и я в большой степени была предоставлена самой себе. Но я росла хорошей девочкой: делала домашние задания, сидела дома и не попадала ни в какие передряги. Вообще, была стеснительной и часто испытывала проблемы с социализацией. Мой отец был профессором истории в университете, а мама работала на некоммерческую организацию.

Они были образованными, интеллигентными и, в общем-то, очень хорошими людьми, но при этом, увы, гомофобами. Мой отец любил повторять, что «гомосексуалисты — это богатые извращенцы, которые ради погони за удовольствиями готовы ломать свое естество». Не знаю, почему отец считал всех гомосексуалистов богачами. Может быть, он считал, что простым людям вроде нас никогда и в голову не придет вступать в такие отношения. А мама говорила, что гомосексуальность — это «смертный грех, который не приносит ничего, кроме стыда и отчаяния семье». Это были единственные уроки об однополый любви, которые я получила в детском возрасте. Естественно, когда в мою душу начали закрадываться подозрения, не лесбиянка ли я, это привело меня в полное отчаяние.

Это случилось, когда мне было 15 лет. Был 1994 год, Россия тогда только-только прошла через демократические реформы. Настроения в стране были достаточно либеральные, о гомосексуальных отношениях даже начали говорить в СМИ, чего раньше никогда не бывало. Помню, я смотрела какое-то ночное ток-шоу, и вдруг они объявляют следующую тему: «Лесбиянки». Гостя немного рассказала о том, кто

такие лесбиянки, а потом огласила статистику, которая потрясла меня до глубины души: «В среднем одна из 10 женщин лесбиянка». В то время я не знала ни одной девочки, которая была бы лесбиянкой. Но я точно знала девять гетеросексуалок. И это заставило меня думать, что, возможно, лесбиянка — десятая — это как раз я. Конечно, сомнительная логика, но я с 13 лет была отчаянно влюблена в свою одноклассницу, так что неожиданно все это обрело какой-то смысл.

Это было как обнаружить у себя болезнь, может быть, не смертельную, но неизлечимую. Но потом до меня стала доходить новая информация о лесбиянках, и все уже не казалось таким страшным. Помню, я читала статью в журнале о теннисистке Мартине Навратиловой и Мадонне, где говорилось, что они лесбиянки (про Мадонну было сказано, что она бисексуалка). На тот момент это были единственные лесби, о которых я слышала, и я была поражена их талантом, красотой и успехом. Мне хотелось быть похожей на них.

Мне очень хотелось найти себе пару, но я боялась говорить об этом со знакомыми девочками. В России я всегда прятала свою гомосексуальность, даже когда я уже училась в университете, я не встретила ни одного открытого гея среди студентов. Певцам и балетным танцорам было позволительно быть в России геями, а простые люди предпочитали скрываться, как только могли. Поэтому я старалась сосредоточиться на учебе и просто не думать об этом. Закончила университет, потом аспирантуру и стала работать доцентом на кафедре мировой экономики Саратовского государственного социально-экономического университета.

В профессиональной жизни меня все устраивало, но моя личная жизнь все больше превращалась в катастрофу. Мне было 22 года, и я по-прежнему была одна. Мои родители, которые до того момента никогда не волновались из-за того, что у меня нет мальчика, вдруг страшно забеспокоились, что я старею и мне пора замуж. Русские обычно рано обзаводятся семьей: моя старшая сестра вышла замуж, когда ей было 18, старший брат женился в 21 год. Считается, что после окончания учебы самое время вступить в брак и остепениться. Я продолжала скрывать от родителей свои наклонности, помня их гомофобные высказывания. Но что было гораздо важнее, я боялась разочаровать их. Я знала, что известие о моем лесбиянстве их убьет. Они всегда так гордились мной, тем, что я так хорошо учусь и такая хорошая дочь. И они действительно очень много сделали для меня, я чувствовала себя вроде как обязанной иметь «традиционную» сексуальную ориентацию.

Мои родители, все наши родственники, друзья и даже соседи — все наседали на меня, чтобы я нашла себе мужа. У нас был серьезный

разговор с мамой, и она мне объясняла, что в мои годы ненормально не быть замужем или хотя бы не иметь бойфренда, говорила, что если меня не интересуют мужчины, то, очевидно, есть какая-то «задержка в эмоциональном или физическом развитии». Она сказала, что я должна или найти себе мужа, или обратиться к врачу, поэтому я решила постараться и начала встречаться с мальчиком, которого семья подыскала для меня, но из этого ничего не вышло. Мы встречались в общем и целом два месяца, а потом я сказала ему правду, что я лесбиянка. Он сказал, что потерял из-за меня кучу времени, что больше не хочет меня видеть, но обещал никому не говорить, и мы расстались. Больше я с мальчиками не встречалась. Опыт оказался слишком болезненным, и парня я, возможно, обидела или, во всяком случае, разочаровала, а я не хотела, чтобы кто-то страдал.

После этих неудачных отношений я еще долго чувствовала себя даже более одинокой и опустошенной, чем раньше. Я решила, что мне обязательно нужно найти себе пару, что я заслуживаю любви и сама хочу любить. В январе 2002 года я поместила в Сети объявление, выбрав для этого иностранный сайт знакомств. Мне не хотелось светиться на местном сайте и быть разоблаченной: каждый семестр я учила более 200 студентов, которые наверняка отлично знали все местные сайты знакомств. Если бы в университете кто-то узнал о моей сексуальной ориентации, новость бы разлетелась тотчас же. На меня бы посыпались насмешки, оскорбления, и с большой долей вероятности я бы потеряла свою работу.

Я получила несколько ответов от женщин из разных стран, из Европы и из США. Но мне понравилась только одна — это была Ана из Нью-Йорка. Какое-то время мы обменивались письмами по электронной почте. Потом начали разговаривать по телефону, могли болтать часами. С ней было так легко, она была и умной, и веселой. Она была отличной, мне казалось, что она самый близкий мне человек на земле. Я ей тоже очень нравилась. По телефону иногда возникали трудности: я ее не всегда понимала, она меня не всегда понимала, но мы старались как-то приноровиться.

В мае она приехала в Россию, чтобы познакомиться со мной вживую. Мы встретились в Москве. При личной встрече она оказалась даже лучше, чем я ее себе представляла. Она была очень симпатичная, смуглокожая, с длинными вьющимися каштановыми волосами и самой красивой улыбкой, которую я когда-либо видела. Когда мы первый раз встретились, я не знала, что ей сказать. Я стеснялась, к тому же денег у меня было не густо, поэтому целыми днями, пока мы оставались в Москве, я что-то готовила в гостинице из продуктов, которые привезла с собой, на маленькой плитке в номере.

Ана родом из Перу, она приехала в США за несколько лет до нашего знакомства. Она очень живой человек, много говорит и все время смешила меня тогда в Москве. Она работала в телевизионной компании в Нью-Йорке и привезла с собой кучу видео, CD с американской и латиноамериканской музыкой, сувениры из Перу и фотографии ее семьи и мест, где она путешествовала. С ней было так легко, я никогда в жизни не чувствовала себя счастливее. Мы провели три восхитительных дня в Москве, а потом поехали поездом ко мне домой, в Саратов.

Родители расспрашивали меня, с какой целью Ана к нам приехала, и я вынуждена была им сказать, что Ана — мой друг по переписке, просто знакомая, которая хотела побывать в России. Я переживала из-за того, что мы должны прятаться, что я не могу честно рассказать родителям о самом важном для меня человеке в жизни. Но мне не хотелось, чтобы все закончилось скандалом. Родители в конце концов согласились, чтобы Ана жила у нас, но при условии, что она будет спать в гостиной на диване, а не в моей комнате.

Те десять дней, что мы провели вместе в России, были лучшими днями моей жизни, и к тому моменту, когда Ана собралась уезжать, я уже знала, что люблю ее. Она тоже меня полюбила, и то, что она должна была возвращаться в США, разрывало мне сердце. Мы не представляли, когда опять сможем встретиться, в то время я, разумеется, не могла просить визу как невеста, что сделала моя сестра, когда выходила замуж за своего бойфренда-американца. Мы думали попробовать получить туристическую или студенческую визу, но тут моя ситуация изменилась. За несколько месяцев до этого я подала документы на участие в программе обмена, и вдруг мне ответили, что я принята и должна прибыть в США летом 2002 года. Программа не воссоединила меня с Аной, потому что все участники должны были жить в городе Линкольн, штат Небраска. Но она приблизила меня к ней, и в то же время это была отличная возможность узнать больше об американской экономике и продвинуться в моих академических занятиях. Пока я жила в Небраске, мы постоянно были с Аной на связи, наши телефонные счета зашкаливали. Мне удалось приехать в Нью-Йорк на День благодарения и встретиться с Аной, увидеть, где она живет. Это был самый красивый город на свете. Но главное — там жила Ана.

Через шесть месяцев программа подошла к концу, мне надо было возвращаться в Россию. Но вместо этого я поехала в Нью-Йорк и осталась с Аной. Было тяжело рвать связи с Россией. Мои родители пришли в ярость, когда узнали, что я остаюсь, а я сожгла все мосты. В России у меня была карьера, хорошая квартира, друзья, семья. Я всем пожертвовала ради Аны. Тяжелее всего давалась разлука с

родителями: я очень их любила, и невозможность видаться с ними угнетала меня.

Но у меня не было выбора. Если бы даже Ана поехала со мной в Россию, мы бы никогда не смогли жить вместе открыто. Жизнь в США тоже не всегда легкая, но здесь, по крайней мере, я могу не бояться, что меня начнут оскорблять или преследовать за то, что я лесбиянка.

Мои родители за все эти годы так и не примирились с реальностью. Они знают, что я живу с Аной, но не хотят об этом ничего слышать. Каждый раз, когда я говорю с ними, они твердят, что я поломала себе жизнь. Как я могу жить в США без документов, когда в России я могла бы иметь хорошую работу и быть вместе с семьей? Теперь я изгой, я сделала ошибку, поломала себе жизнь — они всеми силами стараются вызвать во мне чувство вины. Мама несколько раз приезжала, останавливалась у нас, и вот странно — она при этом вполне ладит с Аной.

Мы с Аной всегда хотели пожениться. Я сделала ей предложение 18 мая 2003 года, в первую годовщину нашего знакомства в Москве. Я тогда еще была на мели, но постаралась скопить денег, чтобы купить ей золотое кольцо с сердечком, усыпанным крошечными бриллиантами (действительно крошечными, но милыми). Но в то время мы не могли пожениться, однополые браки еще не были узаконены в Нью-Йорке. Тем не менее мы были партнерами, и с тех пор мы живем вместе. В душе мы считали себя женатыми и были преданы друг другу, пусть официальное оформление возможно было только в перспективе.

Еще мы всегда хотели иметь ребенка и перебрали самые разные способы, которые могли бы помочь нам осуществить эту мечту, включая усыновление. Но когда наш приятель-гей предложил нам завести ребенка вместе, мы с радостью согласились. Наша дочь Елена родилась в июне 2009 года. Мы с Аной воспитываем ее, а Еленин папа приходит к нам примерно два раза в месяц и по несколько часов играет с Еленой. Он счастлив, что у него есть дочь, и в то же время доволен, что не приходится заботиться о ней круглые сутки. Он много работает и часто бывает в разъездах, у него просто нет возможности самостоятельно заботиться о ребенке.

Елена во многом изменила нашу жизнь. Маленький ребенок — это бессонные ночи, дополнительные расходы и отсутствие свободного времени. Но я по-настоящему горжусь моей семьей. Ее, может быть, и нельзя назвать «традиционной», но это очень счастливая семья. Мои родители тоже довольны, что у меня есть ребенок. Я родила ее в 29 лет, и они уже начали волноваться, что я превращаюсь в «пожилую бездетную женщину». Я каждый день посылаю им какую-нибудь

фотографию Елены. Мама купила новый компьютер, поэтому мы теперь часто разговариваем по скайпу. Иногда я посылаю родителям фотографии всех нас троих, но я так и не сказала им, что мы с Анной поженились. Грустно, что я не могу им об этом рассказать, но не думаю, что они способны это переварить. Если можно не говорить, зачем доставлять им головную боль. Так или иначе, я выполнила свой долг — у меня есть любимая дочь, а у них есть внучка.

Мы решили подождать со свадьбой до 2013 года, когда Верховным судом был отменен Закон о защите брака, чтобы наша женитьба была совершенно законной. Теперь я наконец могу называть Анну «моя супруга», и это заставляет меня улыбаться каждый раз, когда я думаю об этом.

Родственники Анны относятся к нам превосходно. Этим летом мы переехали в новый дом, и они приезжали посмотреть на него. Племянницы и племянники Анны играли с Еленой во дворе, а наша новая соседка, 12-летняя девочка, подошла к ним и стала расспрашивать: вы приехали в гости? А кто вам Елена? И восьмилетняя племянница Анны гордо сказала: «Елена — наша двоюродная сестра». Тогда соседка удивилась: неужели сестра, вы же совсем не похожи? Анна и ее родственники латиноамериканцы, они все темноволосые, смуглые, а у Елены мои светлые волосы и очень белая кожа. Тогда племянница Анны задумалась на секунду, а потом сказала, с той же убежденностью, что и раньше: «Ну и что, что не похожа, она все равно член нашей семьи». Когда я услышала это, я чуть не расплакалась.

—Записала Татьяна Ермакова

АЛЕКСАНДР СМИРНОВ

«Но я ни о чем не жалею»

Это интервью Александр Смирнов дал журналу «Афиша» весной 2013 года. Как только номер вышел, Александр отнес его начальнице, пресс-секретарю заместителя мэра Москвы Марата Хуснуллина. Через несколько дней начальница вызвала Александра на разговор. Сказала, что шеф не поймет ее, ведь он — мусульманин, сказала, что если Александр не уйдет сам, будет уволена вся команда, включая ее, мать-одиночку. За молчание об увольнении Александру было предложено четыре оклада. Он взял деньги (наличными в конверте) и написал заявление по собственному желанию на следующий день. Через два месяца он впервые попал в автозак — за участие в согласованном ЛГБТ-митинге: в тот день его сначала побили, а потом задержали. Еще через четыре месяца, когда Владимир Путин заявил, что в России нет дискриминации геев, Александр дал еще одно интервью, в котором рассказал историю своего увольнения. «Я до сих пор не уверен, что поступил правильно, — говорит он. — По идее, давая второе интервью, надо было вернуть деньги». Но проблема в том, что после увольнения Александр никак не может найти работу с сопоставимым окладом — вероятно, считает он, оттого, что он невольно стал активистом. В этом году ему будет сорок, он до сих пор боится признаться в гомосексуализме на исповеди в церкви, надежды найти новую работу мало, в успех активизма верится с трудом, в особенности с тех пор, как полиция отказалась возбуждать уголовное дело по факту избиения Александра на митинге. «Но я ни о чем не жалею», — просит обязательно написать Александр.

Я работаю чиновником в одной из структур правительства Москвы и отдаю себе отчет в том, что после публикации этого материала меня могут уволить. Им не нужны скандалы накануне выборов мэра, так что попросят тихо написать заявление, попытаются выставить непрофессионалом или, что еще хуже, перестанут со мной

общаться. Я ведь ото всех скрываю, что гей. Если кто-то на работе отпускает шуточки про пидорасов — глупо улыбаюсь. В обычной жизни даже взгляд приходится контролировать, чтобы он не задержался подозрительно долго на каком-нибудь красивом мужчине. К самоконтролю привык с детства, но это постоянное внутреннее напряжение, постоянная двойная жизнь, от которой иногда готов лезть на стену.

Я вырос в небольшом городе на Дальнем Востоке и осознал, что со мной что-то не так лет в 13–14, когда все начали интересоваться девочками, а я — нет, мне хотелось какой-то близкой дружбы с мальчиками. В этом не было чего-то порочно-сексуального, я ведь не понимал, что со мной происходит. А потом пришло осознание того, что нравятся мужчины, но лет до 20 боролся с собой. Самый тяжелый период — лет в 14–16, когда в тебе бурлят гормоны, когда крышу сносит от желаний, на реализацию которых сам себе не можешь дать добро. И этот внутренний конфликт с самим собой, между тобой и обществом разрывает тебя на части. И нет вокруг никого, с кем бы ты мог поделиться своими проблемами. И первые мысли о самоубийстве появились именно тогда. Только когда через 20 лет получил опыт работы на телефоне доверия для геев и лесбиянок, узнал, что гомосексуальные подростки в четыре раза чаще решаются на самоубийства.

Мне было почти 20, когда я увидел в газетном киоске журнал «Я + Я». Там на обложке — анонс номера с рубрикой «Голубая гостиная». Разумеется, было понятно, что это для таких, как я. Жутко комплексовал, просто застыл перед киоском, мне казалось, продавщица непременно поймет, из-за чего я покупаю журнал. Пришлось в нагрузку взять десяток ручек — типа замаскировался.

В журнале нашел понравившееся мне объявление и написал человеку, который жил в Минске. Это было другое время, так что и письмо было другое — бумажное. Это не как сейчас: пишешь объявление в интернете — и через полчаса вы уже можете оказаться в постели. Письмо шло две недели туда, потом две недели обратно, могло застрять по дороге, я очень ждал ответов и очень волновался. Мы переписывались год, а потом Володя приехал ко мне. Мне было 20 лет и 9 месяцев, а он был на год старше.

И у меня все было в первый раз, по любви. Он был довольно опытный: на четвертый день после его приезда он решил посчитать количество своих партнеров и посчитал он их с помощью орфографического словаря, в котором был список мужских имен. В итоге я оказался на 77-м месте в его 22 года. Но это меня не остановило, я его очень любил.

Наши отношения были обречены с самого начала: разница в опыте, во взглядах, в целях. И потом он был все-таки столичным жителем, минским, но столичным. Он пытался расширить наш круг общения, найти, где тусуются геи. Мы очень долго исследовали весь город, но так этого места и не нашли. А потом я купил ему обратный билет в Минск. «Езжай, — говорю. — Я не могу смотреть, как ты весь такой тут страдаешь». Через полгода я приехал к нему, потом уехал, потом опять вернулся. Отношения длились в таком режиме еще 3–4 года. И потом еще 3–4 года я пытался его забыть. И все это время ему не изменял. Теперь с высоты прожитых лет думаю, что, может быть, и напрасно. Не уверен, что это круто — хранить верность в такой ситуации. Не знаю. В любом случае тогда я чувствовал, что это единственно правильное решение.

Я родом из обычной советской семьи. Отец у меня сильно пил. Избивал маму, меня. Хочу сразу сказать, чтобы у читателей не было этой логической связи «папа бьет — сын гей». Моего брата папа тоже бил, но он натурал. Так что дело не в этом. Но вот то, что жилось мне дома несладко, это факт. Так что с другом мы жили, конечно, на съемной квартире. Да и в университет во Владике я поступил только затем, чтобы уехать из дома.

Там, в общежитии, мы познакомились с Леной, с которой потом «играли в семью». Лена была старше и работала в самой крутой областной газете и очень хотела перетащить меня к себе с телевидения, где тогда работал я. Но меня призывали в армию. Я попытался потребовать альтернативной службы, сказал, что я пацифист и мое право записано в конституции. В военкомате мне сказали, что конституция конституцией, но соответствующего федерального закона нет, так что я могу выбирать между армией и тюрьмой. Выбрал тюрьму. И, возможно, парился бы там еще долго, если бы не Лена. Она узнала, что я в тюрьме, и вытащила меня оттуда, сделав нужные звонки, — она была правда крутым журналистом.

А потом Лена призналась, что любит меня. Мне ничего не оставалось, как сказать ей правду. Это был, кажется, мой первый камин-аут. Я человек неслабый, но она еще сильнее, так что ее это не остановило и она предложила пойти на эксперимент.

Лена меня старше на четыре с половиной года. Она не красавица, но очень обаятельная. Очень большой профессионал. Я это очень ценю. У нее талант. Но она была авантюристкой, и авантюристкой со знаком минус, ее авантюры вели к разрушению. По крайней мере в моей жизни у нее была такая роль.

Лена развелась с мужем, от которого у нее был полторагодовалый ребенок. Мы взяли Ленину сестру-девятнадцатилетнюю и уехали

в Волгодонск, чтобы начать все сначала. В течение года мы, как я уже говорил, «играли в семью». Это были очень тяжелые времена. У меня была логическая сцепка: это человек, которому я обязан. С другой стороны, чувство вины, потому что я не мог Лене ответить взаимностью на ее чувства. Помимо всего прочего, она выпивала, это началось еще до нашей встречи. Она забеременела. Двойней. От меня. И мы... и даже я не могу сказать, что мы, она приняла решение, что нужно идти на аборт: медицинские показания, проблема с почками. Это был кризис 1998 года. Не наш лично, а в стране. Мы, все такие невъебренные профессионалы, оказались без денег с двумя детьми. Мы ходили на работу, но зарплату нам не платили. Плюс к тому моменту так изнасиловали друг друга своими проблемами, что понимали, что не можем больше быть вместе.

Я считаю произошедшее своим грехом. Когда спустя годы я крестился (я верю в Бога, хоть и гей), то каялся, что позволил Лене единолично принять сложное решение и сделать аборт. Иногда думаю о том, сколько было бы лет моим детям. Несколько раз после этого мне девушки предлагали стать отцом их детей, и у меня есть такая потребность, но все не складывалось. Грустная история.

Я не помню, через какое время после аборта мы с Леной перестали спать друг с другом. Наверное, это неважно. Важно то, что секс между нами всегда был для меня насилием. У меня все нормально с физиологией, меня может даже фонарный столб, наверное, возбудить, если я захочу: включил фантазию — и вперед! Но секс с девушкой был для меня противоестественным. Сам факт того, что мужчина возбужден, не говорит о том, что он желает близости, — физиология и эмоции имеют разное выражение. Поэтому в какой-то момент мы приняли решение, что мы живем вместе, но не играем в пару. Мы сменили работу и для окружающих превратились в брата и сестру. А как друзья мы перестали общаться, потому что выяснилось, что и дружба исчерпывается какими-то поступками.

Потом у меня был роман с парнем, с которым мы даже обменялись кольцами, но он уехал в Китай и не вернулся.

Году в 2003 я перебрался в Москву. В столице значительно проще жить в той шкуре, в которой я нахожусь. Через год пребывания в Москве я написал письмо маме, мне очень хотелось наладить с ней отношения, я ведь очень винил ее в детстве за то, что она не развелась с отцом. Я собрал с десяток стереотипов о гомосексуальности. Написал, что с подростковых лет ощущал эту тягу, что меня никто не совращал, не было несчастной любви к девушке, но в то же время с девушкой был, что это не лечится, что нет достоверных исследований, где бы говорилось, откуда это берется. Я обстоятельно и с

безупречной логикой все в подробностях рассказал. И отправил письмо по почте. Прошло недели четыре, а мама не ответила. Тогда я позвонил бабушке и выяснил, что о письме она не знала. Мама перезвонила через пять минут. Сказала, что не знала, что ответить. Что она меня любит. Плакали оба. С тех пор у нас очень близкие отношения. Это великое счастье, когда тебя принимают таким, какой ты есть.

Два года назад умер мой знакомый. Его нашли в квартире голого, заколотого ножом. Он был геем. Вы знаете, как такое случается? Геи очень часто знакомятся друг с другом через интернет. И есть целые банды, которые приходят домой к геям под видом геев, убивают и грабят. Родственники, конечно, все скрывают, никто не хочет распространяться насчет этих историй. У нас с тем парнем была общая близкая подруга — Саша. Она меня попросила быть аккуратным и через интернет не знакомиться. Но я пренебрег ее советом.

Он был весьма красивый, и его анкета на сайте знакомств была довольно интересной. Он пришел ко мне домой. Мы пообщались и переспали. На прощание он попросил у меня какие-то видеодиски, обещал занести через несколько дней. Вернулся через неделю. Я впустил его и пошел на кухню, что-то готовил. А он в это время впустил еще одного парня. Ко мне подошли сзади и ударили бутылкой по голове — но я не упал и не отключился. Я повернулся к ним и в ту же секунду понял, что сейчас могу умереть. В руках одного был нож и розочка от бутылки, которую он быстро приставил к моему горлу. Другой тоже стоял с ножом. Первый кричал, что его брат пидорас и что во всем виноваты такие, как я, за это меня и полагается убить. Непонятно было, какая моя вина в том, что кто-то гей. Попытался оправдаться, но быстро понял, что их не переубедить, и просто попросил не убивать меня. Я истекал кровью, думал, что потеряю сознание. Я просил не убивать. Вы даже представить себе не можете, до какой степени мне стыдно. Хотя это они ворвались в мой дом и чуть меня не убили. Они вынесли все, даже телефон. Они пошли на преступление, а стыдно мне.

Меня била дрожь, но я не мог вызвать скорую — ведь пришлось бы объяснять, что случилось. Я, конечно, не мог ничего сказать на работе. Уговорил друзей позвонить коллегам и сказать, что на меня напали на остановке. В полицию тоже не стал обращаться. Найти нападавших было бы легко, но объясняться с людьми в погонах не было сил. Сейчас виню себя в слабости, ведь те двое могут реально кого-то убить, если их не остановить.

В 13 мне было сложно, потому что был один. А сейчас мне 39, но общество все равно указывает мне мое место, а я очень не люблю, когда меня учат жить, когда меня обвиняют в том, в чем я не виноват.

Когда разлучают с теми, кто мне дорог. Я не могу терпеть, когда меня гнобят.

Я могу встать и сказать — так больше не будет.

—Записала Ксения Леонова

*Интервью впервые напечатано в журнале «Афиша»
№ 339 (25.02.2013). Публикуется с разрешения
журнала. Обновлено и дополнено автором*

РУСЛАН САВОЛАЙНЕН

«Я стал стесняться говорить, что я гей»

Ухоженная небритость, замысловатая стрижка с химической завивкой и безупречная кожа: в 27 лет Руслан Саволайнен пользуется услугами косметолога, чтобы сгладить даже намек на морщины. Совершенный внешний вид дополняет католический крестик на внушительной золотой цепочке, итальянские туфли, отлично скроенный костюм. Все это в сочетании с деликатной конституцией делает его похожим на жителя не Москвы, но Средиземноморья. Он отлично впишется в толпу в Испании, куда он подумывает перебраться, — хотя еще совсем недавно он прекрасно вписывался в России не то что в толпу, но даже и в движение «Наши».

Мой папа палестинец, а мама — российская финка. В детстве я много времени проводил в Иордании, где жила семья моего отца. Когда мне было десять лет, из Саудовской Аравии приехала его бабушка — глава большого клана — и вскоре решила забрать меня на воспитание. В тот же вечер мы с мамой собрали вещи и вернулись в Россию. С тех пор отца я не видел. До переезда слова «гей» я не знал, там его никто не употреблял ни в каком смысле. Потом уже в России я посмотрел по ТВЗ фильм «Лучший друг» с Мадонной и понял, что это все бывает.

В России сверстники меня недолюбливали. Я всегда был меньше всех ростом. Класа до 10 мне было не прижиться, у меня была одна-единственная подруга. Ребята из соседней школы однажды толкнули меня под едущую машину. Я отделался переломом ноги. Потом я еще много сталкивался с уличным насилием на этой почве, у меня серьезные проблемы со здоровьем: после одного из нападений у меня катастрофически упало зрение, я не раз оказывался в больнице, у меня шесть сотрясений мозга. Последний раз это было в «Иксах» на Звенигородской: меня и моих друзей, среди которых была и девушка, отметили очень сильно.

Первая история любви со мной приключилась в 11 классе. Я тогда состоял в общественной организации «Наши», и мы часто ездили в Москву на всякие мероприятия. Они на самом деле очень на меня повлияли, потому что я попал в новую среду, где меня никто не знал, и я мог себя показать и раскрыться. У меня появились друзья, я и вести себя стал иначе. И вот однажды в Москве все поехали загород, а я убежал и решил пойти в клуб «Три обезьяны» — на свой страх и риск, до этого я никогда еще не бывал в клубах. В определенный момент я понимаю, что сижу за столиком с молодым человеком, и мы уже часа два разговариваем о жизни. Потом, дело было к утру, мы пошли гулять, он проводил меня до вокзала, и тут впервые в жизни я почувствовал нечто такое, чего раньше никогда не испытывал. Ребята на меня, конечно, обиделись, потому что я их кинул. Я долго плакал, а когда приехал в Петербург, устроился на работу, чтобы иметь возможность ездить в Москву. С тех пор я каждую неделю приезжал к нему, он познакомил меня с мамой, что было для меня шоком, и все было хорошо, пока однажды он не пропал. Через полгода он объявился, но это был уже совсем другой человек.

В «Наших» я состоял года три, до второго курса. Там были разные направления, много социальной работы, потом, марши против того, против этого. Я занимался как раз организацией этих мероприятий — набором людей, проведением агитационных мероприятий по школам. И там про меня все знали. Я выбрал себе такую позицию еще в 11 классе: вот с этого момента у меня начинается другая жизнь, и я ни от кого ничего не скрываю. Люди меня восприняли в основном очень даже положительно. Были, конечно, и такие, кто выказывал недовольство, но их, как правило, подавляли ребята, которые относились к этому адекватно. Летом мы ездили на Селигер, туда свозят десятки тысяч ребят со всей России. А у меня были длинные волосы, маечки такие, в общем, и за километр видно. Так получилось, что на несколько тысяч человек я был такой один. На меня даже посмотреть приходили. Подкатывали какие-то бугаи, которые пытались меня переубедить, мол, так неправильно. Но наши ребята их гнали палками. Якеменко как-то высказывался в путинском духе, что, мол, я не против, только вот демография страдает. (Я и Путина с Медведевым видел, за руку с ними здоровался). Так что никаких особых притеснений не было. Там были и другие геи, но они очень тщательно скрывались. А вот когда я последний раз приезжал на Селигер, там уже было два парня — пара, которые вообще открыто жили вдвоем. Потом среди лесбиянок организовалось небольшое комьюнити, и там как раз совершила камин-аут одна из моих одноклассниц.

У меня есть два старших брата, мы с ними как будто из разных миров. Для них все это дико и отвратительно. Как выпьют, начинается: «Пидорас! Да как так можно?!». До драки не раз доходило. Но чувства братские как-то пересиливают. А мама моя спокойно к этому относится. Не знаю, почему. Она даже была однажды в гей-клубе «Центральная станция» на свой день рождения. Она очень соперничает транссексуалам, и когда видит их по телевизору, прямо плакать готова. Одно время я пытался скрывать свою ориентацию. Был такой период, когда я выступал по клубам с травести-шоу. И, естественно, весь гардероб был у меня в шкафу. Когда мама спросила, что это, я попытался съехать, мол, это моей подружки-стриптизерши, дома не оставить, вот я и храню. Но она меня, конечно, раскусила.

По воскресеньям я хожу на службу в католическую церковь. Я стал католиком года четыре назад, вскоре после того, как ушел из «Наших». Меня привел туда один молодой человек, и мне стало там так легко. Я увидел людей, которые более лояльно ко всему относятся. Пасторы в открытую говорят, что для них это неприемлемо, случаются и нраво-учительные беседы, но когда они понимают, что это бесполезно, то все это заканчивается и тебя принимают таким, как есть. Геев в католической церкви очень, прямо очень много. Несмотря на довольно жесткую позицию, многие идут туда. Некоторые идут, потому что пытаются бороться со своей гомосексуальностью. Тот парень, что привел меня, очень сильно пытается в себе это перебороть, вот сейчас пошел учиться в католическую семинарию, готовится стать священником. И таких много. Для них католицизм — это средство борьбы. А я просто нашел там понимание, уединение, спокойствие. А пару недель назад я даже стал крестным отцом дочки одной хорошей подруги.

Я обратил внимание, что последние полгода я стал стесняться говорить, что я гей — это при том, что я не скрываю этого со школьного возраста. Я сделал для себя вывод, что если бы представители ЛГБТ не скрывали своей принадлежности, то и люди относились бы к этому иначе. Если ты сам ставишь себя в позицию униженного и оскорбленного, то другие будут легко этим пользоваться. Но и прогресс тоже есть — если б не эта ситуация, то разговоров не было бы и все стояло бы на месте. Так что спасибо депутатам. Они дали хороший толчок для общественной дискуссии.

—Записал Дмитрий Симановский

*Интервью впервые напечатано в журнале «Афиша»
№ 339 (25.02.2013). Публикуется с разрешения
журнала. Обновлено и дополнено автором*

ЛЕНА И НАСТЯ

«Родители сказали: “Мы сделаем так, чтобы она исчезла”»

Настя, 24 года, и Лена, 22 года, — обе уже успели сделать карьеру в корпоративном праве, но это, кажется, наименее удивительная часть их истории. Они встретились восемь лет назад в Кирове, и с тех пор прошли, кажется, все круги ада, чтобы оставаться вместе.

ЛЕНА

Познакомились мы прозаично — в интернете. Настя училась в школе, в которую перешла моя лучшая подруга, и я сидела на их форуме, общалась с ребятами.

НАСТЯ

Ты написала, что тебе нужны какие-то песни группы «Психея».

ЛЕНА

Не позорь меня.

НАСТЯ

Это ужасная группа, в которой делают так: «Уааааааааааа-ду-ду-дум!». И у меня совершенно случайно оказался целый диск этих песен, какой-то одноклассник подсунул. Я написала: «Давай, приезжай к нам в лицей, я тебе дам». Так мы встретились. Лене было 14, мне 16. Я училась в 11 классе, а она в 9-м.

Я свою гомосексуальность осознала лет в 13. Для меня это было прозаичным открытием, я особо не переживала, просто сказала себе: «Ну окей», и жила с этим знанием дальше. Естественно, никому не говорила. Лена была первой, кому я сказала. Но сначала мы просто общались, много висели на телефоне.

ЛЕНА

А потом Настя намекнула, что у нее есть какая-то другая баба.

НАСТЯ

Это была девочка, с которой мы тоже просто общались, у нас не было никаких отношений. Потом, правда, выяснилось, что она была в меня влюблена все-таки. Лену это страшно заинтриговало, она начала общаться со мной еще активнее. Это было довольно сложно, потому что Ленин отец запрещал ей висеть на телефоне часами. У меня-то была отдельная линия проведена в мою комнату родителями, с другим номером, поэтому я могла разговаривать сколько угодно. А Лену все время ограничивали. Нужно было где-то переписываться, но аську (ICQ — служба обмена мгновенными сообщениями — прим. ред.) ее папа тоже все время удалял, поэтому мы постоянно встречались в каких-то ужасных чатах, хотя жили в одном городе. И как раз в каком-то чате я Лену спросила, могла ли бы она построить со мной отношения. Очень долго добивалась ответа, добила ее «да», перепугалась, и все — больше об этом не говорила. Потому что до этого у меня никогда не было отношений с девушкой, хотя я всегда этого очень хотела. Плюс ко всему, мне казалось, что я очень взрослая, в конце концов, мне 16 лет, и я боялась, что оказываю на Лену давление. Я отыграла назад. Но мы продолжали активно общаться.

В мае, месяцев пять прошло с нашей первой встречи, мы пошли гулять в ботанический сад. А там такая низина, речка и мостик над ней. Стоим мы на этом мостике, и Лена говорит: «Ну все, целуй меня». Я говорю: «Я не могу, ты же понимаешь, я переживаю», — и все такое, а она: «Тогда я уйду и больше не вернусь».

ЛЕНА

Неправда, я ничего такого не говорила, просто сказала: «Ну, тогда все». Я шла и думала: если уйду сейчас, если не догонит, то все, действительно больше даже общаться не будем.

НАСТЯ

Я испугалась страшно, что же делать: и целовать страшно, и потерять ее страшно. Но побежала, догнала, вернула и поцеловала, на мостике.

ЛЕНА

И тут две тетki, сверху, с пригорка...

НАСТЯ

Начали орать: «Да вы только посмотрите, что же это делается!..». Нам пришлось оттуда срочно ретироваться. Так начался наш скромный роман.

ЛЕНА

Потом Настя уехала учиться в университет в Москву, а я доучивалась в школе. В университете система семестров: пять семестров, и между ними можно урвать кусочек, неделю, и уйти на каникулы. На эту неделю Настя приезжала домой. А я приезжала на подготовительные курсы, тоже в Москву, получалось, что мы где-то раз в месяц виделись. Через два года я поступила в этот же университет, тоже на юридический.

НАСТЯ

В Москве я жила в квартире, которую мне подарили мои родители, хотя и не оформили на меня, и когда Лена приехала, мы стали в этой квартире жить вместе.

ЛЕНА

Я сначала жила в общежитии и моталась туда-сюда, то к Насте, то в общежитие, но это было тяжело, потому что общежитие находилось в пригороде. В итоге я сказала своему отцу, что не хочу больше жить в общежитии, и тоже сняла себе комнату, перенесла туда все свои вещи — не надо было, по крайней мере, за город таскаться. Но в результате все равно жила у Насти. А когда приезжали родители, я уезжала на свою квартиру. Это было очень нервно.

НАСТЯ

Под конец года, что мы так прожили — то есть Лена заканчивала первый курс, а я третий, — я поехала в Киров к родителям. И благополучно оставила дома свой мобильный телефон, уехав на поезде обратно в Москву.

ЛЕНА

А я, значит, Насте звоню, пишу ей эсэмэски — мы еще с ней немножко поругались. Ничего серьезного, но я сначала подумала, что Настя на меня обижается, поэтому не отвечает. Пишу ей злобно: «Ну и ладно, дуйся», а потом уже виновато: «Прости, давай мириться», потом уже вообще запаниковала: «Ты где, ты где, ты где?».

НАСТЯ

А в это время мои родители уже радостно изучали мой телефон.

ЛЕНА

Сообщения и фотографии за три года.

НАСТЯ

В общем, я приехала в Москву, пробыла там день, и вечером того же дня поехала обратно в Киров. Родители вызвали меня на разговор. К нам в тот день приехали две наши интеллигентные подружки-армянки с бутылкой водки, благословили меня на дорожку, они, наверное, первый раз в жизни пили водку, потому что горе было у всех.

Приехала я домой, там мне говорят: «Давай все это заканчивай». Я говорю: «Не могу, не хочу, я люблю ее, мы давно вместе, и я не собираюсь с ней расставаться». А они мне: «Ну, тогда мы с ней что-нибудь сделаем». Мои родители очень богатые люди, и они сказали: «Мы сделаем так, чтобы она исчезла». Я по-настоящему перепугалась. Пишу Лене: «Давай расставаться». А Лена, вместо того чтобы ответить «Давай», села в поезд и приехала в Киров.

ЛЕНА

Я стояла под ее окнами, в соплях и слезах, пока она не вышла ко мне и мы не поговорили.

НАСТЯ

В итоге я Лене пообещала, что мы не расстанемся, родителям пообещала, что мы расстанемся, и всем было хорошо, только мне плохо.

ЛЕНА

Мы вернулись в Москву, и мы какое-то время пытались жить отдельно, потому что боялись, что Настины родители нагрянут с проверкой. Но очень скоро мы опять съехались. Это время было ужасное. Потому что Насте, например, было к 9 часам на пару, а мне к 12, и я встаю, выглядываю в окно и вижу, что подъехал черный джип — а мне казалось, что все большие машины похожи на машину Настиного отца, — и он паркуется. Тогда я быстро собираю вещи, беру сумку, документы, поднимаюсь на этаж выше, там переодеваюсь и в истерике звоню Насте. Она говорит: «Может, это не отец?», а мне кажется, что кто-то поднимается, в квартиру я уже возвращаться боюсь...

НАСТЯ

Потом наступило лето, моя лучшая подруга выходила замуж. Я поехала в Киров на свадьбу, Лена в это время была в Абхазии со своей мамой, и я, в общем, забыла выйти из ВКонтакте на компьютере. Так родители опять меня застучали. Я призналась, что мы с Леной продолжаем общаться. Тогда родители почему-то решили меня отправить на трудотерапию: я у отца в цехе, наверное, где-то недели две сортировала-торцевала доски, не знаю, зачем. Видимо, они думали, что если

я в рабочем костюме и с крюком посортирую бревна, то я стану более женственной и полюблю мужчин. Телефон у меня отобрали.

ЛЕНА

В это время я понимаю, что сейчас мне будет капец, что сейчас Настины родители свяжутся с моими родителями. А у меня папа военный, жесткий гомофоб, он всегда думал, что Настя просто моя подруга. Если по телевизору показывали что-то про геев, он мог сказать: «Всех их надо в газовую камеру». И мы все сидим притихшие.

Я решила превентивно поговорить с мамой. Мама все это время думала, что у меня есть мальчик Леша — очень хороший по рассказам, потому что обо всем, что у нас с Настей происходило, я рассказывала маме, только называла ее Лешей. И Леша полностью маму устраивал, пока не превратился в Настю. Мама не стала устраивать никаких скандалов. А в предпоследний день нашего отдыха матери звонит отец и говорит, что он все знает и пусть я еду домой. Я еду в поезде три дня, и все эти три дня жутко стрессую.

Отец встречает меня на вокзале. Мы едем в машине, у него руки трясутся, глаза красные, и он мне говорит: «Или мы с тобой забываем эту историю как страшный сон и ты и дальше моя дочь, мы с тобой общаемся и я тебе помогаю, или ты мне не дочь». Я говорю: «Я подумаю». Он прямо опешил. Он думал, видимо, что я ему сразу скажу: «Конечно, папа». У нас очень хорошие с отцом отношения, я с ним жила, а не с матерью после того, как родители развелись.

НАСТЯ

Через пару дней наступает девичник перед свадьбой моей лучшей подруги. Я сижу дома, сходила на маникюр, на педикюр, сижу в розовом домашнем костюмчике, с красными ногтями на ногах, в туфлях на каблучках, потому что они мне страшно жмут и я их растягиваю. Сажу, пью кофе из маленькой чашечки.

И тут врываются родители. Глаза у обоих красные, кровью налитые, и орут на меня: «Мы были у Лениного отца, и он сказал, что ты за мужика в отношениях». Я говорю: «Мало ли, что он сказал, посмотрите на меня! Я похожа на мужика?». Они продолжают кричать. Потом мать начала мне рассказывать, какая Лена проститутка, такая-сякая, в общем, ужасные вещи про нее. Я говорю: «Мама, ты же знаешь, что это человек, которого я люблю. После таких слов мне вообще не хочется считать тебя своей матерью». Отец это услышал и бьет меня кулаком в лицо. Остановился, только когда раскроил мне губу и я начала кровью все вокруг заливать.

Я пошла умылась, смотрю, у меня лицо все синее и губа разорвана. Я спускаюсь и говорю: «Дорогие мои родители, сейчас мы быстренько с вами собираем вещи и едем меня в травму зашивать». Отец на меня смотрит и говорит: «Само заживет». Потом мне шесть швов наложили. Я говорю: «Тогда я пошла». Собрала свои вещи, причем многие вещи мне не отдали, ни ноутбука, ничего, так и ушла с чемоданчиком летних вещей.

Жених моей подруги меня забрал и довез до травмпункта. Лена тоже приехала, и мне наложили швы.

ЛЕНА

У Насти все лицо было синее. Я такого никогда не видела. Она поехала на квартиру брата ее лучшей подруги, она как раз пустовала, и на следующее утро, как только папан свалил на работу, я собрала чемодан и сбежала из дому. Выбор был сделан. Родители начали нас искать, но мы выключили все телефоны.

НАСТЯ

Тут моему отцу приходит в голову, что я, очевидно, прячусь у Ксюши, это моя лучшая подруга. Он едет к ее отцу.

ЛЕНА

Ксюшин отец — такая же шишка, как и Настин.

НАСТЯ

Ксюша сказала ему, что если бы он видел мое лицо, то тоже был бы на моей стороне. И еще сказала, что если он выдаст нас моему отцу, то никакой свадьбы не будет. Он согласился молчать. Мы провели в той квартире несколько дней, а потом уехали в Москву.

ЛЕНА

Не все было так просто. У нас были билеты до Москвы. Буквально за два часа до поезда звонит Ксюшин отец и говорит, что мы должны поменять билеты, потому что Настин отец нас выследил, пробив базу, и купил билеты на тот же самый поезд. Мы сдали билеты, купили на следующий поезд. Пока мы меняли билеты, мой отец бегал по вокзалу и искал нас, но мы видели его и прятались. В поезде у меня началась паранойя. Я говорю Насте: «Раз твой отец в Москве, он может точно так же пробить билеты и поджидать нас в Москве на вокзале». Поэтому мы вышли во Владимире и остальную часть пути проехали на электричке — причем не до центра города, а до окраины.

Наша старая квартира была закрыта — Настин папа там сразу же сменил замки. В итоге мы поехали на квартиру, где я снимала часть комнаты для хранения вещей. Эта квартира была настоящая дыра. А «моя комната» была всего-навсего кроватью в комнате, где жила другая девочка. Мы там жили месяца два, наверное, пока не сняли другую квартиру.

НАСТЯ

Потом родители вызвали меня на старую квартиру в мой день рождения и предлагали купить любую машину, если я соглашусь бросить Лену. Я сказала «нет», машина у меня не появилась, но я хотя бы кое-какие вещи свои смогла забрать. Большинство отец поломал или выкинул.

ЛЕНА

Потом Настины родители предложили нам встретиться вчетвером. Сказали, что хотят отправить Настю на Сицилию на год при условии, что мы не будем общаться, — «и если ваша любовь переживет этот год»...

НАСТЯ

Моя мама не говорила «любовь». Это у них *любовь*, а у нас неизвестно что.

ЛЕНА

В любом случае, мы были согласны на их условия, хотя я с самого начала говорила Насте, что через год ничего не изменится, они опять начнут вставлять нам палки в колеса и никогда не оставят нас в покое.

НАСТЯ

Потом они передумали, и Сицилия отпала. Затем они еще года два трепали нам нервы, потом мы еще два года не общались, однажды отец опять на меня напал — на свадьбе моей двоюродной сестры, наверное, ему обидно, что у всех свадьба, а у меня нет. Сейчас вроде снова типа общаемся, но только потому, что они думают, что мы с Леной расстались.

ЛЕНА

Потому что мы действительно расставались, на месяц. Полгода назад. Мы уже давно помирились, но забыли им сказать об этом.

НАСТЯ

Каждый раз, когда мы видимся, это заканчивается скандалом.

ЛЕНА

Мы с Ксюшей все время говорим ей, бросай это, не езди к ним, а она: «Но это же мои родители».

НАСТЯ

Я хочу, чтобы они видели, что я нормальный, хороший человек, всегда честно с ними поступаю и всегда готова пойти на контакт.

ЛЕНА

Но они видят совершенно другое. Ты честно с ними поступаешь, а они думают, что ты врешь, они не верят, что ты уже в 13 лет знала, что ты лесбиянка. Мы планировали им все рассказать сами, но ждали, когда будет работа. Мы знали, что, скорее всего, нам не жить в этой квартире, когда они все узнают. Но не предполагали, что нас ждет ситуация, когда у нас будет только чемоданчик летних вещей. Мы жили буквально впроголодь. У нас были макароны, и мы воровали майонез с кетчупом у соседей по квартире.

НАСТЯ

Лена делала мне бутерброд на работу — два кусочка хлеба и посередине кусочек сыра такого увядшего. Я довольно энергичная барышня, мне требуется много калорий, поэтому я этот бутерброд сжирала практически сразу же, как только выходила из дома, а в офисе у всех подъедала сладости. Если мы покупали на улице в палатке шаурму или полкурицы-гриль, это было как сходить в роскошный ресторан. Это продолжалось довольно долго, год, наверное. Я работала в кол-центре, а Лена официанткой. Но у нее пониженное давление, и эта работа довела ее до болезни.

ЛЕНА

Тогда я устроилась редактором. Работала из дома, удаленно, так что могла совмещать с учебой. Это продолжалось примерно год. А потом у нас наладились отношения с отцом, и он сказал: «Бросай работу». В университете как раз был самый сложный год, когда половина курса вылетает, и папа сказал, что будет помогать мне этот год. А потом я устроилась уже по специальности.

НАСТЯ

А я нашла хорошую работу сразу по окончании университета, в 2011, и мы наконец смогли себя финансово обеспечивать.

ЛЕНА

Если бы мы обе не были юристами по российскому праву, мы бы, наверное, уже вострили лыжи куда-нибудь.

НАСТЯ

Это было бы проще, если бы мы были более универсальными специалистами, инженерами какими-нибудь. Наше образование нужно дорабатывать, если думать об отъезде. Но это трудное решение: мы еще так недавно пережили такие невзгоды, когда нет средств, когда нечего есть. Мы только начали обрастать жирком, и нам очень тяжело опять бросаться в омут с головой. И, откровенно говоря, я с гомофобией никогда не встречалась, если не считать моих родителей. И того случая, когда я защищала женщину, чьи родители пытались отнять у нее сына [см. МАРИНА И ЕЛЕНА: *«Потом они сперли моего ребенка в первый раз»*, стр. 19]. Но там гомофобия не была направлена непосредственно против меня. На моей прошлой работе все знали, кто я, и это ни для кого не было проблемой. А на нынешней работе я пока ни с кем особенно не общаюсь.

ЛЕНА

У меня на работе одна близкая приятельница, и она все знает. И муж ее знает.

НАСТЯ

А что касается законов, то у нас в стране травят все население. Поэтому я не чувствую себя ущемленной именно антигейскими законами — все принимаемые у нас законы нарушают права всех граждан Российской Федерации. И хочется, конечно, сбежать из этой мрачной страны — вернее, из этого мрачного государства.

К тому же государственная политика в очередной раз вдохновила моих родителей. Мать мне звонила: «Скоро вас всех посадят, окончишь свои дни в тюрьме». Я говорю: «Ну и хорошо, одни женщины вокруг». Она с воплем бросила трубку. Такие у меня теперь отношения с родителями. Отец мне говорит: «Иди попробуй с мужчиной. Вдруг тебе понравится?». Я говорю: «Давай сначала ты попробуешь с мужчиной. Если тебе понравится, я тоже попробую».

—Записала Маша Гессен
Перевод Светланы Солодовник

ВИТАЛИЙ МАТВЕЕВ

«Реакция человека на камин-аут — отличный фильтр»

Ученый и фотограф Виталий Матвеев, 35 лет, после многих лет учебы и работы в Японии, Британии и Америке вернулся в Москву. Он не гей-активист и не революционер, но так получается, что жить открыто, как он привык за годы, проведенные за рубежом, — само по себе невольный активизм и борьба с предрассудками.

Я запомнил это на всю жизнь. Мне лет шесть, мы с мамой идем в кино на «Человека-амфибию». Посреди фильма мама наклоняется ко мне и шепчет: «Смотри, какая красивая Гуттиэре!». Я вяло кивнул, а сам только на Ихтиандра и смотрю. Буквально влюбился в него, и просил еще несколько раз сводить меня на этот фильм. Это к вопросу о том, почему идея «пропаганды гомосексуализма» абсурдна. Я как биолог знаю, что сексуальная ориентация закладывается в утробе матери, повлиять на нее невозможно ни в ту ни в другую сторону, это не вопрос выбора. В детстве, конечно, я ничего этого не знал и не понимал, почему меня так притягивает красавец Ихтиандр.

В школе и университете я встречался с девушками. Девственность с парнем потерял только в 24 года, когда решил, что больше себя обманывать и сопротивляться нет смысла. Дело было в Таиланде, где я отдыхал перед научной экспедицией в Камбоджу. Это был молодой европеец, с которым мы познакомились на пляже. Я вообще много езжу, побывал более чем в тридцати странах, в трех жил подолгу, но нигде я не придавал особенного значения открытости.

В Англии я столько работал, что почти никакой личной жизни у меня не было. В Японии прожил три года, и там у меня был парень. Японская культура бесконечно толерантна, геям там быть не предосудительно, но друзья опять же ничего не знали про нас по другой причине: обсуждение личной жизни в Японии — строжайшее табу. У нас была компания, мы вместе работали, путешествовали и тусовались. О том, что некоторые девушки и ребята в этой компании встречались

друг с другом, я узнал только после отъезда, когда они прислали мне свои свадебные фотографии. До свадьбы даже на вечеринках они не подавали виду — не принято.

Смешнее всего получилось в Америке. Туда до меня приехала моя русская коллега, с которой мы были знакомы с детства. Она еще в школе пыталась завоевать меня, а когда не получилось, решила, что я гей. И много лет спустя, в Штатах, узнав, что я еду в ее институт, она пустила слух про мою сексуальную ориентацию. А я еще недоумевал, почему со мной все такие вежливые и так подчеркивают свою толерантность.

В России, конечно, было трудно, с родителями вышла настоящая сцена. Как ни странно, мой глубоко верующий отец воспринял это с большим спокойствием, чем мама. Она по-настоящему была в ужасе и до сих пор, кажется, не смирилась. Но уже на следующий день она заверила меня в своей любви, и это самое главное. Вообще, реакция человека на камин-аут — отличный фильтр. Лишние люди отсеиваются, а все мои настоящие друзья эту проверку выдержали.

В России проблема даже не в открытости, а в атмосфере. Вернувшись из Японии, я не узнал любимую Москву. Люди, общее ощущение — все другое. Один раз утром мы с другом шли из гей-клуба к метро, было светло, я направлялся на работу, мы проходили мимо компании подростков, человек десять, которые пили пиво. Услышали крик: «Эй, пидоры!», тут же удар в спину ногой. Я развернулся и ударил нападавшего, но на нас тут же напали все разом, повалили на землю и начали пинать. Пинали по голове, по ребрам — везде. Я занимался карате четыре года, и в какой-то момент от ярости и боли я вскочил, выхватил у одного бутылку и кинулся на них. Нас спасла проезжавшая мимо патрульная машина. Эти бросились врассыпную, мы сели в машину и двоих-таки догнали и привезли в отделение.

Это был единственный неприятный случай, связанный с моей ориентацией.

Но здесь небезопасно не только гею, а, в принципе, любому человеку. Поэтому многие мои друзья уезжают за границу или просто в другие города. Сейчас у меня интересная, ответственная работа, которая мне очень нравится, но вопрос с отъездом всегда остается открытым, с этими нравами и законодателями я ничего не исключаю. Кстати, на работе не знают о моей сексуальной ориентации. Но я не беспокоюсь на этот счет и специально скрываться не собираюсь. Недавно была смешная история: я ходил на яхте по Адриатике в такой чисто мужской суровой компании с питерскими ребятами. Речь зашла об острове Миконос, и начался разговор в том духе, что бить надо пидорасов. Я не выдержал и все про себя им объяснил.

Ну, говорят, ты-то наш человек, ты нормальный, а остальных все равно бить надо.

Не думаю, что личная жизнь гея в Москве чем-то отличается от жизни любого другого. То же вечное отсутствие времени и сил на то, чтобы найти подходящего человека и построить серьезные отношения. За три года, что я в Москве, у меня было несколько коротких историй и только один настоящий роман, и снова с иностранцем. Мы познакомились два года назад, 10 декабря, в день протеста на Болотной площади. Помню, как я собирал рюкзак на случай возможного ареста, а уже вечером показывал город своему будущему парню и другу. Мы больше полугода встречались по разным странам, а потом решили съезжаться. Сначала думали о Москве, так как у его компании здесь есть офис, но перевестись у него не получилось, да и мы решили, что Австрия для гей-пары подойдет лучше. К тому же мне как ученому проще было бы найти работу там, чем ему в России. Разговоры шли и о детях. Мы даже определились с кандидатурой матери. А потом все в один момент закончилось, буквально накануне моего пробного заезда. Так бывает.

—Записал Карен Шаинян

*Интервью впервые напечатано в журнале «Афиша»
№ 339 (25.02.2013). Публикуется с разрешения
журнала. Обновлено и дополнено автором*

НАТАЛЬЯ УШАКОВА

*«Если я буду переживать из-за правительства,
у меня будет третий инфаркт»*

Наталья Ушакова воспитала в однополем браке шестерых детей. Сейчас им уже от 14 до 24 лет, дома с мамами живут только младшие. Наталья и Ольга скоро станут бабушками. Наталья увлечена идеей создать кризисный центр, где смогут получать приют и помощь ЛГБТ-подростки, которых выгнали из дома или которые находятся в опасности. Сейчас у Натальи и Ольги уже живут два подростка, которые оказались выброшенными на улицу в Москве.

Для тех, кто верит в реинкарнацию: мы с моей супругой Ольгой вместе с прошлой жизни. А так, наверное, достаточно долго, чтобы понять, что мы одно целое — то, что зовется СЕМЬЕЙ.

Мы обе выросли в советское время. Тогда не то что лесби, а секса-то вообще не было. Вот и повыходили замуж, но тягу к подругам чувствовали всегда. Мой первый секс был с девушкой в институте, и сначала это было дико, но до безобразия приятно.

Мы встретились, когда у нас обеих уже были дети и некоторые из них уже были подростками. Нам хватило четырех часов, чтобы понять, что мы хотим быть вместе. А потом прожили вместе семь лет. Уже восьмой пошел.

Как это ни странно, но и мои дети, и дети Ольги очень спокойно отреагировали на то, что мы стали жить вместе. Мы как-то сразу же нашли общий язык.

Семья из двух женщин ничем не отличается от семьи из мужчины и женщины, если отец не пьет и не гоняет мать. А гвоздь забить, дрова наколоть и проводку провести я и сама могу. Как и в любой другой семье, в нашей бывают разногласия, но не из-за того, что она однополая. А так, на бытовой почве: уборка, посуда, прогулы в школе и успеваемость. Посуду моют дети, и убирают тоже. Я готовлю. Оля на

работе. Я же стираю и глажу. Ремонт занимаемся все вместе. Когда я болею, то Оля готовит, а мелкие гладят и стирают. У нас равноправие.

Таких же семей в городе, где мы живем, почти что нет, и Ольга иногда скучает. Тогда мы выбираемся в Москву и едем тусоваться в клуб или идем на концерт.

«Борцуны за нравственность» твердят, что в однополых браках дети запропагандируются и тоже станут гомо. Идиоты! В нашей семье трое старших женаты и замужем. Двое встречаются. У сына с девушкой дело тоже идет к свадьбе. Только мелкий еще не определился, но ему 14 лет. За девочкой ухаживает очень красиво.

Моя мама подкалывала, но потом как-то смирилась. В этом мне помогла моя средняя дочь Настя — та, кто нам подарит скоро внука. Она просто сказала, что не отвернется от меня, даже если я буду жить с чертом. А если бабушке не нравится, то она к ней не приедет... Вот такой вот ультиматум.

Друзья к нам приходят, и довольно часто. Негатива нет, вопросов особенных нет. Меня вообще считают своим парнем, со всеми секретами и проблемами обращаются не стесняясь. Иногда даже ночью звонят. У меня много друзей-гетеросексуалов, и они очень переживают за нас с супругой.

Я стараюсь просто не обращать на новости внимания. Если я буду переживать из-за всякой фигни и нашего правительства, то у меня будет третий инфаркт. Но страшно из-за ненависти людей, которые ненавидят, не понимая, почему. Как во времена инквизиции. Массовая истерия, как охота на ведьм.

Кто-то уезжает из страны, чтобы создать семью и жить в нормальных условиях. Каждому свое, пусть каждый поступает так, как считает нужным. Но что же делать тем, у кого нет такой возможности?

Я не собираюсь бежать или прятаться. Но если придут за моими детьми, то просто применю такое же насилие, как применят к нам. В этом случае на насилие нужно отвечать насилием.

Раньше было легче. Не было такой шумихи, и многие не обращали на это внимания, и слов таких даже не знали. Но могли и посадить. Статья была, хотя из женщин по ней мало кто сидел. Но все-таки сидели: если встречаются две девушки и одной из них нет 18 лет — то три года твои, как с куста, за извращенные отношения.

Нашу историю пишем мы сами. Когда-то и революцию делал народ. Но я очень верю, что скоро все изменится. Конечно, вылезать из подполья нужно, но мы многим рискуем. А в «совок» мы уже не вернемся — не тот уровень.

А с центром для ЛГБТ-подростков все получилось спонтанно. Мне написал человек из другой страны, что в Москве на улице находятся

двое ЛГБТ-подростков. А ведь там не май месяц. Вот я и поехала их забирать. И других заберу, если нужно будет.

Говорить и предлагать можно много, но действуют одиночки. Помощь нужна — и физическая, и материальная. Больше, наверное, физическая. Про целый проект говорить пока рано, ведь у нас пока нет законов. Но приют организовывать нужно, и срочно. Сейчас почти зима, и очень много наших детей на улице. Эти дети особенно подвержены насилию и издевательствам, и им нужна помощь. Они жертвы обстоятельств и наших законов.

Я пока одна, но пытаюсь хоть как-то помочь. Чего разговоры говорить, когда действовать нужно. На сегодняшний день я заявляю: это мой дом, кого хочу — того и приглашаю.

Я не организатор и даже не активистка. Я просто человек, который не может пройти мимо. Вообще-то, я еще и работаю — это сейчас я взяла больничный. Наша семья не проживет на одну зарплату, и приезжих ребятишек тоже нужно кормить, а некоторых придется одевать. Как правило, они оказываются на улице без сменного белья и лишней пары носков.

Чужих детей не бывает, но этим особенно нужна поддержка, ведь от них отказались самые близкие люди — те, кому они привыкли доверять с детства, и порой это больнее, чем обиды сверстников. Если у тебя проблемы в школе и на улице, но дома ждет мама, которая поймет, то все трудности кажутся пустяком.

—Беседа прошла в рамках «Вечерних гостиных» онлайн-сообщества «Дети-404». Публикуется с сокращениями, с разрешения администратора сообщества

МАКС И САША

*«Разговор с журналистом о моей частной жизни
кажется дикостью»*

Максу 33 года, он совладелец ресторана, Саше 30, он топ-менеджер в небольшой международной компании. Несколько месяцев спустя после этого разговора у Макса родился сын. Он несколько лет думал о ребенке, и в конце концов завел его с близкой давней подругой, гетеросексуальной женщиной. Макс по несколько раз в неделю приезжает к ребенку, остается на ночь и на все выходные. Постепенно вся большая семья матери его ребенка стала семьей и для самого Макса, и для его парня.

САША

Не припомню, чтобы я как-то страдал или переживал особо в юности из-за своей ориентации. У меня вообще запоздалое развитие в этом смысле: только лет в 17 стал интересоваться этими вещами и понял, что тянет меня к парням, а не девушкам. Тогда же у меня был первый секс, а первые отношения случились только в 24 года. Это была очень сильная влюбленность, с таким немного нездоровым надрывом.

Мои родители не знают, есть ли у меня кто-нибудь, только потому, что никогда не спрашивали. Они не вмешиваются в мою личную жизнь, и для них главное — чтобы я не был наркоманом, алкоголиком и на работе не засиживался допоздна. На работе тоже этот вопрос никогда не вставал. Вообще, никаких мучительных камин-аутов у меня не было. Близких друзей, которым имеет смысл рассказывать, у меня не так много, и никакой драмы там не было: я спокойно сообщал, они приняли к сведению, и все. Помню, мы еще в студенчестве снимали вчетвером двушку, и, конечно, было тесновато, но никто из моих друзей-натуралов не возражал, когда мой парень приходил ко мне в гости.

Через несколько месяцев после того, как мы начали встречаться с Максом, один из моих близких друзей пригласил нас на свадьбу. Был

такой очень торжественный, красивый праздник: конец лета, белые шатры и столы на открытом воздухе. Все, конечно, были приглашены со своими семьями, девушками и парнями. Ну, и я тоже приехал со своим парнем. Мы пришли с Максом как пара, это было всем очевидно, но не создало ни малейшей неловкости. И друзья, и родители были нам рады, никто косо на нас не смотрел, даже люди старших поколений. Макс танцевал с мамами жениха и невесты, в общем, вечеринка удалась, один из самых веселых праздников на моей памяти.

Я слышал от приятелей-геев, что их «выход из шкафа» на работе или в семье заканчивался неприятностями, но со мной ничего такого не случилось ни разу. Мне кажется, что у меня от высокого роста больше проблем, чем от ориентации — часто лбом ударяюсь об косяк и не помещаюсь на полке в поезде. В жизни есть много поводов для беспокойства и помимо вопроса, как кто отнесется к моей ориентации. Меня самого больше волнует общий смысл происходящего в жизни и в нашем обществе, не связанный непосредственно с моей ориентацией. Меня беспокоит не только антигейский закон, но все эти законы, которые сейчас принимают. Меня волнует, какой смысл в том, чем я занимаюсь. Как бы так не просто делать карьеру, а приносить осязаемую пользу, чтобы то, что я делаю, кому-то помогало. Думаю о детях. Все это занимает меня больше, чем тот факт, что я гей.

МАКС

Вообще-то это унизительно. Я не против публичного разговора о геях в принципе, не против откровенных рассказов и смелых признаний. Возможно, для кого-то действительно важно проговорить все это публично, я не возражаю ни секунды. Но лично мне разговор с журналистом о моей частной жизни кажется дикостью, я же не знаменитость.

В моей жизни, как в жизни любого человека, было много страхов, неуверенности и обиды. Но, кажется, самое сильное унижение я испытываю теперь, когда журналист предлагает мне поговорить не о социальных проблемах, не о бизнесе и не о мировых кулинарных тенденциях, и даже не о проблеме гей-браков, а вот буквально о моей частной жизни — каково мне быть геем и какие со мной приключались истории в связи с этим? Это, мне кажется, унизительно не только для меня, но и для журналиста. И в эту тупую ситуацию нас всех поставили идиоты, принимающие античеловечные законы.

Когда пару лет назад в Москве запрещали гей-парад, мой друг, иностранец, спросил, почему я не поддерживаю гей-активистов. Я ответил, что у нас в стране нет прав не только у геев, но и у инвалидов, сирот, пенсионеров, женщин — ни у кого. В западных странах

геи добиваются законных браков для себя, чтобы, например, иметь возможность посещать в больнице своих партнеров. У нас я не мог добиться, чтобы меня пустили в больницу к родной маме. Попасть к ней мне удалось, только заплатив взятку. У нас вообще очень плохо с гражданскими правами, и добиваться отдельного права на гей-парад я не видел смысла.

Теперь ситуация изменилась. В регионах и Госдуме принимают гомофобские законы, причем геев и лесбиянок пишут в одну строку с педофилами. Но самое страшное, что пострадают не я, сформировавшийся уже человек, а дети, подростки, для безопасности которых как будто бы принимают этот закон. Теперь подростки-геи будут чувствовать свою ущербность, а гомофобы — свою правоту, и чем это кончится, я не хочу даже думать.

Теперь у меня есть ребенок. И я все время думаю о его будущем. Боюсь за него, потому что сейчас обсуждается идея лишать геев родительских прав — не только на усыновленных, но и на собственных биологических детей. Я не верю, что этот закон могут принять. С одной стороны, не хочется светиться сильно, чтобы не привлекать внимание. С другой, наверное, публичный человек более защищен. Как нам следует себя вести в этой ситуации, честное слово, не знаю.

—Записал Карен Шаинян

*Интервью впервые напечатано в журнале «Афиша»
№ 339 (25.02.2013). Публикуется с разрешения
журнала. Обновлено и дополнено автором*

НИНА И КАТЯ

«Мама Катя, мама Нина, папа и много детей»

Когда две длинноволосые красавицы Нина, 33 года, психолог и телепродюссер, и Катя, 30 лет, налоговый консультант, разговаривают, смотрят друг на друга и держатся за руки, природа их отношений не оставляет никаких сомнений. Они познакомились два года назад при трагических обстоятельствах. В конце зимы они планируют пожениться. Точнее, это будет конец лета, потому что бракосочетание состоится в Аргентине. И, как многие влюбленные, Катя и Нина мечтают о детях, но где, сколько и с кем их заводить — сложная задача, которую им предстоит решить.

НИНА

У нас не романтическая история знакомства. Летом 2011 года произошла трагедия: маленькое судно столкнулось с большой баржей на Москве-реке, из 17 человек, что были на борту, погибло больше половины. Катя была среди выживших.

КАТЯ

Мне посчастливилось оказаться на палубе далеко от места удара и от винтов. В общем, я выбралась, и меня выловили спасатели. А на берегу я встретила Нину.

НИНА

Мы тогда не знали друг друга, я была со своими друзьями, родственниками пострадавших. Поначалу не было ни малейшей мысли о романтике, я поддерживала Катю, мы просто подружились. И первые два месяца она была в тяжелом шоке, поэтому и отношения у нас были такие нелегкие, рваные. Постепенно они выровнялись, а я даже не понимала, что происходит. Почему я все время хочу с ней видеться, но в то же время, почему у меня вызывает протест все, что она говорит. Такое смешанное чувство.

КАТЯ

Для меня история моей любви с Ниной началась с телефонного разговора, который продлился четыре часа одиннадцать минут, когда у нас по очереди разряжались мобильники. Это было пару месяцев спустя после трагедии, уже осенью.

НИНА

У нас почти не было обычных свиданий — такой автомобильный роман: мы много времени проводили в машине, ездили и болтали. У меня было очень переменчивое состояние, то смутное, то ясное, и вот как-то в ясную фазу я послала ей смс: «Я хочу с тобой все». Это ведь мои первые романтические отношения с девушкой, и я очень надеюсь, они останутся единственными на всю жизнь. У меня были эксперименты с девушками, но без какой бы то ни было романтики. Так что с Катей мне понадобилось время, чтобы разобраться, что я чувствую и чего хочу. Как только разобралась, сразу рассказала обо всем мужу, собрала вещи и уехала. К тому моменту, когда мы познакомились с Катей, я уже второй раз была замужем, и это было тяжелое расставание, большая драма. Я сняла квартиру и жила одна, пока Катя не переехала ко мне.

КАТЯ

Я тоже на момент нашей встречи была в отношениях — у меня была девушка, с которой мы прожили несколько лет. Но у меня, кажется, история была попроще: когда я поняла, что влюбилась, все стало однозначно — есть Нина и никого, кроме Нины, быть не может. В феврале 2012 года мы начали жить вместе.

НИНА

Сейчас мы готовимся к свадьбе, которая будет в Аргентине в марте следующего года. Существует не так много стран, где нерезиденты могут заключать гей-браки: Штаты, Канада, Аргентина и, кажется, Уругвай. И как только мы поженимся, будем заводить детей.

КАТЯ

Мы не знаем, где и как это будет происходить. Хотелось бы, конечно, жить дома, здесь у нас родители, друзья, здесь все. Но учитывая степень идиотизма всего, что сейчас происходит, непонятно, сможем ли мы оставаться в России.

НИНА

Сейчас в одном городе какие-то родители пытаются отсудить у женщины ее детей под тем предлогом, что она лесбиянка и живет со своей подругой. Учитывая все это, я не хотела бы рожать в России. Мы думаем про Непал, Латинскую Америку или Штаты.

КАТЯ

Мы не хотим скрываться, и тут важно не только то, чего нам хочется, но и то, что будет лучше для ребенка. Я не кричу о своей ориентации, но коллеги на работе о ней знают, мы дружим с моим начальником в Фейсбуке, так что все открыто. Я работаю в большой международной компании. У меня не было ни открытых конфликтов из-за моего образа жизни, ни угрозы физической безопасности. Но всегда к этому можно добавить «пока». Наверное, придется ехать к «кровавому Госдепу», но не хотелось бы.

НИНА

В конечном итоге, план зависит еще и от отца, которого мы найдем, потому что мы бы хотели, чтобы отец участвовал в воспитании, общался с ребенком. Папа — это очень важный человек и для мальчика, и для девочки, от него ужасно много зависит. Сейчас у нас есть несколько вариантов в России и Америке. У нас с Катей уже достаточно крепкая семья, но я верю, что нам нужен настоящий отец, с которым мы придумаем гармоничный способ сосуществовать: чтобы была мама Катя, мама Нина, папа и много детей. Пара точно.

КАТЯ

Или по паре у каждой.

НИНА

Если думать про эмиграцию, то, наверное, это Штаты. Я часто там бываю и очень люблю Нью-Йорк, я знаю язык, так что пока это основной вариант. Главное, все решать постепенно, без оголтелости, спешки и без оглядки на то, как на это посмотрят другие. Этот брак — это не только официальный юридический статус, для меня важно чувствовать, что я все делаю правильно. Не в смысле — по чьим-то правилам, как в Советском Союзе, а в смысле — так, как мне лично кажется правильным. Мне 33 года, я много всего делала по разным чужим правилам, и сейчас мне хочется делать все только по тем, которые установим мы сами, мы вдвоем. Поэтому мне очень важно мнение Кати, я бесконечно ее уважаю, хотя мы не всегда понимаем друг друга. Для меня она просто загадка. С самого начала я прямо не понимала

ее, казалось, что это совершенно удивительный, волшебный человек. И кажется до сих пор.

КАТЯ

Да, у нас очень необычные отношения. Мы мыслим совершенно по-разному, но у нас как будто сложился какой-то пазл. Тут я даже не могу что-то особенное сформулировать, Нина — это Нина, моя семья, мой человек. Я не вижу нужды ее понимать, я ее очень хорошо чувствую, а все, что мне нужно понять, она мне объяснит.

—Записал Карен Шаинян

АНЯ И НАТА

«Когда наши отношения устаканились, нам захотелось научиться танцевать в паре»

Аня живет с родителями, которые часто ездят за границу. Когда они уезжают, Ане с Натой удастся какое-то время пожить вдвоем. Анина мама догадывается, что ее 27-летняя дочь неспроста не знакомит ее с ухажерами, но не может расстаться с мечтой о зяте. Ната живет с бабушкой, которая хорошо относится к Ане, но не подозревает, что ее внуку с Аней связывает не только дружба. Аня и Наташа познакомились через фанфик-сообщество в Живом Журнале. Они вместе сочиняют сказку, вместе работали в детском кафе, но, главное, вместе танцуют — вест-кост-свинг.

АНЯ

Наташа ужасно любит сладкое и способна в одиночку съесть торт.

НАТА

За ночь.

АНЯ

А я сладкое не люблю. Ната готовит мне еду, а я пеку ей сладости. Поесть мы очень любим.

НАТА

И вместе садимся на диету. Недавно перед фестивалем мне Анька говорит: «Так, Наташа, через неделю танцуем, нам нужно влезть в костюмы, худеем». Мы встретились на концерте Сургановой, 7 лет назад. У меня в то время был танцевальный коллектив, и я позвала туда Аньку. Вот тут все и закрутилось.

АНЯ

А когда наши отношения окончательно устаканились, нам очень захотелось научиться танцевать вдвоем, в паре.

НАТА

Мы на одной вечеринке увидели, как танцуют две девочки. И загорелись этой идеей.

АНЯ

Однажды проходили мимо Фрунзенского моста, там каждый день играет музыка для всех желающих потанцевать. Мы встали рядом с танцующими хастл и начали повторять движения. Потом нашли студию танцев для девушек, где открылся набор для новичков. Целый год мы там занимались в паре.

НАТА

Мы попали в общество танцующих людей, где всем все равно, откуда ты, кто ты, с кем ты спишь. Единственное, что им важно — что ты с ними в одной струе, что ты танцуешь.

АНЯ

Они научили нас танцевать обо всем на свете. Если хочешь, можешь любовь протанцевать или погоду. Что хочешь, то и танцуешь. Это свободный мир. Эта студия просуществовала еще три года: были проблемы и с залом, и с набором, и с вышедшим законом о всяких пропагандах — это же парные танцы для девушек.

Со стиля хастл перешли на вест-кост-свинг. Он очень плавный, похож на море. Растягивается, как волна.

НАТА

Там нет точек, он все время продолжается. Но заниматься танцами совсем профессионально мы не можем — по одной простой причине: как пара мы не имеем права принимать участие в конкурсах.

АНЯ

Нате можно танцевать в конкурсах с другими партнерами, а мне нет. Кстати, не помню, как так вышло, что я стала танцевать за партнера. Наверное, мне просто было интересно получить такой опыт.

НАТА

Ане нравятся функции партнера: он решает, что делает пара. Партнерша может импровизировать, но она всегда следует за партнером.

АНЯ

Партнеру нужно простроить танец, он должен думать на пять шагов вперед. Это очень сложная штука: нужно помнить и о технике, и о музыке, и о рисунке танца.

НАТА

Мне было в начале очень сложно, потому что я не привыкла просто покорно следовать за кем-то. У нас даже были конфликтные ситуации. Но мы научились понимать друг друга.

АНЯ

Ната в танце идет за мной, и когда я вижу, что она начинает импровизировать, ожидаюсь, даю ей время и обыгрываю это своими движениями. Это сложная наука. Переломный момент для меня наступил, когда на дискотеке я смогла пригласить на танец другую девушку, не Нату. Для танцора это очень важный шаг. Всегда танцевать с одним партнером нельзя, так ты будешь деградировать, не замечая своих ошибок. Помню, как сидела и боялась: как я приглашу кого-то другого? Что про меня подумает девушка? Но потом увидела своего педагога и пригласила ее — и с тех пор я знаю, что могу танцевать с кем угодно. А для человека, который хочет танцевать профессионально, это новый этап.

НАТА

А потом начался второй важный этап.

АНЯ

Мне повезло в прошлом году. Мы с Натой должны были вдвоем выступать на фестивале, зарегистрировались, готовили номер. И тут Ната неожиданно загремела в больницу. Я уже решила отказаться, но Наташа меня настроила на участие.

НАТА

На фестиваль приезжают продвинутые люди, профессиональные тренеры из Америки и Европы, они дают мастер-классы. Это отличный опыт: примерно как позаниматься с носителем языка.

АНЯ

Я пошла, но была расстроенная, неуверенная. И я уже не помню, какая шлея мне попала под хвост, но после одного из занятий я решила подойти к главному судье конкурса. Подхожу и спрашиваю: «Скажите, а почему мне нельзя потанцевать в конкурсе за партнера?». Он посмотрел на меня удивленно: «Почему нельзя?». Тут ко мне подбегает волонтер фестиваля и говорит: «Главный судья разрешил тебе участвовать, скорее иди получай конкурсный номер». До меня начинает медленно доходить, что только что мне разрешили участвовать в конкурсе в обход всех правил! У меня такой шок, такая эйфория, я звоню Нате в больницу с истерическими криками: «Ната, я иду на конкурс!». Переодеваюсь в паническом состоянии. Мне на спину прикрепляют номерок. Я выхожу на паркет. Вокруг меня судьи, люди на меня озираются — все как во сне. И я одна в толпе мужчин-партнеров. И вот объявляют имена тех, кто вышел в полуфинал — и я понимаю, что меня тоже назвали. Я снова звоню Нате с криками. Проходит полуфинал. Я думаю: все, теперь можно расслабиться. И тут на меня налетает партнерша, с которой мы познакомились на конкурсе: «Аня, ты видела результаты? Ты в финале!». Я медленно осознаю, что вошла в финал — в мужском конкурсе! И последний шок — в финале я попадаю в десятку.

НАТА

С первого раза — и сразу в десятку лучших.

АНЯ

С тех пор прошел год, но ни в одном конкурсе нам больше не разрешили участвовать. В правилах прописано: пара — это партнер-мужчина и партнерша-женщина. Но один раз все-таки разрешили, и это важный прецедент.

НАТА

Когда проходишь в финал на престижных соревнованиях, все финалисты попадают в международный танцевальный рейтинг и получают рейтинговые баллы. Твое место в рейтинге — доказательство танцевального уровня. На том конкурсе Аня должна была получить баллы, но ей их не начислили.

АНЯ

Те, кто выставял оценки, увидели мою фамилию, поняли, что я девочка, и не засчитали мне выход в финал.

НАТА

С того времени мы все время пытаемся найти возможность участвовать в соревнованиях. Как танцоры мы и так растем, ходим на мастер-классы, учим новые танцы, но хочется и профессиональных достижений.

АНЯ

Я даже пыталась танцевать за партнершу. Но с тех пор, как я начала расти как партнер, процесс управления танцем стал для меня интереснее.

НАТА

Да, в прошлом году мы пробовали учиться танцевать наоборот. Это очень интересный опыт. Меняться партиями полезно, потому что начинаешь понимать, как мыслит твой партнер. У нас есть знакомые мужчины-танцоры, и мы начали с ними тоже так развлекаться — водили их как партнерш, и они приобрели важные технические навыки. Вообще, мне очень жалко наших русских мужчин: для них нет свободы даже в танцах. Если парень пробует танцевать за партнершу, на него сразу сваливается куча стереотипов.

АНЯ

Кстати, американцы умеют танцевать за партнерш так, что наши девочки только завидуют — они вращаются, делают такие пируэты, которые не каждая балерина осилит. Они более открытые...

НАТА

Мы с Аней все наши проблемы решаем и проживаем в танце. Большинство стычек за все эти семь лет было на репетициях. Был еще у нас такой период, когда я сильно улетела вперед по технике. Для всех танцоров это очень сложный этап, когда кто-то один в паре начинает расти быстрее, а второму приходится догонять. Мы постоянно ругались.

АНЯ

Но у нас будто есть параллельная жизнь, где мы решаем все конфликты.

НАТА

Мы часто думаем о будущем. Конечно, в нашем положении жить в России нельзя: жениться нельзя, детей заводить нельзя, танцевать вместе нельзя — ничего нельзя.

АНЯ

Когда приняли этот закон о пропаганде, по сети ходили шутки: если ребенок вырос в семье, где только мама и бабушка, эта семья тоже считается однополрой?

НАТА

Мы смеемся, но это, конечно, серьезная проблема. Наверное, наше общество пока в принципе не готово к принятию. Мы это понимаем.

—*Записала Мария Княжер*

